170000 километров с Г К Жуковым

Александр Николаевич Бучин

SHOUT
SHARE
IT

- Бучин Александр Николаевич

Бучин Александр Николаевич 170000 километров с Г К Жуковым

Бучин Александр Николаевич
170 000 километров с Г. К. Жуковым

Аннотация издательства: Беседы А.Н. Бучина с профессором истории Н.Н. Яковлевым полны уникальной информации, деталей, сведений, которые не сыщешь ни в одном архиве. Сегодня это самый откровенный, порой шокирующий, рассказ о маршале, о людях, которые его окружали. Издание иллюстрировано в основном никогда не публиковавшимися фотографиями из личных архивов.

Содержание

Вводное слово. Н. Н. Яковлев
Потомственный автомобилист
Грянула война!
На Западном фронте
На разных фронтах
Харьков - Киев - Карпаты
На Берлин!
Гигант в путах
Дело No 3687
О трагедии полководца XX века
Избранная библиография. Составил Н. Н. Яковлев

Вводное слово

За плечами автора этих записок Александра Николаевича Бучина большая насыщенная и интересная жизнь. В 1941-1948 годах судьба свела А. Н. Бучина с нашим национальным героем, прославленным полководцем маршалом Г. К. Жуковым. Эти годы падают на судьбоносное время в истории России - Великую Отечественную и непосредственный послевоенный период, они навсегда врезались в память Александра Николаевича. Зримая память о них - бережно хранимый им томик "Воспоминания и размышления", первое издание мемуаров Г. К. Жукова с дарственной надписью маршала, сделанной в ноябре 1970 года: "Уважаемому Александру Николаевичу Бучину, моему лучшему шоферу, безупречно прошедшему со мной все дороги фронтов Великой Отечественной войны".

Вручая книгу, Георгий Константинович обнял Бучина и сказал: "Вам также нужно писать, вам есть, о чем вспомнить". Бучин ответил, что он не писатель. "Я тоже, - улыбнулся Жуков, - но, как видите, книгу сделал". По многим причинам, в первую

очередь заботе о куске хлеба, Александр Николаевич не мог найти времени для работы над книгой. Она откладывалась и откладывалась более двух десятилетий, и только после ухода на пенсию А. Н. Бучин наконец счел возможным рассказать о том, что видел, пережил и узнал, работая у Г. К. Жукова и рядом с ним.

Он нашел меня, первого биографа прославленного маршала, мы договорились оформить бесценные воспоминания Александра Николаевича в виде нашего диалога. Я, профессиональный историк, комментирую в случае нужды рассказ А. Н. Бучина. Особых разъяснений, однако, не потребовалось, ибо у рассказчика с годами вошло в привычку следить за книгами о той войне и всем связанным с Г. К. Жуковым. А. Н. Бучин собрал солидную специальную библиотеку. Как историк свидетельствую: он обладает обширными познаниями, ясно мыслит и четко излагает все касающееся предмета наших занятий. Главное - исправляет и опровергает уже нагроможденные вокруг имени маршала небылицы.

К сожалению, они стали накручиваться уже при жизни Г. К. Жукова по слишком очевидным причинам. К секретности, неизбежной в условиях войны, добавилось глухое молчание о нем в послевоенные годы, когда политические и военные пигмеи стремились вытравить самую память о Жукове из памяти народной. Могут возразить, указав: выпущены и к нашим дням выдержали 10 изданий мемуары Г. К. Жукова. Все это так, но где серьезные рецензии на них, обстоятельные разборы? Их нет. Сначала потому, что выходу в свет первого издания "Воспоминаний и размышлений" сопутствовало указание Агитпропа ЦК КПСС, продублированное ГлавПУРом, - рецензий на книгу не давать. Инерция запрета оказалась сокрушительной, надолго подавив возможность серьезных аналитических исследований о Г. К. Жукове.

Ныне иные времена, но песни старые: казалось, о Г. К. Жукове стали много и открыто говорить. Но говорят селективно, отстаивая ту или иную субъективную точку зрения. Любое другое начисто игнорируется. Разве не смешно, когда в "Военно-историческом журнале" (1993, No 7), в статье, посвященной разбору литературы о войне, упоминается так, проходняком, "книга о Г. К. Жукове из серии "Жизнь замечательных людей", без фамилии автора. А речь идет о моей книге о Г. К. Жукове, выдержавшей в 1985-1992 годах 7 изданий общим тиражом свыше 3 миллионов экземпляров. Работа, помимо прочего, отредактированная и одобренная Маршалом Советского Союза С. Ф. Ахромеевым. Первая в нашей стране биография Жукова не

устраивает и новейших "знатоков" военной истории. Вот почему вдвойне, втройне своевременны правдивые записки А. Н. Бучина.

Нет слов, чтобы выразить ему благодарность за плодотворное сотрудничество, терпение и доброе отношение к моим иногда утомительным расспросам. К сожалению, это неизбежно. В годы войны работавшим с Г. К. Жуковым было категорически запрещено вести какие-либо дневники, делать заметки и т. д. Нарушивший запрет рисковал оказаться в руках военной контрразведки СМЕРШ по стандартному подозрению в шпионаже. Конечно, военных контрразведчиков можно и нужно помянуть за действительные подвиги, но и дров они наломали порядочно. С А. Н. Бучиным мы работали по памяти, он вспоминал события полувековой давности. Где возможно, мы проверяли их по доступным источникам. Как правило, сходилось!

Александр Николаевич - хрестоматийный пример того, как прекрасен человек, проживший чистую, честную жизнь. Он ушел на пенсию в январе 1992 года 75 лет, проработав последние 39 лет сначала в междугородных автобусных, затем в международных автомобильных перевозках. С 1982 года, когда начали разжиматься тиски "партийности", его, беспартийного, "допустили" к работе за рубежом, он гонял тяжелые автопоезда не только в тогдашние социалистические страны, но и в капстраны - Италию, Францию, Германию, Австрию, на Балканы - в Югославию.

Что же дало ему феноменальную долголетнюю работоспособность? Скажут: здоровье укрепил спорт. Александр Николаевич был выдающимся мотогонщиком, в жизни не курил и практически не пил. Отнести, однако, его жизнеспособность за счет спорта недостаточно. Тем более что мотогонки, как никакой другой вид спорта, изнашивают организм во всех отношениях.

Думаю, дело в другом - А. Н. Бучин был всегда в ладах с совестью. С юных лет ему пришлось по необходимости работать в густой тени наших карательных органов. Со всех сторон соблазны, обычно непреодолимые для честолюбия молодости. Александр Николаевич, необычный человек, устоял, твердо отвергнув многие попытки посулами реальных благ заманить в партию. Он знал свое дело и совершенствовал профессиональное мастерство. Спокойно шел своей дорогой русского человека, которая в тогдашних условиях привела в тюрьму МГБ СССР. Как многие другие честные люди, А. Н. Бучин встретил смерть Сталина в заключении.

Не согнулся и там. Сохранил свое достоинство и отстоял честь Г. К. Жукова, а за работу с маршалом, собственно, его и бросили за решетку. Теперь он рассказал и об этом.

Крестный путь Г. К. Жукова и некоторых из тех, кто был близок к нему, побудил меня заключить эту книгу обширным эссе о судьбах военачальников в XX веке.

Надеюсь, что записки А. Н. Бучина станут важным источником по истории Великой Отечественной войны.

Проф. Н. Н. ЯКОВЛЕВ

Октябрь, 1993 г.

Потомственный автомобилист

В 1900 году большое горе постигло семью рабочего Бучина, проживавшую в Марьиной Роще, в собственном доме. Пропал 16-летний сын Николай. Только-только поступил смышленый Николка в слесарную мастерскую учиться ремеслу и пропал. Утром пошел на работу, а вечером не вернулся. Безутешно искали сына-первенца и единственного - уже немолодые родители. Никаких следов. Наконец и у матери Екатерины Васильевны стала иссякать надежда снова увидеть парня. Подала за упокой души раба Божьего Николая просфорку. Конечно, никак не могла смириться с утратой.

Ровно через год великая радость посетила дом в Марьиной Роще. Буднично, как будто ничего не случилось, вошел в прихожую возмужавший 17-летний Николка. Расцеловал мать, почтительно поздоровался с отцом и за русским самоваром начал рассказ, затянувшийся на многие дни, о том, как занесла его судьба в Европу, в Германию. Впрочем, судьбу эту юноша избрал сам.

Россия вступала в XX век под грохот машин новейшей по тем временам индустрии. Лучшие из лучших в нашей стране связывали свое будущее с техникой и наукой. Престиж механика или инженера был ни с чем не сравним в глазах мыслящей молодежи. Среди самых завидных профессий шофер фигура даже загадочная. Водитель в очках-консервах, перчатках-крагах в первое десятилетие нашего столетия смотрелся примерно так, как космонавт в скафандре в шестидесятые. Стать шофером и решил юный Николай Бучин.

Хотя автомобиль уже пришел в Россию, он торопился - в мастерской наслышался от умудренного годами механика, что в Германии этих самых самоходов навалом. Значит, нужно в Германию, куда и отправился Николай. Единственный багаж - золотые руки и сообразительная голова. Как оказалось, громадное богатство в глазах педантичных немцев. Николка подряжался работать в мастерских и гаражах, попутно овладевая навыками вождения. Он довольно часто менял хозяев. Вынуждало, с одной стороны, ненасытное любопытство побольше познать, с другой - быстро надоедала скаредность и мелочность

очередного хозяйчика. Каждый из них старался побольше выжать из талантливого русского парня, подарком судьбы свалившегося в очередную закопченную мастерскую обычно при гараже.

Бучин в Германии стал первоклассным специалистом по автоделу. Стал собственными усилиями, ибо никто из немецких мастеров не торопился обучать русского, а скорее они сами приглядывались к тому, как он работал. По-видимому, тут не было злого умысла - какой спрос с пресловутого немецкого простолюдина. Дело объяснялось много проще - само автодело было в новинку и для тамошнего мастерового. И все же, и все же. Николай на каждом шагу сталкивался с омерзительным высокомерием тупого обывателя, почему-то уверовавшего, что Германия превыше всего и всех. Правда, обычно это проявлялось тогда, когда немец раздувался от пива. Для воздержанного Николая он не пил и не курил - представлялись дикарями восседавшие в клубах табачного дыма с громадными кружками в толстых руках. В общем на учебу и обучение претендовавших на наставничество ушел год.

В Россию вернулся не Николка, а Николай Борисович, как уважительно именовали семнадцатилетнего шофера и мастера по автоделу. Бучин стал работать в Москве тогда, когда, по официальной статистике, на всю страну насчитывалось 148 автомобилей! На машине "панар-левассор" он возил московского коммерции советника Люкке.

С семнадцати лет, с 1902 года, Николай Борисович за рулем. Заработок по тем временам был вполне достаточный, да и за женой взял приличное приданое. Но денег все равно было в обрез, страсть к автоспорту всегда требовала немалых средств. Для Н. Б. Бучина это не имело решительно никакого значения, он был готов потуже затянуть пояс, лишь бы покрыть свои расходы гонщика. Он непременный участник почти всех важнейших соревнований того времени в России. Гонки по маршрутам Москва - Петербург, Москва - Орел, Петербург - Севастополь. В 1909 году Н. Б. Бучин в Петербурге на автомобиле "лаурин-клемеат" (от него пошли нынешние "шкоды") установил всероссийский рекорд скорости - 1 верста за 43 секунды.

В 1910 - 1911 годах, по приглашению фирмы "Пежо" работает во Франции техником, принимает участие в гонках Париж - Бордо.

В истории семьи памятен 1909 год - у Надежды Александровны и Николая Борисовича родился первенец - Сергей. В 1911 году появился на свет Алексей. Расходы резко возросли. Пришлось подумать о хорошо оплачиваемом месте. Московские купчины наперебой стремились переманить себе на службу

даровитого молодого человека, о котором шла слава автоспортсмена. Лицемерной лаской и бессовестной лестью купец 1 -и гильдии Таланов заманил на службу Николая Борисовича, обещая горы золотые - помочь организовать автогонки и прочее и прочее. В самом конце тридцатых "Вечерняя Москва" (очерк А. Абрамова и А. Григорьева "Семья Бучиных") поведала, что из этого получилось:

"Николай Борисович Бучин на неуклюжей, неповоротливой, шумливой машине возил своих хозяев, их чад и домочадцев по булыжной Москве.

Лучше других была знакома молодому шоферу дорога к "Яру". Любило именитое купечество проводить ночи в этом раззолоченном кабаке.

Часто по целым ночам у дверей ресторанов и увеселительных заведений дожидался Николай Борисович своего нового хозяина самодура - купца Таланова. Только под утро захмелевшая ватага с криками и пьяными воплями усаживалась в машины.

- А ну, вези, - командовал, отдуваясь и отплевываясь, Таланов.

- Гони, ямщик! - визжали размалеванный шансонетки. Злобой и горечью наполнялось сердце молодого шофера. С каким наслаждением бросил бы он тяжелую, унизительную службу. И только мысли о доме, о жене и малышах - Сережке и Алексее - заставили смириться.

Но все же пришел конец терпению. Грубо кричал расходившийся пьяный купец.

- Тихо едешь, мерзавец! - вопил он, размахивая тростью. - Видишь, нам с барышнями некогда. Пошевеливайся! - И Таланов ткнул тростью в спину шофера.

Кровь бросилась в голову Николая Борисовича. Резко затормозив, он быстро обернулся и выхватил трость из рук хозяина. Плохо пришлось бы Таланову, не выручи ехавшие с ним собутыльники.

- Ладно уж, вези как знаешь, - сдерживая ярость, заговорил Таланов.

- Ну, нет! Пусть черт вас возит. Или сами поезжайте, если сумеете. - С такими словами Николай Борисович отошел от машины, оставив на темном шоссе своего хозяина и его компанию.

На следующий день шофер Бучин был уволен за "непочтительное отношение к хозяину". Среди расхваливаемых ныне меценатов были такие.

Развязавшись с постылой работой, Николай Борисович всецело отдался автоспорту. Он неоднократный чемпион России,

что принесло существенное материальное вознаграждение. Почти с каждых соревнований он приносит домой весомые призы - золотой портсигар, премию в 10 000 рублей и многое другое.

С началом войны в 1914 году Бучин мобилизован для работы в быстро растущем автохозяйстве армии. Дел хватало, водителей нет. На его плечи легла чудовищная нагрузка - готовить водителей для военных машин, в том числе броневых. В октябрьские дни 1917 года наставник сам садится за руль броневика, принимает участие в боях в Москве.

Гражданская война бросала Н. Б. Бучина на различные фронты. В Красной Армии ценили и умело использовали специалистов. Хотя Н. Б. Бучин был равнодушен к политике и не кипел р-р-революционным рвением, ему доверяются важные посты. В Орле он руководит армейским автохозяйством. С 1920 года жизнь надолго связала Н. Б. Бучина с Тулой - городом прославленных оружейников. Там цена рабочего человека определялась мастерством, а его Николаю Борисовичу было не занимать.

Под руководством Н. Б. Бучина быстро восстанавливалось растерзанное войной автохозяйство города. Пришлось помочь привести в порядок разболтанный гараж ЧК. Несмотря на щедрые посулы, он предпочел не связываться с работой в мрачном ведомстве, а ушел в автобусный парк, где с 1922 года Н. Б. Бучин несколько лет работал начальником автобазы автобусов. Звучит громко, на деле он был бригадиром.

С 1917 года новые ветры дули над Россией, специалист бучинской квалификации уверенно и спокойно смотрел в будущее. Он знал - Родине нужен. В быстрой последовательности - в 1917 году родился герой этой книги Александр, в 1918 году - брат Виктор, в 1919 году - сестра Зинаида. В Туле жили дружной семьей сначала на Косой горе, потом переехали на улицу Коммунаров. Многочисленные друзья и соседи - а жили открытым домом - не могли налюбоваться главным достоянием семьи - детьми, "бученятами", как любовно и ласково прозвали их в округе.

Кумиром семьи был автомобиль, и ребята с детства на всю жизнь влюбились в мотор. Во весь голос заявил об этой страсти Сергей, когда ему было всего девять лет. В праздник вокруг самовара у Бучиных собрались гости. Сели за стол по-русски весело, поют, но почти не пьют - семья на редкость трезвая. Тут в открытое окно доносится треск мотоцикла. Отец к окну - приветствовать запоздалого гостя. Не гость, а под завистливыми взглядами соседских мальчишек, вихляя колесом по двору, разъезжает Сережка на семейном мотоцикле. Надежду

Александровну ветром сдуло от стола. Скоро она втащила за руку в комнату отчаянно упиравшегося сына. Под смех гостей он поведал, как с помощью младшего брата и приятелей-сорванцов свел со двора мотоцикл, отогнали его на руках за два квартала. Там с превеликим трудом завел - непостижимо, как девятилетний малец смог осилить тугую педаль пуска двигателя, - взгромоздился на седло и помчался по улице.

По дороге отца и старшего брата пошел и Саша. "Разве мог я, - писал много лет спустя А. Н. Бучин, - отставать от старшего! Да еще в таком фамильном деле! В двенадцать лет я уже мог сам пустить двигатель автомобиля и проехать по двору. Потом, повторяя "подвиг" Сергея, самовольно взгромоздился в седло "харлея". Помню ветер в лицо, бешеную скорость, падение. Так мгновенно и на всю жизнь влюбился я в мотоцикл. Эта любовь и привела меня в мотоспорт". Но где заниматься им? В провинциальной Туле возможностей для этого практически не было.

Состоялось немало семейных советов: как быть? Пришлось пойти на уступки Николаю Борисовичу, отменному семьянину и по натуре добрейшему человеку.

Александр Бучин - А. Б.: Отцу нужно было перерешить проблему, которую он оставил позади в начале двадцатых, - вернуться на работу в гаражах "органов". Собственно, инициатором был Сережа. С пятнадцати лет на стареньком "харлее" он развозил почту по Туле. Но одно дело держать руль почтового мотоцикла, другое - гоночного. В то время спортивные мотоциклы находились в распоряжении тех или иных ведомств. Пожалуй, одним из самых авторитетных было спорт-общество "Динамо", объединявшее тех, кто так или иначе был связан по работе с пресловутыми "органами". Иного пропуска в ряды динамовцев не было. Сережа понял это, поступил шофером в один из гаражей НКВД и теперь склонял отца последовать его примеру. И еще одно соображение - в этом случае удалось бы выбраться из Тулы в Москву.

Доводы Сергея, начинающего спортсмена, звучали неотразимо для ветерана автомотоспорта, и отец сделал первый шаг - перешел на работу шофером в угрозыск Тулы. Приглашение в Москву не замедлило. В 1933 году наша семья вернулась в Москву. Дом в Марьиной Роще давно пошел на слом, и нам выделили комнату в коммунальной квартире в Старопанском переулке.

Конечно, это центр, но нас-то было семь человек! Разделили комнату на три клетушки - столовая, комната родителей и наша, "детская", в которой по очереди спали на полу. Устроились в

столице! Так что "органы" не расстарались обеспечить жильем отца, которому для начала доверили возить начальника войск НКВД Москвы и Московской области. Хороший был человек и, увы, в 1937 году расстрелян.

С переездом в Москву я не стал продолжать учебу. Счел, что достаточно семилетки, которую окончил в Туле. Я по уши увлекся автоделом, и отец отправил меня работать на завод, ныне носящий имя Лихачева, а тогда Сталина. Рабочего из меня не получилось. В 1934 году сдал экзамен на права и приобрел профессию шофера. Я все теребил Сережу - когда вступлю в спортивное общество? Он какое-то время отмалчивался. Наконец в один прекрасный день повел меня в отдел кадров НКВД и "устроил" на работу - возить секретаря начальника ГУЛАГа НКВД некоего Сулина.

Сулин и все связанное с ним меня интересовало мало. Отбыв повинность за рулем, я торопился в "Динамо", где погружался в любимый мир мотоциклов, узнавал ближе тех, о ком понаслышался - мотогонщиков. Они будоражили воображение, иной раз мне снилось, будто я наконец веду мощный мотоцикл, под колесо бесконечной серой лентой уходит дорога. Наверное, опытные водители знают, что такое снится при большой усталости после долгой дороги. Наяву я не мог дождаться, когда выйду на настоящий старт. С этим пришлось повременить.

Как-то я провел приятеля Ваню Кипариси (он работал шофером в германском посольстве) в клуб НКВД в кино. Ваня был чуть старше меня - ему было лет 19. Кто-то увидел со мной "неизвестного" человека, и уже на следующий день я предстал перед грозными очами самого Матвея Дмитриевича Бермана. Стоило мне переступить порог, как Берман заорал. Много лет прошло, но по сей день помню ощущение было не из приятных. От Бермана я все узнал о себе, о своем темном прошлом и еще худшем будущем. Оказалось, что я способен, если нужно, привести и "врага народа" в священный светлый чекистский храм, предать, продать, проиграть, а сам продаться и еще не упомню, на что был способен. Он предрек мне неизбежно "сдохнуть" за решеткой, и все криком с подвизгиванием сказывался тот же местечковый акцент. Думаю, что Берман проорал заключительное "вон, мерзавец!" не раньше чем через час непрерывной площадной брани. Как он не сорвал голос, не постигаю. Из кабинета я выкатился безработным.

Однако не на "органах" начиналась и кончалась жизнь. Тут же устроился возить начальника автоинспекции Сокольнического района Буравина. С ним проработал год, который ничем не был примечательным, если не считать одного эпизода. Летом 1937

года мы пошли гулять с приятелем Сережей Романовым, также работавшим шофером, в Парк культуры и отдыха. Когда возвращались, то у ворот парка увидели прекрасный открытый автомобиль, кажется, марки "форд". Разумеется, мы заинтересовались и стали осматривать заграничное чудо со всех сторон, даже заглядывали под кузов.

За этим приятным занятием нас застал подтянутый седой пожилой человек. Он говорил довольно чисто по-русски и охотно ответил на наши вопросы. Завязалась беседа, которую он предложил продолжить у него дома. Мы, молодые ребята, забрались в замечательную машину, хозяин сел за руль и скоро привез в шикарную квартиру. Мы просидели за чаем и разговорами на разные темы несколько часов и ушли от гостеприимного иностранца уже затемно. Он просто околдовал нас веселый, доброжелательный человек, по-отечески угощавший всякими разностями и по-детски смеявшийся нашим несмелым шуткам. Отвечать за "контакт" с американским военным атташе в Москве Файнмонвилем, а им и оказался обходительный иностранец, пришлось через полтора десятка лет. Но об этом дальше.

Николай Яковлев - Н. Я.: Вам крупно повезло встретиться с интересным и, надо прямо сказать, хорошим человеком. Полковник Филипп Файнмонвиль провел на посту военного атташе посольства США в Москве около двух лет. Отлично подготовленный офицер, реалист до мозга костей, он с глубоким, постоянным и неубывающим интересом изучал нашу страну. В донесениях в Вашингтон полковник высоко оценивал успехи социалистического строительства в СССР. "Эта система, писал он в одном из донесений, - оказалась настолько эффективной, что есть все основания считать неизбежным ее дальнейшее расширение". Производным от быстрого экономического и социального развития нашей страны Файнмонвиль считал рост советской военной мощи, что, учитывая тогдашнюю обстановку в мире, он всячески приветствовал.

Объективные донесения в военное министерство сыграли роковую роль для карьеры Файнмонвиля. Его отозвали из Москвы, заподозрив, что кадровый американский военный в атмосфере нашей столицы подозрительно "покраснел". После 22 июня 1941 года бригадный генерал Ф. Файнмонвиль оказался единственным ответственным работником военного министерства США, верившим в то, что Красная Армия устоит перед напором вермахта. Когда предсказания Файнмонвиля оправдались, его включили в состав миссии Гарримана в октябре 1941 года, и до 1943 года он проработал в Москве, занимаясь поставками по

ленд-лизу. Видимо, он опять чем-то не угодил вашингтонскому начальству и был снова отозван из СССР.

Когда к власти в США пришел Трумэн, Файнмонвиля "ушли" в отставку. Да и возраст подошел. Умер он в 1962 году.

В Москве Файнмонвиль по крупицам собирал информацию об СССР, и ему наверняка было приятно поговорить с вами и вашим приятелем - американец находил в вас обоих то, что искал: энтузиазм русской молодежи.

А. Б.: За давностью лет я, конечно, не помню, о чем мы говорили, но энтузиазма у меня в то время было хоть отбавляй. Судите сами. От спокойного и вежливого Буравина я ушел не потому, что был "летуном", а приняв близко к сердцу тогдашний лозунг "Молодежь - на самолет!". Я видел себя летчиком-истребителем. Прошел медкомиссию и уже представлял, как покажусь в форме авиационного училища с заветными "крылышками" на петлицах, когда как обухом по голове огорошили - не подхожу по образованию. Я горько пожалел, что поленился пойти дальше семилетки. Но нашел, как мне представлялось, выход быть поближе к авиации. Сначала пересел на грузовик, затем на бензовоз. Возил бензин и в аэроклуб, который размещался в районе Мытищ, а там уговорил начлета и несколько раз летал с ним на самолете. Надеялся как-то все же пробиться в авиацию. Но - 27 декабря 1938 года я был призван на военную службу.

Н. Я.: Александр Николаевич, а как с "Динамо" и мотоспортом?

А. Б.: Я никогда с ними не расставался. Обратите внимание - выгнанный Берманом, я ушел работать в систему НКВД, "Динамо" было и ее обществом. Из рядов динамовцев не выбыл.

На всю страну уже гремело имя заслуженного мастера спорта Сергея Бучина, чемпиона и рекордсмена Советского Союза. Он бил рекорды и ставил новые на мотоцикле, сконструированном мужем Зинаиды Олегом Кучеренко. Он побеждает в двух больших мотоциклетных пробегах общим протяжением свыше 8 тысяч километров. Мотоциклы только советские. Летом 1937 года Сергей Бучин участвует в розыгрыше первенства СССР по мотоспорту, в том числе скоростная гонка на 300 километров. Она изобиловала острыми, смертельно опасными моментами. Сережа победил, получил приз из рук популярного тогда летчика, Героя Советского Союза Ляпидевского, главного судьи соревнований. Зимой 1937 года переполненный стадион "Динамо" был потрясен - на льду появились мотоциклисты. Гонки по льду! Первым - Сережа. Ребята творили чудеса ловкости, поражали смелостью и уверенностью в себе и своих машинах. Только

отечественные, иностранные динамовцы не признавали. Самое большое "чудо" Сергей припас про запас и в заключение соревнований на большой скорости поднялся на мотоцикле во весь рост и так промчался мимо трибун. На трибунах творилось неописуемое!

Сережа так открывал парад физкультурников на Красной площади - стоя ехал на мотоцикле. Сейчас, понятно, такой трюк не в диковинку, а тогда только экстрагонщикам был под силу.

В том 1937 году я впервые взял свой настоящий старт. Стали мы гоняться с Сергеем. На трассах друг другу спуску не давали, а в жизни - водой не разольешь. Друзья, товарищи. Сергей, конечно, был для меня как отец, учителем был. Алексей и Виктор также не ударяли лицом в грязь. Перед большими соревнованиями в нашей комнате на Старопанском долго не смолкали разговоры о машинах, секундах, горючем, масле. Муж Зинаиды Олег Кучеренко, обычно молчаливый и сдержанный, в эти дни говорил не умолкая - его засыпали вопросами, он консультировал. Мама обычно подводила итог обсуждениям (отец по большей части помалкивал). Она говорила что-нибудь вроде:

- Ну, ребята, посмотрю завтра, как вы пойдете. Не посрамите бучинского рода. И специально для меня:

- Ох, Сашка, что-то я за тебя боюсь, вечно у тебя в машине неполадки. Ты бы у отца поучился за машиной-то смотреть.

Она была права, дорогая мама, не хватало терпения "хорохорить" машину, но техническое состояние ее было всегда безупречным. Мама как отличная хозяйка придавала большое значение внешней стороне.

Много призов взяла семья Бучиных. Самый ценный - семейный переходящий мотоцикл по кличке "Жучка". Выигрывавший соревнование получал "Жучку" во временное пользование. Проигравший, было дело, завидовал и копил силы для реванша.

Н. Я.: Вас по призыве в армию направили служить в дивизию Дзержинского. Так что занятия мотоспортом не прерывались?

А. Б.: Вот в этом вы ошибаетесь. Хотя ко времени призыва я приобрел кой-какую известность, имел грамоты, подписанные В. Чкаловым и А. Ляпидевским, тогда еще не было принято числить спортсмена военнослужащим. Эта практика пришла позднее. Нужно было служить, как служили все. Что я и делал на протяжении первых шести месяцев - занятия по боевой и политической подготовке, несение караульной службы (в том числе наряды по охране внутренней тюрьмы НКГБ{1} на Лубянке) и все прочее.

Лагеря дивизии находились в Реутове. Там летом 1939 года

меня неожиданно вызвал адъютант командира дивизии П. А. Артемьева. Разговор был коротким: "красноармейцу" Бучину приказывалось стать водителем командира дивизии. Как оказалось, прежний водитель сильно разгневал комдива: напился и разбил крыло машины.

Красноармеец Бучин прижился на новом месте: не пил, не курил, был дисциплинированным. Артемьеву понравилось, как я водил машину. В самом конце 1939 года повез его в дом No 2 на Лубянке. Ушел. Выходит, "был у Берии". Едем на фронт, война с Финляндией уже началась. Едем так едем, что делать - служба.

Собрались в суматохе, кое-как погрузились и направились на север. Остановился с комдивом в районе станции Лоухи, что за Петрозаводском. Выдали экипировку - мне белый полушубок, на "эмку" цепи. А вокруг тыловая неразбериха, снаряжают войска для боя.

Наконец отправились с Артемьевым на фронт. Следовали на грузовике ЗИС-133 - к передним колесам - лыжи, сзади - железные траки. Как и следовало ожидать, чудо техники застряло на каком-то озере, покрытом глубоким снегом. Комдиву подвели лошадь, и на ней он потрусил воевать. Мое дело - вытащить ЗИС-133. Догадался снять гусеницы и кое-как привел машину в божеский вид. Грузовик стал тем, к чему был предназначен - транспортным средством. Какое-то время возил грузы на передовую.

Дело было опасное. Вражеские солдаты на лыжах бродили по нашему ближнему тылу вдоль дорог, подстреливали не только разгильдяев, но иной раз им удавалось перебить десяток-другой красноармейцев, остановившихся, например, на отдых. Досаждали "кукушки" - стрелки противника, забиравшиеся на деревья, маскировавшиеся там и поливавшие сверху огнем из автоматов. Был у них неплохой автомат "Суоми". Конечно, они стремились в первую очередь выводить из строя автотранспорт на дорогах, следовательно, самая заманчивая цель - шофер.

Довольно быстро бойцы и командиры оправились от тягостного изумления поначалу они просто не понимали дураков, мерзнувших с автоматами в гамаках между ветвей. Их обнаруживали и легко подстреливали, а при возможности картечью по верхушкам деревьев. Лес сразу очищался. Наладили охранение, и дела пошли веселей. Работать стало много спокойнее. Но все это - плохое и хорошее неожиданно закончилось. Я как-то встретил на дороге сани, в которых ехал Артемьев. Он подозвал меня, сказал, что войне конец, и велел подготовить "эмку", которая так и осталась в тылу.

Нашел машину, с трудом завел и поехал за комдивом. На "эмке", пока она была без особого присмотра, кто-то разбил

боковое стекло. При виде машины в таком виде товарищ Артемьев вскипел:

- Я тебя в штрафбат закатаю, - рявкнул он.

- Есть в штрафбат, товарищ комдив, - ответил я.

Обошлось. Вместо штрафбата погрузил машину на платформу и вернулся в Москву. Грязный, черный, как негр, - белый полушубок замаслился, превратился в черный тулуп. Когда забежал домой, мама узнала с трудом. Отругала, конечно. Не поверила, что отцы-командиры не озаботились устроить бани для красноармейцев.

Война с Финляндией осталась у меня в памяти как бестолковый поход. Потери были по большей части не потому, что финны какие-то неслыханные солдаты, а из-за разных наших нелепостей и глупостей.

В Москве вернулся к своим прямым обязанностям шофера Артемьева. Коль скоро он командовал столичной дивизией, да еще носившей имя Дзержинского, генералу выделили ЗИС-101. Был еще у нас и автомобиль "додж". Так что тщеславие П. А. Артемьева было удовлетворено сполна. Я, скрывая улыбку, беспощадно "хорохорил" машины. Видимо, заслужил тем уважение начальника. Приближалась демобилизация, и Артемьев покровительственно предложил: "Я тебя, Бучин, пошлю в школу "Выстрел", станешь командиром". Я решительно отказался, меня приводила в ужас одна мысль о службе, да еще в чекистских частях. Ну их!

В декабре 1940 года истек срок моей службы. Пришла демобилизация, в чем пришел в армию, в том и ушел. Оглядел себя в зеркале, вид неважнецкий. Увидел меня перед расставанием с Красной Армией Артемьев, усмехнулся и приказал "приодеть". Выдали гимнастерку и даже бриджи.

Отдохнул несколько недель, все думал, куда податься. Снова помог брат Сережа, по-прежнему работавший в системе автохозяйства НКГБ. "Что тут думать, - сказал он, - давай к нам". Я сначала опешил: значит, снова в "органы", и вспомнил разинутую орущую пасть между широкими скулами Матвея Дмитриевича Бермана. Он тогда меня с ходу в пособники "врагов народа" записал. Хоть я не робкого десятка, но парень-то был тогда молодой, а он ревел как зверь, осыпал такими словами, что жгли и жгли, оставив страшные шрамы.

Сережа развеял мои страхи, почти шепотом сообщил, что Бермана больше в НКГБ нет. Сам оказался "врагом народа". Не злой я человек, а тут даже порадовался... Не рой другим яму! Я потом у Солженицына в "ГУЛАГе" читал о нем. Прохвост!

Н. Я.: Судьба столкнула вас с одним из "героев-чекистов",

прославившим себя в те годы как "практик марксизма". Руки Моти Давидовича по локоть в крови, в ней он и захлебнулся. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в октябре 1939 года Бермана расстреляли. Получил он пулю в затылок, разумеется, по вздорному обвинению - вредительство в ГУЛАГе, подготовка терактов против горячо любимых вождей...

А. Б.: А ведь клялся в любви к ним, как коммунист к коммунистам!

Н. Я.: Конечно, все это глупость, но прискорбно другое - организатора массовых убийств родная партия оправдала. В октябре 1957 года та же известная своим праведным судом Военная коллегия Верховного суда СССР полностью реабилитировала достойнейшего коммуниста Мотю Давидовича. Ворон ворону глаз не выклюет. Мы отвлеклись, хватит об этом.

А. Б.: Отвел, значит, меня Сережа в отдел кадров НКГБ. Узнали, что имею боевой опыт, и без разговоров оформили на загадочную должность "шофер-разведчик I категории". Эту странную квалификацию мне присвоили, наверное, с учетом спортивных достижений. Разведывать, разумеется, было нечего, попал в "общий наряд". Посадили на машину охраны Г. Димитрова. Месяца два поработал, наблюдая коминтерновских бонз.

Н. Я: Ну уж бонз, Александр Николаевич.

А. Б.: Николай Николаевич, точно, бонзы. Высокомерные, через губу не переплюнут. Тот же Димитров никогда не здоровался, смотрел мимо. С надутым видом изволил следовать на шикарную дачу в Горки-П,* это рядом с Горками Ленинскими, километров 40 по Каширскому шоссе. Откормленный, одетый с иголочки, а мы, обслуга, для него были "быдло", нас просто не замечал. Фасонистые помощники Димитрова, как и он сам, жравшие и жившие за наш счет, не скрывали высокомерия к нам, русским. Они - "европейцы". Повидал потом я эту "Европу"! Русскому и вспомнить тошно.

Повозил других коммунистических знаменитостей. В дни XVIII* партконференции весной 1941 года обслуживал Куусинена, жившего в Доме правительства и на даче в Горках. Плюгавый такой, высокомерный финн, коряво говоривший по-русски. Как и Димитров, ни здравствуй, ни прощай, а спиртным от него несет. Наверное, хорошие коньяки и вина потреблял. А у меня тогда перед глазами стояла та война в лесах Финляндии, когда Куусинена объявили главой какого-то "правительства", пребывавшего на нашей земле. И за то, чтобы этот тип воцарился в Хельсинки, клали наших парней в той войне. Они часто снились тогда в белых снежных саванах... К войне привыкать трудно...

Работа в гараже была организована отлично. Обязанности четко расписаны, с лихвой хватало времени для продолжения занятий мотоспортом - лучшее лекарство, чтобы потускнели ужасы войны. И снова "Динамо"! Сине-белые цвета спортивного общества вдохновляли.

Рядом родные и друзья. Мы, мотогонщики, жили одной большой семьей. Все знали все обо всех, каждый был как на ладони. "Плечо друга" не было фразой. Солидарность, товарищество, коллективизм - эти качества воспитывали в нас старшие наставники.

В прекрасном спортивном коллективе я быстро рос как мотогонщик и добивался нешуточных успехов. Стоит ли говорить, что кроссы по пересеченной местности неизбежно повышали мою водительскую квалификацию. Я научился не только чувствовать дорогу, но постепенно приобретал неоценимые навыки преодоления препятствий автоматически. Не думая. Но так могло показаться только на первый взгляд. На деле за всем этим стояли десятки и сотни часов упорных тренировок.

Обращаясь к тем далеким годам, вновь ощущаю, увы, только мысленно, какую-то легкость, оптимизм. Я был доволен жизнью, твердо уверен, что прилежание, честный труд неизбежно вознаграждаются.

Как и мои сверстники, я верил в светлое будущее. Подтверждения тому видел на каждом шагу - начиная от того, как хорошела дорогая Москва, до восторга по поводу быстрого совершенствования мото- и автотехники. Нисколько не покривлю душой, заявляя - мое поколение уверенно смотрело в будущее. Порукой было то, что не вызывало ни малейших сомнений - успехи социализма.

Грянула война!

22 июня 1941 года страшная беда обрушилась на Советский Союз. Немцы напали на нас, загрохотала Великая Отечественная. Пришло время проверки страны и нас, русских. С первых дней неслыханной в истории человечества войны честь и достоинство мужчины определялись тем, что он делал для фронта, для Победы. Личная жизнь растворялась в военных усилиях громадной Страны Советов.

Современники и участники тех событий отлично понимали, что на их долю выпал славный жребий - внести посильный вклад в эпохальную борьбу. Уже тогда выделялись и отмечались те, кто стоял в первых рядах защитников Отечества. По ним равнялись тысячи и тысячи, каждый день вставшие под знамена Красной Армии. Рассказы о лучших, как правило, были адресными.

Глубокой осенью, когда все мы жили в густой тени Сталинграда, "Вечерняя Москва" 31 октября 1942 года печатает очерк нашего замечательного спортсмена, заслуженного мастера спорта Платона Ипполитова о земляках-москвичах "Семья водителей". Главный герой очерка на тот день А. Н. Бучин. Итак:

"Александр стал водителем при штабе. В непогоду, по бездорожью и разъезженным путям, вброд и по оврагам, по пескам и вязкой глине с одинаковым искусством водил спортсмен свою машину, доставляя командира или приказ в предельно сжатые сроки на любой участок многоверстной линии фронта. Дорожных препятствий как бы не существовало, непроезжих путей не было.

По заминированным полям, по горячей полосе наступления, ночью, на ощупь, с гоночной скоростью по мало-мальски твердой дороге мчал вездеход Александр Бучин, перекрывая все существующие рекорды спортивного кросса. Машина в руках спортсмена на вихревой быстроте выпутывалась из самых опасных и рискованных положений.

Однажды командир спешил, он был вызван командованием. Александр пустил машину по шоссе во весь бензиновый опор. Спидометр показывал 130 километров в час. Вдруг машина попала на загрязненный участок гладкого, прямого шоссе. Внезапно пропало сцепление баллонов с поверхностью дороги. Тяжелую машину швырнуло как щепку. Автомобиль прыгнул в обратную сторону, седокам угрожала неминуемая гибель.

Александр с неуловимой быстротой и непостижимой точностью перебирал руками руль, вращал штурвал то в одну, то в другую сторону. Укрощение строптивой машины произошло в доли секунды. Глазомер, точность, быстрота, хладнокровие гонщика вернули машине утраченное направление. Седоки продолжали мчаться с прежней скоростью.

Как-то, будучи в Москве, Александр забежал на часок к себе на квартиру. На гимнастерке фронтовика алел орден Красной Звезды. Он узнал все семейные новости. Брат Алексей - гимнаст и конькобежец - работает за рулем. Виктор пловец, легкоатлет, мастер лыжного спорта - боец. Зинаида получила шоферские права. Александру передали печальную весть. Выполняя боевое задание, погиб старший брат Сергей".

Н. Я.: Александр Николаевич, вы бережно сохранили эту вырезку, за что великое спасибо от меня как историка. И долг историка обязывает меня добавить - в ту войну русские люди уходили в бессмертие по велению долга. Заслуженный мастер спорта СССР С. Н. Бучин погиб в звании красноармейца, рядового великой Красной Армии.

По многим причинам, прежде всего условиям военного времени, Платон Ипполитов не мог сказать ни об этом и ни о том, о чем шептались близко знавшие тогда вас, - Саша работает у Г. К. Жукова. Так как началась война для вас, почему вы стали основным водителем у генерала армии?

А. Б.: В то памятное, страшное воскресенье 22 июня 1941 года я с утра был в поле, тренировался к мотокроссу по пересеченной местности - первенство Москвы, открытие сезона.

Мое дело решилось просто. Гараж военизировали, а меня через пару недель назначили водителем в охрану генерала армии. Оказалось - Георгия Константиновича Жукова. Видел его тогда не вплотную, водил "эмку" на "хвосте", то есть машину сопровождения. Вооружили до зубов - наган и финский нож. В машине трое ребят из охраны, у каждого автомат ППД. В Москве работа не пыльная, Жуков в то время ездил мало. Маршрут обычно Генштаб - Кремль и обратно. Квартира и дача, конечно.

Москва постепенно переходила на военное положение. С двадцатых чисел июля начались немецкие налеты. Ущерба особого не было, но грохот от стрельбы зенитных орудий оглушал, да к свисту осколков и стаканов снарядов, летевших вниз, нужно было привыкнуть. Иной раз бывали неприятные минуты, немцы целили в район Наркомата обороны, где мы стояли со своими машинами.

Внезапно распоряжение - ехать на войну. Жуков назначен командующим Резервным фронтом, штаб которого был в Гжатске. Генерал армии выехал на "паккарде", бывшей машине маршала Кулика. Как назло, моя "эмка" сломалась, а когда починили, определили мне постоянное место - глотать пыль от колес жуковского автомобиля за рулем машины сопровождения. Во время боев под Ельней сначала возили генерала Гриша Широких и Николай Каталагин.

Открытый "паккард" начальника Генштаба, который Жуков взял на фронт, прослужил нам всю войну, точнее, числился за нами. После Ельни "паккард" стоял обычно на автобазе Наркомата обороны в Москве. Довольно редко Георгий Константинович приказывал взять его на фронт, например, во время битвы под Курском. Какими соображениями он руководствовался при этом, не знаю. Скоро в августе 1941 года Жуков пересел на вездеход ГАЗ-61.

Намотались в то время до упаду, все в дороге, часто под огнем. Покрытый пылью, Г. К. Жуков выглядел как негр, мы того хуже. Решили повысить огневую мощь охраны - выдали нам противотанковое ружье. Бандура эта в "эмке", конечно, не помещалась. Так и ездили, ствол ружья с заткнутым тряпкой

дулом высовывался из окна машины, вызывая недоумение и смех бывалых красноармейцев. Нам по положению надлежало сохранять невозмутимое выражение, начальник группы охраны Николай Харлампиевич Бедов был готов взыскать с каждого за малейшую провинность. Дисциплина!

Конфликтовать с ним никто не хотел, да и не решался. Хотя Бедов носил армейские знаки различия старшего лейтенанта, все прекрасно знали, откуда он из НКГБ. Впрочем, и мы формально проходили по этому ведомству. Черт его знает, какой у него был чин там, в органах. Он не отходил от Георгия Константиновича, прилип, извините, как банный лист. И все щелкал "лейкой". "Запечатлеваю для истории", - объяснял нам Бедов. На деле, наверное, документировал каждый шаг Жукова, который нередко морщился при очередном щелчке "лейки". Но молчал. Понимал, наверное, не хуже нас, что с этим Бедовым до беды недалеко.

Несколько недель я наблюдал Жукова издалека, из-за руля машины сопровождения. Наверное, никогда больше за всю войну Георгий Константинович не бывал чуть ли не все время на передовой и вблизи нее, как под Ельней. Оно и понятно - мы только начинали учиться воевать, а германская армия 1941 года производила сильное впечатление. Прежде всего безжалостностью и жестокостью.

Прохладный денек в конце лета. С запада беспорядочной стаей возвращались наши истребители И-15 и И-16. Машин с десяток. Наверное, они летали на штурмовку и израсходовали боезапас. А вокруг носились два "мессера", подбивавшие пушечно-пулеметным огнем наших по очереди. Особенно жалко выглядели бипланчики И-15; получив очередь, самолет клевал носом, входил в штопор и, как сорванный лист, устремлялся к земле. Из одного И-15 успел выпрыгнуть летчик. Над ним белым облачком развернулся парашют.

Георгий Константинович и мы, свидетели происходившего, с облегчением вздохнули: хоть этот спасется. Но в ту же секунду мелькнул "мессер", влепил в упор очередь в беспомощно качавшегося на стропах парня и ушел. Парашют как-то бережно опустил тело летчика на землю недалеко от нас. Подошли. Он был совсем мальчиком, в синем комбинезоне, кожаном шлеме, весь залитый кровью. Жуков отрывисто приказал - предать земле с почестями, повернулся и пошел прочь. Редко когда я видел такой гнев на лице генерала, глаза сузились и буквально побелели.

В самом начале сентября мы ехали в Калининской области. Погода дрянь ветер, дождь, дорога еще хуже - скользкая глина. Вдруг вездеход ГАЗ-61, с Жуковым следовавший впереди, улетел в

канаву. Остановились. Попытались вытащить машину, не удалось. Ко мне подбежал Бедов с криком:

"Выручай! Ты же гонщик!" Я сел за руль застрявшего вездехода, включил передний мост. Вперед, назад - и выскочил из канавы. Жуков не произнес ни слова, я вернулся в свою хвостовую машину. Проследовали дольше.

Через пару дней генерал Кокорев, состоявший для поручений у Жукова, на моей машине отправился зачем-то в войска на передний край. Ехали проселком через лес и внезапно выскочили на поляну, а на ней паника - бегают, ополоумев, несколько десятков красноармейцев, мечутся в разные стороны, а над ними на бреющем полете развлекается "мессер" - обстреливает перепуганных ребят. Моя "эмка" камуфлированная, и немец, видимо, не заметил нашего появления, Я мигом загнал машину под дерево, в кусты. Кокорев ушел, мне пришлось еще какое-то время смотреть на кровавые похождения мерзавца. Даже морду ухмылявшегося убийцы запомнил, он, сволочь, был умелым летчиком и почти притирался к земле. Так что был виден через колпак М-109.

Потом Кокорев вернулся, повез его назад. В пути застала ночь. Кое-как сумел благополучно вернуться назад, без света, не включая фары. Потом я стороной узнал, что Кокорев доложил о моей "храбрости" Жукову. Дело было не в этом, трудно быть храбрым под ливнем огня "мессера", просто я хорошо водил машину и обладал отличной реакцией.

Результат оказался неожиданным - поутру Бедов сказал со значением: повезешь "самого". Самого так самого. Сажусь за руль ГАЗ-61, рядом Жуков, на заднем сиденье Бедов с адъютантом. Только выехали со двора избы, где ночевал Жуков, как машина встала. Широкая деревенская улица, солнышко светит, а автомобиль ни с места. Я взял ключ 14/12, поднял капот, отвернул бензинопровод, продул насосом, закончил операцию, и мотор затарахтел. Поехали. В машине никто не проронил и слова. Так началась моя служба у Г. К. Жукова.

В отличие от коминтерновских господ, да и наших отечественных шишек, генерал армии поразил своей обходительностью. В обращении ровен, спокоен, обращался на "вы" и по имени-отчеству, хотя я ему в сыновья годился. Расспросил, откуда родом, кто мать, отец. Поинтересовался моими спортивными делами. Рассказал и о себе, тогда преимущественно вспоминал Халхин-Гол. Объяснил, что японцы отважные, дисциплинированные солдаты. Драться с ними было трудно, но ведь победили... О войне с немцами не говорил, да что тут говорить, мы были в самом ее горниле.

Разговоры эти не были частыми. Но когда они велись, Георгий Константинович был учтивым собеседником. Не прерывал, внимательно выслушивал. Степенные беседы умудренных жизнью людей! Только я был мальчишкой. Бедов, слышавший эти разговоры, почему-то преисполнялся недоброжелательством. Зависть, что ли? Наверное, что-то пытался наговорить Жукову обо мне не очень лестное. Но об этом дальше.

Кстати, я читал, что Жукова какие-то генералы упрекали (задним числом!) в резкости и даже грубости. Свидетельствую: это оговоры. Никогда в моем присутствии не было случая, чтобы он накричал на подчиненного. Сурово говорил - да, распекал - да, но крик и оскорбления - этого не было. Он всегда держал себя в руках, не опускался до брани.

В Георгии Константиновиче ничего не было показного. Он был открытым человеком, с широкой русской душой и, как каждый русский, любил ездить "с ветерком". Но быстрая езда только по делу, он терпеть не мог скорость ради скорости. Когда нужно было "нажать", Жуков давил ногой на мою ногу на акселераторе, а снизить скорость - говорил по-кавалерийски: "Короче!" Мне кажется, что Георгий Константинович избрал не очень удобный способ просить прибавить ходу, давя ногой на мою, из-за Бедова. Услужливый чекист, стоило генералу армии выразить желание ехать побыстрее, тут же начинал колотить меня по спине. Чтобы покончить с этим, Жуков и стал действовать ногой, незаметно для Бедова на заднем сиденье. Причем Жуков не терял своего серьезного, невозмутимого вида. Может быть, это была наша небольшая тайна?

Хотя Жуков не водил машину и не проявлял никакого интереса к тому, чтобы научиться править, он по-спортивному оценивал освоенные мною приемы преодоления препятствий. За рулем ГАЗ-61 пригодились навыки, приобретенные на мотокроссах. Например, впереди река, мост разрушен. Ехать в объезд нельзя, у Жукова каждая минута на счету. Искать брод? Бесполезно, опять потеря времени. На глаз прикину, где помельче, передок машины опускаю потихонечку в воду (места-то больше неизвестные, то ли есть брод, то ли нет), включаю первую передачу, даю обороты побольше, через воду как стегану и вылетаю на тот берег. Жуков коротко: "Ну, артист!" Нравилась ему некоторая лихость в езде. Отчаянный, должно быть, был кавалерист в молодости! Машина не конь, но все же...

Не раз мы так форсировали реки, а машины, которые сунутся по нашему следу в воду, застревали. Георгий Константинович оглянется, покачает головой и снова: "Артист ты, Александр

Николаевич, артист!" Тепло становилось на душе отеческое обращение на "ты" и в то же время по имени-отчеству. Ведь я, в сущности, мальчишкой был - 24 года, а такой человек величает на равных. Да я с Георгием Константиновичем и за ним не только в воду, в огонь бы пошел. Удивляются, как это привязывались душевно к нему. Вот так и привязывались.

Н. Я.: Попадали ли вы в серьезные переделки из-за "некоторой лихости"?

А. Б.: По этому поводу нет, а на фронтовых дорогах едешь на третьей скорости, а опасность спешит на четвертой. Война есть война. За давностью многое позабыл, но кой-какие эпизоды запомнились. Они относятся как раз ко времени командования Г. К. Жуковым Резервным фронтом, то есть августу, началу сентября 1941 года.

Иногда Георгий Константинович подвергался опасности из-за желания увидеть все собственными глазами. Едем в ясную погоду, на дороге громадная воронка. "Стой!" - командует Жуков. Открыл дверь, встал на подножку, из-под низко надвинутого козырька смотрит на немецкие пикировщики, бомбящие совсем рядом. У меня, честно говоря, мурашки пошли по коже, а если немец немного, совсем немного довернет, что тогда? А бомбы свистят и оглушительно рвутся.

Жуков внимательно смотрит, молча, что-то соображает. Сел. Хлопнул дверью: "Поехали!" Нам он не объяснял, зачем и почему останавливались. Конечно, Георгий Константинович был храбрейшим из храбрецов. Обладал каким-то спокойным мужеством. Причем никак не подчеркивал, что он человек военный...

Н. Я.: Это как понимать?

А. Б.: Так и понимать. Он трудился, делал тяжелое дело. Профессия такая. Жуков, например, никогда не носил оружия. Иногда, правда, у него был с собой пистолет, который он держал в перчаточнике, ящичке на приборной панели машины. А вокруг офицеры и генералы в свободное время порой хвалились друг перед другом причудливыми пистолетами. Иной генерал возил с собой в машине автомат, в ногах ручные гранаты.

Нелепое противотанковое ружье Жуков во время битвы под Москвой приказал сдать. Отдать в часть, на которую наползали немецкие танки, а отбиваться особенно было нечем.

Если говорить о распределении опасности в нашей небольшой группе, то львиная доля приходилась на Георгия Константиновича. Как-то приехали в штаб одной дивизии. Мы загнали машины в капониры, Жуков с сопровождающими ушел на передовую. Ждем. Тут немцы начали артобстрел. Когда стихло,

взялся прибирать в машине. На сиденье порядочный осколок снаряда, пластмасса рулевого колеса отбита. Показал осколок по возвращении Георгию Константиновичу. Он скупо улыбнулся: "Вы, Александр Николаевич, сохраните на память". Не сберег фронтовой сувенир, потерял. Да что говорить, жили одним днем.

Или еще случай. Едем в другую дивизию. Еще не прибыли, как видим, что немецкие самолеты бомбят с каким-то особым остервенением небольшую деревушку, куда мы и направлялись. Там и стоял штаб. Почему такое внимание? Вскоре выяснилось, что немцы каким-то образом узнали, что должен был приехать комфронта Жуков. По этой ли причине или какой-нибудь другой Жукова отныне именовали как-нибудь иначе, обычно "Константиновым".

А Бедов, который со своими чекистами был в первую голову виноват в том, что чуть не подставил генерала армии под бомбовый удар, расширил свой бизнес на бдительности. Со значительным видом и зловещими недомолвками он рассуждал с нами о "большевистской бдительности". К сожалению, этим дело не ограничилось. Как-то Жуков в пути спросил меня между прочим:

- А вы, Александр Николаевич, хвастаетесь перед девушками, что Жукова возите?

Я оторопел, потом вспомнил, что действительно сказал одной приятельнице, военнослужащей, с кем работаю, разумеется, не хвастаясь. В чем чистосердечно и признался. Жуков ничего не сказал, только, выходя из машины, бросил суровый взгляд на Бедова. Тот как-то съежился. Ясно. Бедов понимал "бдительность" как наушничество. А этого Георгий Константинович на дух не переносил. Есть претензии, докладывай, но, упаси Боже, не за спиной другого!

Н. Я.: Скажите, Александр Николаевич, вы провели бок о бок с Г. К. Жуковым сотни, если не тысячи часов. Правильны ли промелькнувшие в нынешней печати утверждения, что Жуков-де возил с собой в машине икону, обращал внимание на церкви и вообще был верующим?

А. Б.: Глупости! В мясорубке, в которую постепенно переросло сражение под Ельней, не только о Боге, собственное имя было забыть немудрено. Свидетельствую с чистой совестью - никогда Георгий Константинович ни в чем не проявлял себя как верующий человек. Он был коммунистом, и этим все сказано. Об иконе в машине не могло быть и речи. Я уж бы знал. Вымыслы эти просто смешны. Георгий Константинович был великим человеком, и нечего приписывать ему того, чего не было.

Другое дело, он возмущался, когда немецкие варвары,

отступая, уничтожали все, в том числе лучшие здания в небольших городках, какими тогда были церкви. Или в период оккупации загаживали храмы, приспособляя их для своих нужд. Повторяю: свидетельствую обо всем этом в том возрасте, когда русский человек не портит отношений с Богом.

Жуков полагался на собственные, а не на высшие силы. Он нередко повторял известную пословицу: "На Бога надейся, да сам не плошай!" На этом начинались и кончались его хлопоты о помощи высших сил.

Н. Я.: А как запомнился вам Г. К. Жуков в дни овладения Ельней, первой крупной победы Красной Армии в Великую Отечественную?

А. Б.: Бои под Ельней и за Ельню продолжались более пяти недель. Это было исключительно тяжелое сражение. Я не преувеличу, если скажу: комфронта Жуков все это время был с небольшими промежутками чуть ли не на линии огня, доходил не только до штабов полков, но и до траншей переднего края. Да иногда возвращался весь в пыли, а в непогоду с грязными подтеками на коленях, гимнастерке, особенно на локтях. Значит, опять ползал. Конечно, в любой момент мог быть убит. Передний край! В эти недели он был сосредоточен как никогда больше в годы войны, хотя потом последовали сражения много масштабнее, чем Ельнинская операция.

Мне после войны, особенно в последнее время, довелось много читать. Теперь я, конечно, понимаю причину сдержанности, суровости комфронта. Направленный Сталиным на Резервный фронт, он старался доказать, что Красная Армия может побеждать. Работать ему было трудно, в затылок комфронта буквально дышал на моих глазах Бедов из НКГБ. Он так, мелочь, а членом Военного совета был генерал Круглов, зам. наркома НКВД, в войсках фронта командовали другие генералы из той же организации - К. И. Ракутин, И. А. Богданов, И. И. Масленников. Не знаю, какими они там были военачальниками (судя по тому, что Жуков постоянно был в войсках, - никудышными), но комфронта обложили прочно.

Высокомерия им было не занимать. Тогда это было видно мне, водителю, простым глазом. В мемуарах маршала артиллерии Н. Д. Яковлева я нашел эпизод как Масленников учинил ему, начальнику ГАУ, скандал, требуя особого внимания по той причине, что "должен отправиться с такими-то частями НКВД к командарму Богданову". Что до Жукова, то в своих мемуарах он холодно заметил: "К. И. Ракутину был присущ тот же недостаток, что и многим офицерам и генералам, работавшим ранее в пограничных войсках Наркомата внутренних дел, которым почти

не приходилось совершенствоваться в вопросах оперативного искусства". Вот они и "совершенствовались", посылая на смерть молодых ребят. Где было Георгию Константиновичу уследить за энкавэдэшниками, которым вверяли целые армии!

Последние дни перед взятием Ельни бои шли круглосуточно, так спланировал операцию Жуков. Круглосуточно он был на ногах. Мне, молодому парню, было легче - нет-нет, да и прикорну за рулем в ожидании Георгия Константиновича. Вот опять он появляется - "поехали", и снова по избитой дороге в другую часть. Признаюсь, что в те дни я иной раз побаивался Жукова, больно он был суров и неразговорчив. Он внезапно изменился, волшебно изменился, когда под натиском наших войск немцы ночью бежали из Ельни. Город был освобожден.

Н. Я.: Победа далась дорогой ценой. Резервный фронт: потеряно 45 774 человека, а с ранеными общие потери перевалили за 100 000 человек. Потери немцев - 45-47 тысяч человек. Они в основном на совести вояк из НКВД, "оперативно-тактическая подготовка" которых, по словам Жукова, была "явно недостаточной". С учетом этого Жуков и написал в мемуарах:

"Врагу дорого обошлось стремление удержать ельнинский выступ". Конечно, если бы не Жуков, буквально хвативший их за руку, они положили бы еще многие тысячи бойцов и командиров. Так мы начинали войну, сталинское руководство полагалось на НКВД. Из палачей не бывает хороших солдат.

А. Б.: Днем 6 сентября мы поехали в Ельню. На окраинах жуткое зрелище траншеи, забитые немецкими и нашими трупами, на местности везде убитые. Было еще тепло, и над полями стоял густой тошнотворный трупный запах. От него в Ельне спасения не было. Смердило везде. Все мое внимание - на дорогу, я смертельно боялся нарваться на мину, мы въехали в город, еще не разминированный саперами. К счастью, пронесло, фрицы так драпали, что не успели как следует заминировать дорогу. Сыграла свою роль самоотверженность лейтенанта из охраны Жукова, моего большого друга Коли Пучкова. Как только мы миновали траншеи при въезде в город, Коля пошел перед моей машиной, тщательно просматривая дорогу, и показывал, как объехать подозрительные места. Нам в машине была опасна противотанковая мина, а что случилось бы с Пучковым, если бы нарвались на противопехотную?

В воспоминаниях журналиста Е. З. Воробьева зафиксировано, как смотрелся въезд в Ельню победителя: "Из облака пыли вынырнул открытый "газик". Машина остановилась у кладбищенских ворот, генерал, сидевший на переднем сиденье за ветровым стеклом, легко, по-спортивному спрыгнул на

иссушенный большак.

Серая фуражка, околыш в густой пыли и такой же матовый, бесцветный козырек. Генерал еще раз энергично отряхнулся от пыли, вытер платком лицо, шею.

В чертах лица, в волевом подбородке промелькнули смутно знакомые черты, но я не узнал бы генерала армии, если бы стоявший рядом фотокорреспондент не прошептал громко:

- Жуков!

Это был прославленный комкор, герой Халхин-Гола, командующий Резервным фронтом.

Жуков еще раз, сняв фуражку, отряхнулся, и тут стало очевидно, что околыш фуражки - алый, козырек - лакированный, галифе - с красными лампасами, галун на рукаве - с алым углом, а пропыленные сапоги - черные, хромовые".

Примерно так мы и ездили тогда, правда, верх в вездеходе ГАЗ-61 опускали редко, ибо возникала та картина, которую описал очевидец, - от пыли спасения не было. Георгий Константинович бегло осмотрел разрушенный и сожженный немцами при отступлении город. Картина была тяжелая. Единственная "новостройка" немецкое военное кладбище, за которым под угрозой расстрела заставляли ухаживать завоеватели. Жителей, не торопившихся украшать цветами березовые кресты с немецкими касками, оккупанты убивали.

Разгневанный Жуков, обращаясь к группе командиров и местных жителей, отозвался об этом как о попытке унизить нас, русских, которые-де благодарят своих убийц. Он сказал, что история никогда не забудет злодеяний немцев. В то же время он бережно снял с креста немецкую каску, пробитую пулей, внимательно осмотрел ее, удостоверился по краям отверстия, что пуля была бронебойная, и так же бережно повесил на место.

По оставленным немцами следам мы впервые представили подлинное лицо врага. Летний театр немцы приспособили под конюшню, лошадей ставили в ложах, а нечистоты стекали по полу в оркестровую яму, заполненную доверху. В селе Новоспасское под Ельней была усадьба композитора М. И. Глинки, а в самой Ельне класс в одной из школ был превращен в небольшой музей. Немецкая солдатня зачем-то разграбила его, у здания валялись нотные листы, книги. Жуков подобрал один листок с грязным отпечатком подошвы немецкого солдатского сапога, вручил его местному учителю со словами:

- Пусть история и это покажет нашим внукам.

Только воодушевлением по поводу нашей победы я могу объяснить эти выступления, хотя и короткие, Георгия Константиновича перед бойцами, командирами и местными

жителями. Он буквально светился радостью. Потом победы стали делом повседневным, и Жуков стал куда более сдержан, чем в том замечательном сентябре 1941 года под Ельней. В мемуарах Г. К. Жукова я прочитал: "Когда мне приходится касаться событий под Ельней, я невольно вспоминаю о своих личных переживаниях в те трудные дни. Ельнинская операция была моей первой самостоятельной операцией, первой пробой личных оперативно-тактических способностей в большой войне с гитлеровской Германией".

Немцев отогнали. Да, вот случай упомянуть о церкви. Мне попалась под руку книга английского журналиста А. Верта "Россия в войне 1941-1945 гг.". Он побывал в Ельне в первые дни после освобождения города. "Ельня была полностью разрушена, - писал он. - Все дома, в большинстве деревянные, по обе стороны дороги, которая вела к центру города, были сожжены: от них остались лишь груды золы до остовы печей. Раньше это был город с населением в 15 тыс. человек. Из всех зданий уцелела только каменная церковь. ...В ночь, когда немцы решили уйти из Ельни - так как части Красной Армии приближались, угрожая окружением города, - жителям было приказано собраться в церкви. Они пережили ужасную ночь. Сквозь высокие церковные окна пробивался черный дым и виднелось пламя. Немцы обходили дома, забирали все, что можно было найти в них ценного, а потом поджигали дом за домом. Советские солдаты ворвались в город по горящим развалинам и успели освободить оставшихся без крова пленников".

Когда Г. К. Жуков посетил Ельню после освобождения, он, естественно, попросил меня подъехать к единственному зданию, возвышавшемуся среди сплошных развалин, - церкви, которая едва не стала могилой для наших соотечественников. Он оказался у храма по этой причине, а отнюдь не по той, которую надумывают ныне любители благостных сказок.

Н. Я.: Большое спасибо за эти разъяснения, кладущие конец рассуждениям о верующем Жукове.

Ельня поучительна во многих отношениях. В боях за город родилась наша советская гвардия. В Красной Армии появились первые гвардейские дивизии. В этом сражении была похоронена репутация частей и генералов НКВД, НКГБ и прочей чекистской дряни. Сталину был дан предметный урок - как в свое время Ивану Грозному, когда опричное войско не смогло отстоять Москву при татарском набеге, - каратели не воины.

А. Б.: Со взятием Ельни тяжелые бои не прекратились. Немцы контратаковали, кое-где потеснили наших. С рассвета 9 сентября Жуков задержался на весь день на наблюдательном пункте

дивизии, отражавшей немцев в районе реки Стряны. Мы с машинами, как обычно, находились в ближайшем тылу. Грохот канонады, близкие разрывы снарядов. Все привычно. Неожиданно днем передали команду Жукова - быть готовыми к отъезду, машины осмотреть и полностью заправить. Ждем. К вечеру появился Жуков, стремительно сел в машину. Команда - в Москву! На этот раз он поехал с Колей Каталагиным, я вел машину сопровождения.

В Москву приехали уже в темноте. Небольшая задержка у въезда в Кремль, быстрая проверка документов, и наши машины подкатили к тому месту, которое позднее стали между собой называть "уголок" - дом, где работал И. В. Сталин. Жуков ушел. Мы, очутившись в непривычной, оглушающей после фронта тишине, провалились в тяжелый сон. Когда меня растолкали, я не сразу понял, где нахожусь.

Георгий Константинович съездил в Генштаб, и ранним утром 10 сентября мы проводили его на Центральном аэродроме. Самолет взмыл в небо и под эскортом истребителей исчез. Исчез в неизвестность, нам, естественно, не объясняли куда. Охрана улетела с генералом армии, а нам, водителям, приказ - в гараж, заняться приведением в порядок и ремонтом изрядно потрепанных на фронтовых дорогах машин. Гараж нам определили - автобат Генштаба, что на Крымской площади. Туда мы и отправились.

Н. Я.: Слушая ваш рассказ, откровенно говоря, я поражен. Довольно лихо разъезжали вы с комфронта, когда в небе господствовала немецкая авиация. Разве не было случаев, когда приходилось останавливать машину и укрываться в канаве от немецких самолетов? Я прочитал в книге американского писателя Эрскина Колдуэла "Дорога на Смоленск" (1942 г.), как он ехал в тот же район - к Ельне, и в те же дни, когда вы были там, - в первую неделю после освобождения города: "На полпути между Вязьмой и Смоленском наш водитель внезапно резко затормозил и крикнул, чтобы мы выскочили из машины. Мы высыпали наружу и кинулись в придорожный кювет. Наша машина, как и остальные в колонне (Колдуэл ехал с группой иностранных корреспондентов. - Н. Я.), была тщательно замаскирована пушистыми ветками и походила на огромную рождественскую елку. Но теперь мы оказались на открытом месте, и было ясно, что такой камуфляж не обманет пилотов низко летящих бомбардировщиков". Так оно и случилось: посыпались бомбы, к счастью, мимо, но достаточно близко, чтобы засыпать даже отползших от дороги людей землей и камнями. Самолеты ушли, "а мы, подвязав к машине еще несколько веток, сели и двинулись

к передовой".

А. Б.: Американский прозаик точно описал то, что бывало на фронтовых дорогах. Точнее, то, что случалось с ротозеями. Угроза с воздуха на фронте существовала всегда, и от нее оберегали не столько ветки, "подвязанные" к машине, сколько глазомер, маневр, быстрота. Нельзя лишаться единственного преимущества, которое имеют находящиеся в машине, - подвижности. Нельзя останавливать ее, превращая автомобиль и спины попрятавшихся по канавам в застывшую мишень, а нужно дать газ и мчаться вперед, следя за воздухом, чтобы притормозить, а то и рвануть в случае нужды - если самолет сбросил бомбы, или "вильнуть" в сторону - если штурмующий самолет идет на тебя, и искать, искать глазами укрытия - деревья, кусты, строение, все, что угодно. Но только не лежать трусливо и пахать носом землю в ожидании бомбы или пулеметно-пушечной очереди.

Георгий Константинович был сторонником именно такого образа действия. Пришлось нам съездить в район Брянска, там Жуков побывал на передовой, отдавал какие-то распоряжения. Дел много, и он заночевал. Утром часов в пять выехали назад (Жуков вообще вставал с петухами и любил выезжать рано). День пасмурный. Вдруг на дороге громадное стадо, их тогда от немца спасали, перегоняли в тыл. Над стадом облако пыли. Слышу тяжелый гул, идут немецкие бомбардировщики, целая армада. Жуков сказал: "Давай расталкивай стадо, а то поймут, что пехота идет". Я и давай расталкивать туда, сюда. Пронесло. Немцы не обратили внимания.

Н. Я.: Эрскин Колдуэл побывал на фронте под Ельней в середине сентября, и он еще написал в своей книге: "Проехали несколько километров по размытой сильными ливнями, перепаханной бесконечными колесами военных грузовиков, топкой, как трясина, дороге. В то утро мы раз двадцать увязали в грязи, и каждый раз нас вытаскивали проезжавшие мимо танк или тягач... Слева и справа от дороги тянулись густые березовые рощи, под колесами чавкала такая грязь, что, бывало, даже танки и тягачи застревали в пути". А как вы пробирались по тем же дорогам?

А. Б.: Повторяю: американец на редкость точно передает, как было. Он не немец, и ему нет нужды преувеличивать тогдашние тяготы фронтовых дорог. Лучше из всех известных мне машин шел на них отечественный вездеход ГАЗ-61. Он был сделан на базе нашей "эмки", имел стопятнадцатисильный шестицилиндровый двигатель, рессоры, раздаточную коробку. Среди этих машин больше известен вариант с закрытым кузовом. Наш, предназначавшийся для маршала С. К. Тимошенко, был с

откидным тентом. Отопления тогда не делали. Тулуп, валенки с галошами, рукавицы заменяли печку.

По проходимости ГАЗ-61 не было равных. Вездеход в полном смысле слова. По грязи, снегу, гололеду свободно шел - только гудит передний мост. Трактора стояли - мы ехали. В самое тяжелое время мы на нем ездили, самые трудные дороги на нем прошли. А какие кроссы война шоферам устраивала! Как подумаешь теперь, через какую грязь, по какому бездорожью проезжали, так не знаешь: а смог бы сейчас так? Но тогда молодость и спортивная закваска особые силы придавали. Да и война по-своему человеческие возможности раскрывала, давала иной опыт.

Низкого поклона, самой большой благодарности заслуживают конструкторы ГАЗа, которые в конце тридцатых годов создали такой вездеход. Жаль, конечно, что фронтовой ГАЗ-61 Г. К. Жукова не сохранился. Поистине то была бы историческая машина.

На Западном фронте

6 октября нашему вынужденному простою в автобате Генштаба на Крымской пришел конец. Уже стемнело, когда в гараже получили приказ - подать машины вездеход и "бьюик" к Генеральному штабу, руководство которого размещалось тогда на улице Кирова. Баки заправить под пробку. Картина ясна: снова на фронт или, как, бывало, говаривал в таких случаях Г. К. Жуков, "в войска". Мы, конечно, не потеряли времени. Машины в идеальном порядке, инструмент, запаски - все на месте.

За рулем "бьюика" Леша Чучелов, в прошлом водитель Смушкевича. Машина в своем роде историческая, принадлежала раньше президенту Латвии. Кстати, послужил "бьюик" нам потом неплохо, выдерживал фронтовые дороги. Американцы, конечно, мастера автомобилестроения и заслуживают всяческой похвалы в этом отношении. Только к этой внушительной машине нужно было приноровиться, в противном случае...

Итак, уже в полной темноте приняли пассажиров у Генштаба. Смотрю, выходит Жуков и сел в "бьюик" рядом с Лешей. Мне на ГАЗ-61, значит, следовать на хвосте. Ладно, на хвосте так на хвосте. Не иначе Бедов распорядился, он по их чекистской привычке все старался доказать - незаменимых людей нет. Стремительно проскочили центр, вышли на Минское шоссе. В Кунцево остановил патруль - со светом ехать нельзя. Поехали с выключенными фарами. Дурость, конечно, немецкой очереди в ветровое стекло не получить, а пулю от очередного нашего патруля схлопотать ничего не стоит. Доехали до Можайска. Там

Жуков сделал нужные распоряжения и велел ехать на Малоярославец.

Только свернули с бетонки на проселок, как началось. Осень, грязь. Несколько раз сажали по ступицы колес "бьюик", с трудом вытаскивали. Ползем дальше, а ночь глухая, почти не видно дороги. И вот оно! На рассвете стали переезжать вброд реку Нару. "Бьюик", как всегда бывает по закону подлости, заглох в самом неподходящем месте - посередине реки. Я объехал застрявшую машину, зацепил тросом, вытащил вместе с Жуковым, Бедовым и прочими.

Георгий Константинович пробурчал что-то под нос и пересел ко мне. Бедов с адъютантом едва успели влезть на заднее сиденье, как мы тронулись. С Жуковым рядом как-то и ехать стало веселее, хотя он сидел смертельно усталый и поэтому злой, нахохлившийся. Кстати, Георгий Константинович всегда ездил рядом с водителем, никогда не садился сзади. Он нередко бывал в "помощниках" у меня, великолепно ориентировался и, если случалось мне быть в затруднении, безошибочно указывал - сюда!

В ту памятную поездку мы объезжали штаб за штабом на западном направлении. Жуков каким-то неведомым чутьем отыскивал очередной штаб, они были замаскированы от врага, а в данном случае и от своих. Чем дальше мы ехали по прифронтовой полосе, тем больше Георгий Константинович мрачнел. После переезда Нары машина охраны отстала и наш доблестный ГАЗ-61 в одиночку рыскал по разбитым дорогам. В опустевшем Малоярославце, где, казалось, сбежали все, включая власти, у райисполкома увидели две шикарные машины. Жуков вышел, растолкал дрыхнувшего шофера и узнал, что машины маршала С. М. Буденного. Иномарки, конечно, на других пролетарский стратег не ездил. А его-то как раз и искал Георгий Константинович. Он быстро скрылся в здании, мы остались ждать.

Примерно через полчаса Георгий Константинович вышел, подтянутый, с каким-то пронзительным выражением в глазах. А за ним вывалился обмякший Буденный, знаменитые усы обвисли, физиономия отекшая. С заискивающим видом он пытался забежать впереди Жукова и что-то лепетал самым подхалимским тоном. Георгий Константинович, не обращая внимания, буквально прыгнул в машину. Тронулись. В зеркале заднего вида запечатлелся замерший Буденный с разинутым ртом, протянутой рукой, которую Жуков не пожал. Маршал! За ним толпились выкатившиеся из двери охранники полководца.

В странствиях 6-8 октября Жуков неожиданно появлялся в войсках, что немедленно вселяло уверенность как в толпах

отходивших красноармейцев, так и в высших штабах. В последних Жукову предлагали закусить. Отступление отступлением, а животы штабные не подводили. Георгий Константинович холодно отказывался. Наверное, не хотел сидеть за столом с "бездельниками", допустившими разгром и окружение немцами большей части войск Западного и Резервного фронтов. Да и относился он безразлично к тому, что ел. Георгий Константинович, бывало, повторял: "Щи да каша - пища наша". Соблазнять его обильным застольем, да еще с выпивкой было бесполезно.

Самым отрадным эпизодом в той мрачной поездке была встреча под Медынью. Нас остановил патруль, одетый в комбинезоны и танкистские шлемы. Патрули сказали, что дальше ехать нельзя - противник. Георгий Константинович ушел в штаб части, вернулся веселый, помолодевший. Меньше чем за час! Оказалось, что в этом районе дислоцировалась 11-я танковая бригада под командованием полковника И. П. Троицкого, которого Жуков знал по Халхин-Голу. Он отдал какие-то приказы и, удовлетворенный, уехал в Калугу. Я, во всяком случае, почувствовал, что мы, наконец, побывали в нормальной воинской части, где несли службу как подобает. Водители Троицкого вручили мне бутылку водки (я не пил и отдал ее охране) и полголовки сыра. Это было куда как своевременно, подозреваю, что часть ее съел Жуков. На здоровье! Думаю также, что расторопный чекист не преминул поставить себе в заслугу распорядительность в организации питания генерала армии.

Не менее расторопен он и в воспоминаниях, во всяком случае в части, касающейся меня. Описывая день 8 октября, когда мы ехали из Калуги, Бедов заявляет: "Несколько часов шел изнурительный осенний дождь. Машина плохо слушалась руля. Г. К. Жуков впал в глубокое размышление. Неожиданно для всех, сидевших в машине, Бучин сказал: "фрицы" - и показал рукой влево. Одновременно он прибавил скорость, и машина быстро скрылась, чуть не угодив в дерево. Г. К. Жуков тогда отнесся к этому событию безучастно".

Действительно, Георгий Константинович в тот день вел себя безучастно по той простой причине, что не было моего возгласа "фрицы!", ибо немцев мы чувствовали поблизости, но в глаза не видели, машина руля слушалась и мы отнюдь не собирались "угодить" в дерево. А случилось вот что в той памятной поездке. Почти все время мы ехали одни, машина сопровождения безнадежно отстала. По дороге в Калугу я пережил несколько неприятных минут: вдруг мотор стал работать на пяти цилиндрах, потерял мощность, машина стала тупой. Беглый

осмотр показал - запала пружина клапана в одном из цилиндров. Об устранении неисправности в полевых условиях и думать не приходилось. К счастью, пружина, по-барахлив, сама стала на место.

Проезжали мы в этот пасмурный нехороший день поблизости от деревни Стрелковка, где родился Жуков. Он вспомнил детство, в нескольких словах рассказал о речке Протве, в которой мальчишкой рыбу ловил. Посетовал, что в Стрелковке остается мать да и родственники, а немцы подступают. Как-то глухо произнес: "Видите, что они, сволочи, наделали в Медыни". В том городке, разбитом немецкой авиацией, мы попытались было расспросить старуху. Оказалось - безумная, под обломками дома у нее погибли внуки. Доехать до Стрелковки тогда было бы пустым делом, но Жукову было не до этого. Мать генерала армии удалось вывезти через несколько дней буквально под носом у немцев. Ездил Чучелов.

Вечером 8 октября мы снова добрались до штаба Резервного фронта. Георгий Константинович, видимо, был в большом недоумении; кем он стал за эту короткую поездку? Из Москвы выехал как представитель Ставки, в Калуге получил приказ прибыть в штаб Западного фронта, а в штабе Резервного (Буденного и след простыл) узнал, что уже командует и этим фронтом. Большая была неразбериха как наверху, так и в войсках. Эту мы увидели собственными глазами. Жуков, не дожидаясь распоряжений сверху, стал на месте приводить войска в порядок. Наконец 10 октября приехали в Красновидово, где располагался штаб Западного фронта, в командование которым и вступил генерал армии Г. К. Жуков.

Еще не обжились на новом месте, как поползли тревожные слухи о положении в Москве. Штаб начал готовиться к передислокации. Собирали и грузили нехитрое имущество, снимали связь, приводили в порядок транспорт. Обстановка складывалась нервозная. Тут еще погода - холодная осень, дожди, слякоть, грязь.

Утром 16 октября Бедов велел взять жуковский "бьюик", что уже было необычно, и ехать с ним в Москву. Доехали быстро. На нашей машине был пропуск в Кремль. Вышел из машины, пошептался с какими-то чекистами, все с озабоченными и жутко таинственными физиономиями. Из Кремля, где все было, как обычно, тихо и спокойно, через Спасские ворота выехали на московские улицы и проскочили на Кировскую, в Генштаб. Бедов сбегал в здание, побыл там недолго, а затем мы отправились на Каланчевскую площадь, в район трех вокзалов. Тут было немало машин, кишели люди, шла торопливая погрузка в эшелоны. Хотя

особой паники в Москве мы не заметили, город все же выглядел как растревоженный муравейник. Осмотрели все собственными глазами и вернулись в штаб фронта, который вместе с командным пунктом переезжал совсем близко к Москве, в Перхушково на Можайском шоссе.

Потом прояснилось. Паникеры так запутали все, что комфронта Жуков был вынужден послать Бедова в столицу лично удостовериться, что происходит. Не знаю, что там доложил Николай Харлампиевич Жукову, а я убедился - Москва стоит и будет стоять. Что до испуганных людей, так это пена, которая схлынет. Да и пусть убираются, не болтаются под ногами.

Со всей ответственностью должен сказать; такое же настроение было в войсках, разумеется в первую голову у русских. Они стойко переносили все, чего нельзя сказать о выходцах из некоторых наших республик. Среди них было немало самострелов. Трусы уродовали себя, чтобы только как-то удрать с фронта.

В те мрачные дни на фронтовиков на подступах к Москве произвело большое впечатление опубликование 20 октября на первой странице "Красной звезды" портрета Г. К. Жукова. На другой день после введения осадного положения в городе. Тогда как-то не было принято отмечать таким образом военачальников, мы расценили это как гарантию того, что врагу не видать столицы СССР, как своих ушей.

Н. Я.: Газетчики, близкие к власти, знали, что это было сделано по распоряжению Сталина. Редактор "Красной звезды" Д. И. Ортенберг даже счел, что тем самым Сталин давал понять Жукову - на конфликте с ним в июле 1941 года, закончившемся снятием с поста начальника Генштаба, "поставлен крест". Много спустя после окончания Великой Отечественной Ортенберг поделился этими мыслями с Жуковым. Тот ответил:

"Наивный ты человек. Сталин не раз мне звонил и все спрашивал: удержим ли Москву? И хотя я его убеждал: не сдадим столицу, уверенности у него в этом все же не было. Он и подумывал, на кого бы в случае поражения свалить вину. Вспомним историю с генералом Павловым".

Н. Я.: Как вы думаете, проявлялось ли это внутреннее убеждение, о котором Жуков поведал спустя десятилетия, в его действиях в то время?

А. Б.: Мы, люди, жившие и работавшие рядом с Жуковым, ни о чем таком и помыслить не могли. Лозунгом момента, которому верили и свято выполняли, было: "Все для фронта, все для победы!"

Глубокая осень и часть зимы 1941 года слились для меня

тогда в какое-то тусклое время, то, что в мирные дни было из ряда вон выходящим, стало повседневностью. Жукову было очень и очень тяжело, и он в октябре и ноябре крайне редко бывал в войсках, день и ночь работал в штабе фронта в Пер-хушкове. Зато И. В. Сталин часто дергал комфронта, вызывал его в Кремль. Эти поездки, почти всегда ночные, труда не составляли - от Перхушкова до Кремля долетали минут за 35-40. Как-то раз этот маршрут проскочили быстрее - у Георгия Константиновича разболелись зубы и нужно было попасть в поликлинику на улице Грановского точно в назначенный врачом час. Жуков терпеть не мог опаздывать. По какой-то причине с выездом замешкались и полетели! 120-130 километров. Успели.

Бедов дал мне грубый нагоняй. Как посмел оторваться от машины сопровождения с охраной. Орал, матерился, грозил кулаком (потом он оставил эту манеру, я, обозлившись, за словом в карман не лез). А тогда стращал трибуналом, всяческими карами. Все на жаргоне матерого чекиста, который я к тому времени хорошо изучил от "прикомандированных товарищей", то есть не то охранявших, не то стерегших Г. К. Жукова. Каждый раз, когда охрана отставала, а было это нередко. Бедов бесился.

В нашей маленькой группе обслуживания генерала армии были мастера на все руки: адъютанты, повар, ординарец, охрана, водители. В самые мрачные дни битвы за Москву, как солнечный лучик, появилась девушка лет двадцати, фельдшер. У Г. К. Жукова она, Лида Захарова, дослужилась за войну до звания лейтенанта медицинской службы. Более доброе, незлобивое существо трудно себе представить. Мы привязались к ней все, но она, конечно, никогда не забывала, что прислана следить за здоровьем Георгия Константиновича. Застенчивая и стыдливая, Лидочка терпеть не могла грубостей и положительно терялась, когда занятый по горло Георгий Константинович отмахивался от ее заботы. Иной раз уходила от него со слезами на глазах.

Георгий Константинович по-своему сурово, в хорошем смысле любил Лиду. Тиранил, конечно, по-солдатски посмеивался над девицей, которую занесло к нам на войну. Немало людей сменилось в группе обслуживания Жукова в те годы. Лида оставалась. Безропотная, работящая, робко любившая грозного и громкого военачальника, который, увы, не укорачивал свой нрав даже с лейтенантом медицинской службы. Лида, наверное, ждала и так не дождалась, чтобы он стал другим.

В тот 1941 год зима рано пришла в Подмосковье. Уже с октября снег валил и валил, резко похолодало. "Бьюик", конечно, был незаменим для поездок в Москву, но проходимость у этой в других отношениях прекрасной машины была невелика.

Безотказный ГАЗ-61 не отапливался, брезентовый верх совершенно не держал тепла. А нужда заставляла ездить на нем в большой мороз. Например, к комдиву Белобородову.

Когда возвращались, Жуков брезгливо сказал: "Вшивая армия".

В воспоминаниях А. П. Белобородова я прочитал, что как раз во время пребывания комфронта в дивизии доставили "языка". Белобородов вышел взглянуть на добычу - немец, закутанный в женский шерстяной платок. По платку, по вороту шинели и по плечам ползали вши. Белобородов упрекнул разведчиков - хоть бы веником обмели, неудобно перед командующим. Услышав эти слова, Жуков приказал ввести пленного. Взглянул на него и сказал:

- Вшивая армия - факт знаменательный. Запишите его в журнал боевых действий: пригодится историкам.

А в мемуарах Жукова я прочитал, что он был вынужден отправиться в дивизию по приказу Сталина разбираться с мнимой сдачей городка Дедовска.

В поездке под Крюково мой верный ГАЗ-61 встал. В горючее при заправке попала вода, и бензопровод замерз. Я продул бензопровод, и машина поехала.

От приятелей-водителей я узнал, что в одном из гаражей в Марьиной Роще стояли на приколе несколько машин бывшего германского посольства. Выбрал время и поехал в Москву, добрался до гаража, с трудом пробился внутрь и в пыльном боксе увидел вездеход марки "хорьх", в который тут же влюбился. Семиместная машина с могучим мотором в 160 лошадиных сил. Отопление, антиобледенители лобового и заднего стекол. Передние и задние колеса ведущие, и - что окончательно добило меня - по бокам у "хорьха" вспомогательные колеса, которые принимали на себя вес машины при передвижении по пересеченной местности. Иными словами, вместо отвратительного скрежета из-под кузова мягкое покачивание при переезде бугров, бревен и прочего в том же духе.

Как и подобает сложной машине, "хорьх" оказался с "норовом", пришлось почти день потаскать его на буксире во дворе гаража, прежде чем автомобиль завелся. Наконец мотор заработал. Музыка! Сдержанный гул, клапанов не слышно. Да что тут говорить, добротно сработали немецкие мастера. Этому вездеходу предстояла у нас долгая жизнь - в основном на нем Г. К. Жуков ездил по фронтовым дорогам последующие два года с небольшим.

Частые выезды Жукова в войска возобновились в конце 1941 года, когда немцев погнали от Москвы. Не считаясь с погодой,

Георгий Константинович на "хорьхе" пробирался по едва разминированным колеям поближе к передовой. Хотя на "хорьхе" была установлена "лягушка" - фара для езды в условиях светомаскировки, езда часто превращалась в сплошное мучение. Самое трудное ориентировка в лабиринте зимних дорог. Что толку от "лягушки", отбрасывавшей тусклые блики света на 10-15 метров вперед и довольно узким лучом, когда дорога изобиловала объездами, съездами, предупредительными знаками о минах, находившихся вне скупо освещенного пространства.

Н. Я.: Вот опять у меня возникает к вам вопрос, носящий профессиональный характер. В своей книге "Московский дневник" (1943) корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс Генри Кэссиди описал одну из своих поездок на Западный фронт в середине декабря 1941 года, то есть тогда, когда наши войска били немцев под Москвой. Послушайте, что он писал:

"Мы выехали из "Метрополя" почти в полдень 15 декабря на трех больших ЗИСах - советском варианте "бьюика", выпускаемом на московском заводе имени Сталина. Первую поездку на фронт за три месяца до этого мы совершили на маленьких машинах М-1, что-то вроде "форда", которые выпускались горьковским заводом имени Молотова. М-1 прыгали по дороге, дергались, но все же провезли нас сквозь грязь. В ЗИСах нас ждал комфорт, который был слишком хорош, чтобы долго продержаться".

А. Б.: Конечно, большая дурость отправиться по зимней дороге на фронт в ЗИС-101. Машина по тем временам прекрасная, но только на асфальте. Ну и сели, конечно, эти журналисты?

Н. Я.: Разумеется, но интересны детали. "Мы покинули настороженную Коломну, - продолжает Кэссиди, - и свернули с нанесенной на карту московской дороги в дикие пустые степи. Машина с трудом отыскивала путь, еле различимый в снегу. Ее фары один за одним выхватывали серые, подгнившие от дождей телеграфные столбы, стоявшие как маяки в непроглядной тьме. Вдруг снова пошел снег... Лучи наших фар отражались точно от белого полотна. Дорога исчезла, затерявшись в снежных полях. Мы поспешили доехать до следующего телеграфного столба. За ним в слепящей снежной круговерти ничего уже не было видно. Шофер остановил машину и пошел вперед, чтобы отыскать под снегом дорогу и найти следующий телеграфный столб. Сориентировавшись, он попробовал ехать дальше". Но единственный результат - ЗИС сполз в канаву, как и другие машины.

Переночевали в поле. Утром пришел военный грузовик, и солдаты вытащили увязнувшие машины на дорогу. Уехать далеко не удалось, на дороге лед. Застряли еще на ночь. "На следующее

утро, - заканчивает Кэссиди, - мы отказались от нашей поездки и позорно вернулись в Москву... От Москвы до линии фронта было всего около ста миль. Я ехал два дня и две бессонные ночи, пытаясь покрыть это расстояние, - и не смог. Так впервые генерал Зима преподал мне урок своего могущества... Этот урок показал мне также, что генерал Зима не был генералом Красной Армии. Если бы он им был, его следовало бы расстрелять за измену, ибо он сражался против русских точно так же, как и против немцев. Он сражался только за себя".

А. Б.: В правдивости писавшего сомнений нет. В том, что путешествие обречено на провал, было очевидно уже тогда, когда они после плотного завтрака расселись по машинам у интуристовского отеля. Глупцами оказались и те у нас, кто спланировал эту поездку. Зимняя дорога в то время и при тех обстоятельствах - вслед за наступающей армией требовала большой сноровки. Недотепам еще повезло, они не добрались до тех мест, где только что отгремели бои и немцы усеивали путь своего бегства минами. Тогда бы некому было писать эти правдивые строки.

Правильно сказано и о том, что ночью зимой можно без труда затеряться в дороге, поехать совсем в другом направлении. Я не волшебник и иной раз останавливал машину в раздумье. Следовавшая за этим сцена (а так случалось на моей памяти несколько раз) повторялась без больших изменений. Помолчав, Георгий Константинович, сидевший рядом со мной, требовал карту. В салоне зажигали свет, и Жуков, справившись с картой, уверенно указывал, как дальше ехать. Был случай, правда, несколько позднее, когда сдержанный Жуков излил свое раздражение, ибо потеря ориентировки на фронтовой дороге могла обернуться большой бедой.

Мы побывали у командарма Баграмяна. Жуков пробыл у него в штабе довольно долго, вышел поздним вечером. Рядом слащавый кавказец в генеральских погонах. Я услышал конец разговора: командарм, буквально извиваясь в верноподданнических чувствах, предложил послать впереди проводником адъютанта капитана на ГАЗ-61. То ли от усталости, то ли по какой другой причине Георгий Константинович, обычно полагавшийся на себя, уступил. Поехали. Довольно скоро Жуков насторожился, стал напряженно всматриваться в дорогу, а ночь темная. Внезапно он тронул меня за руку:

* Посигналь этому, чтобы стал.

Остановились. Капитан подбежал к нашей машине. Жуков резко:

- Ты куда везешь?

Ошалевший капитан пустился в путаные рассуждения. Вконец разозлившийся Георгий Константинович бросил:

- Мы на нейтральной полосе! Скажи Баграмяну, чтобы он выгнал тебя!

С тем мы и уехали, оставив растерянного капитана с его ГАЗ-61. С некоторым трудом, по подсказке Георгия Константиновича, нашел верную дорогу. Все ехавшие как в нашей машине, так и машине сопровождения убедились, что избежали страшной опасности - заехать к немцам. Спасла удивительная способность Жукова ориентироваться в любых обстоятельствах. Да что тут говорить: гений и есть гений.

Н. Я.: А за что вас наградили орденом Красной Звезды в период битвы за Москву?

А. Б.: Наверное, по совокупности, хотя непосредственным толчком был прискорбный случай. Во время наступления наших войск Г. К. Жуков иногда выезжал в войска по нескольку раз в день. Стояли сорокаградусные морозы. Случилось так, что во время одной из таких поездок мотор заглох. Неисправность устранил. В чем героизм? Да в том, что возился с машиной тогда, когда поблизости шли немецкие танки. В нашем направлении. Вот и весь подвиг.

Дошли бы танки до нас или нет, это еще бабушка надвое сказала. Во всяком случае, немецкие танкисты не торопились палить из пушек. По мне, куда большей опасности подвергался Жуков и все мы в машине при одном из возвращений с Калининского фронта. Дорога ровная, хорошая, сухая. Довольно широкое шоссе. Держал скорость 130 километров. Жуков спокойно разговаривал со спутниками. Я предаюсь приятным воспоминаниям: недавно в этих же местах самолет У-2 обогнал - у него скорость максимум 120, а мы на "хорьхе" разлетелись до 150.

Только вспомнил об этом, как машину неожиданно повело - оказывается, участок шоссе, так с полкилометра, покрыт тонкой коркой льда, оледенение почти не видно издалека. Машину разворачивает, того гляди опрокинется. Среагировал я не думая, автоматически - не прикасаясь к тормозу, работал рулем и газом. Выровнял. Георгий Константинович и другие за разговором ничего не заметили, так быстро все произошло. Хотя я был молод и не знал, что такое нервы, несколько минут после случившегося ноги у меня непроизвольно дрожали. Потом сидевшие в машине сопровождения и видевшие случившееся признались, что они единодушно решили - нам конец. Но им все же удалось успеть притормозить при въезде на опасный участок.

Наша шоферская работа тем и отличается - всегда в ответе за чужие жизни, не говоря уже о своей. Особенно тогда, когда счет

идет на секунды.

Еще случай. Дорогу фриц обстреливает методическим огнем. Впереди, не очень далеко грузовик ЗИС-5. На наших глазах прямое попадание - и нет ни машины, ни людей. Останавливаться, смотреть нельзя, дорога пристреляна. Только краем глаза отметил кровавое месиво среди обломков грузовика. Сколько их там было, бедняг, не ведаю.

Н. Я.: Разгром немцев под Москвой - эпохальное событие XX века. Под водительством Г. К. Жукова соединения Красной Армии на Западном фронте поставили точку на завоевательных планах Гитлера. Или, скажем иначе, Жуков одолел Гитлера, ибо тот был подлинным главнокомандующим вермахта. Наверное, лучший биограф Гитлера американский историк Дж. Толанд подчеркнул в жизнеописании (1970) фюрера "третьего рейха": "Новый советский командующий на Центральном фронте генерал Георгий Жуков перешел в массированное наступление, бросив сто дивизий на двухсотмильном фронте. Объединенный натиск пехоты, танков и авиации застиг немцев врасплох, и Гитлер не только потерял Москву (в том смысле, что считал ее участь предрешенной. - Н. Я.), казалось, что ему уготована судьба Наполеона в снегах русской зимы".

Автор, на мой взгляд, лучшего западногерманского специального исследования "Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года" (русский перевод 1980г.) К. Рейнгардт разъясняет всем занимающимся историей второй мировой войны: существующая точка зрения: "Лишь после поражения под Сталинградом зимой 1942/43 года начался поворот в войне. Критический анализ, проведенный на основании большого количества документов, свидетельствует, что такое представление можно назвать несостоятельным. Планы Гитлера - и вместе с ними шансы на успешное ведение войны Германией - потерпели провал уже в октябре и, самое позднее, в декабре 1941 года, с началом наступления русских войск под Москвой". В своей книге Рейнгардт и обосновывает этот вывод, подковывая цитатами из важнейших документов каждое свое положение.

Битва под Москвой оказалась "самым тяжким испытанием, которое провидение ниспосылает только тем, кому начертано высокое предназначение". Так отзывался об этих неделях в своей жизни Гитлер, претендент на мировое господство, положивший к ногам рейха всю континентальную Европу. Его соратник и однодумец Геббельс присовокупил: "То, что мы преодолели жестокое испытание, следует расценивать как чудо".

Почему это "чудо" стало возможным? Известнейший английский военный теоретик, современник той войны генерал

Дж. Фуллер настаивал в своем в ряде отношений классическом труде "Вторая мировая война 1939-1945" (русское издание, 1955): " Отказавшись отступить из России или даже отойти к западу от Смоленска, Гитлер, несомненно, спас свою армию от еще большего разгрома, чем тот, который постиг армию Наполеона в 1812 году".

Но кто дал возможность Гитлеру зацепиться за нашу землю, удержав натиск Красной Армии? Конечно, Сталин своими необдуманными приказами - воодушевленный успехом под Москвой, он в январе 1942 года приказал расширить контрнаступление на весь советско-германский фронт. Рейнгардт шаг за шагом прослеживает, как Сталин, отвергая предложения Жукова сосредоточиться только на западном направлении, ибо не было сил для активных действий на других участках, собственными руками готовил успех гитлеровской стратегии. Он ослабил и без того ограниченные силы, которыми нанесли поражение немцам под Москвой. Последствия очевидны. Г. К. Жуков в мемуарах категорически указал: "Фактическое развитие событий доказало ошибочность решения Верховного на переход в январе в наступление всеми фронтами... Если бы девять армий резерва Ставки Верховного Главнокомандования не были разбросаны по всем фронтам, а были бы введены в дело на фронтах западного направления, центральная группировка гитлеровских войск была бы разгромлена, что, несомненно, повлияло бы на дальнейший ход войны". Как именно объяснили хотя бы те же Дж. Толанд и Дж. Фуллер.

Александр Николаевич, вы были рядом с Г. К. Жуковым в то судьбоносное время, когда он становился полководцем полководцев всей войны. Несомненно, он ощущал тяжесть ноши, выпавшей на его долю. Изменился ли Г. К. Жуков в словах и поступках?

А. Б.: Сейчас очень трудно воссоздать мировидение 24-летнего Саши Бучина. Он очень далек от меня. Неизбежно на суждения 75-летнего Александра Николаевича давит не только груз прожитых лет, но и тех многих книг, прочитанных мною о Великой Отечественной. Признаюсь, я с годами превратился в безнадежного книжного "пьяницу". Так что начну со ссылки на "Воспоминания и размышления" Г. К. Жукова, во II *томе которых на странице 269 (10-е издание, 1990) сказано: "Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву". Думаю, что все прошедшие войну от звонка до звонка, включая меня, ответят, как и Г. К. Жуков.

Образно говоря, победа под Москвой - водораздел между

Светом и Мраком в Великой Отечественной. Конечно, изменились все в Красной Армии, и с ними Г. К. Жуков. Мы увидели - немцев можно бить (впрочем, знали это и раньше), а они способны бежать. Вот в той книге американского журналиста Г. Кэссиди "Московский дневник" сказано так, как видел тогда Саша Бучин:

"В конце декабря вооруженные на этот раз снеговыми лопатами и в сопровождении тягача, чтобы вытаскивать нас из канав, мы поехали на север к Клину, а затем по дороге Клин - Волоколамск на запад... Дорога извивалась, как узкий туннель, в замерзших сосновых лесах, забитая тем, что осталось от некогда гордых 6-й и 7-й немецких танковых дивизий. На двадцать пять миль протянулось это кладбище танков, отмеченное грудами сгоревших машин, горами замерзших тел и кучами личных вещей. Я насчитал около тысячи поврежденных танков, бронемашин, машин для перевозки пехоты, грузовиков, легковых машин и мотоциклов, потом мне считать надоело. На снегу, нелепо распластавшись, лежали сотни тел тех, кто еще недавно сидел в этих машинах. Сотни других были похоронены в сугробах или под белыми березовыми крестами.

Интересно было сравнить мой подсчет уничтоженных машин с официальной цифрой, сообщенной Совинформбюро, - 750 в этом секторе. На это явное занижение я указал потом одному офицеру Красной Армии.

"Лучше уж мы занизим, - сказал он. - Немцы переоценили - и видите, что с ними произошло".

Глаза Саши Бучина видели и это и многое, многое другое, и он оценивал происходившее на основании своего тогдашнего жизненного опыта. Конечно, он никак не мог свыкнуться с мыслью, что это результат реализации замыслов сурового генерала армии, разделявшего с ним переднее сиденье в автомобиле. Все мои тогдашние помыслы были устремлены на то, чтобы оправдать оказанное доверие. Как я уже говорил, жизнь сидящих в машине буквально в руках водителя.

Я, конечно, не знал о спорах Жукова со Сталиным. Помню, однако, что при возвращении из Кремля, где бывали несколько раз в неделю, Георгий Константинович часто сидел насупившись, напряженно размышляя о чем-то мало приятном. Упадок настроения у него начался вскоре после Нового года и продолжался, если не ошибаюсь, до того времени, когда сошел снег. Саша Бучин, разумеется, по молодости списывал это на весеннее солнышко. Теперь-то я понимаю, дело было совсем в другом.

Комфронта в январе - марте приходилось гнать войска на выполнение операций, которые не могли увенчаться успехом. Со

своей стороны, он, видимо, делал все, что мог - проводил большую часть времени в частях, нередко добирался до первой траншеи. Там он подолгу изучал позиции противника через перископ или в бинокль. Жуков доходил до полков и батальонов, наверное, стремясь хоть как-то снизить потери.

Н. Я.: В этом Жуков в какой-то мере преуспел. Смотрите: в Московской стратегической оборонительной операции (30.9-5.12.1941) мы потеряли (безвозвратные потери - убитые, в плену) 514 338 человек, контрнаступление под Москвой (6.12.1941-7.1.1942) -139 586 человек, Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция (8.1.1942- 20.4.1942) - 272 320 человек. Там, где Г. К. Жуков с начала до конца и без вмешательства свыше планировал и вел сражение - контрнаступление под Москвой, - потери значительно уступали оборонительному периоду.

А. Б.: Это сейчас можно абстрактно рассуждать, а тогда было невероятно тяжело видеть трупы командиров и красноармейцев, усеявшие дороги наших отступлений и наступлений. Георгий Константинович тяжело переживал гибель людей. Несколько раз я слышал, как он сурово выговаривал генералам за это. Он любил повторять: "На войне расчет с просчетом по соседним тропинкам ходят".

К весне фронт стабилизировался. В мае 1942 года произошло "великое переселение народов", как шутили у нас, - штаб фронта переехал из Перхушкова в Обнинское; метрах в ста от двухэтажного здания, в котором разместился комфронта со своей группой, протекала его любимая родная речка Протва. Георгий Константинович, видимо, запамятовал, что уже рассказал мне о своем детстве тяжелой осенью 1941 года, и снова вспомнил, какая рыба ("не поверишь, Александр Николаевич, вот такая!") водилась в замечательной Протве. Поделился и рецептами невиданной ухи. Я с большой серьезностью выслушал и поблагодарил.

Поблизости оборудовали небольшой полевой аэродром, способный принимать только самолеты У-2. В экстренных случаях Г. К. Жуков пользовался ими, невзирая иной раз на большой риск. Военную тайну тогда хранить умели. Как в Перхушкове, так и в Обнинском враг не сумел засечь штаб. Мы были избавлены от налетов. Бедов нашел себе занятие - проверять маскировку штаба даже с воздуха. Разумеется, в его рассказе полет этот оброс героическими деталями, "мессершмитт"-де атаковал У-2 с Бедовым, занятым контрольной аэрофотосъемкой района штаба. Мы вежливо выслушали откровения "отважного" чекиста, грудью защищавшего Г. К. Жукова не только на земле, но и в воздухе. Серьезно говоря, маскировкой ведали скромные и умелые люди.

Низкий поклон им! Они обеспечили сохранность и нашего довольно большого штабного автохозяйства.

Мне трудно судить о причинах, по которым штаб фронта перевели в Обнинское. Для водителя это было сплошным несчастьем. Взгляните на карту. Обнинское расположено на южном фланге тогдашнего Западного фронта. А предстоящим летом основные операции фронта проводились в центре и на его северном крыле, на стыке с Калининским фронтом. Следовательно, каждая поездка туда - конец примерно в триста километров.

Гонять машины приходилось, на мой взгляд, неразумно. Единственная отрада ездили через Москву. Дорога туда и оттуда по Ленинградскому шоссе была вполне приличной. Мучения начинались, конечно, тогда, когда мы съезжали на проселок, направляясь к тем местам, где Жуков размещал свой очередной командный пункт.

Май - июнь Г. К. Жуков потратил на систематический объезд всех армий Западного фронта. Шла позиционная война. Георгий Константинович, как водилось, облазил передний край, побывал в полковых и дивизионных тылах, посетил госпитали. Он основательно подтянул войска. Это было нужно. С юга шли тяжелые вести. Немцы захватили Крым, развернули широкое наступление к Волге и на Кавказ. Настроение гнетущее. Даже Жуков стал нервничать, иной раз срывался на резкость с подчиненными. Снова, как и прошлой осенью, ходил чернее тучи.

Обращаясь мысленно к тому времени, тяжкому лету 1942 года, в памяти прежде всего встает какое-то необыкновенное чувство товарищества. Как в народе, так и в армии. У нас на Западном фронте только и прикидывали, как бы помочь сражавшемуся югу. Поэтому когда солдатский вестник нашептал - предстоит наступление, - и у нас последовал необычайный подъем. Мы-то поблизости к командованию фронта первые сообразили, где оно развернется. Жуков выехал в расположение 16-й армии К. К. Рокоссовского на брянском направлении.

Ехали всю ночь. Еще было далеко от фронта, как пошла разбитая дорога. Выбоины, воронки от бомб. В довершение всего немцы бомбят. Заснувший было Жуков открыл глаза, недовольно пробурчал: "Что ты как кислое молоко везешь", и затих. Я-то старался ехать аккуратнее, берег сон измотанного комфронта. Он пробыл в 16-й армии с неделю, ровно столько, сколько продолжалась наступательная операция наших трех армий на участке между Жиздрой и Волховом.

Бои были тяжелыми, и немецкую оборону так и не удалось прорвать. Но мы, свидетели и участники операции, с гордостью

ощутили, что Красная Армия уже не та, что была даже зимой. Стало больше танков, а наша авиация господствовала над полем боя. Ее силу ощутил и Г. К. Жуков. Мы затемно подвезли комфронта поближе к НП армии Рокоссовского, размещавшемуся на высоте, поросшей кустарником. Укрыли и замаскировали машины поблизости в тылу. У нас уже появились новенькие американские "виллисы", очень удобные и юркие вездеходы. С рассветом разгорелся бой, грохот нарастал. Ушли и скрылись танки с десантом. Непрерывный, оглушающий рев над головой, наши несравненные Илы девятками штурмовали вражеские позиции. Самолетов было множество. Впервые мы видели, как штурмовики применяли реактивные снаряды, оставлявшие дымный след. Симфония ближнего боя, насыщенного техникой.

Вдруг очередная девятка чуть не над нашими головами как бы залпом рванула по высоте, на которой был НП. Мы оцепенели, высота вспухла разрывами серии реактивных снарядов. Первая мысль: все, конец! Но вскоре вернулся оживленный Жуков с Рокоссовским. С ними группа генералов и офицеров. Оказалось, что штурмовики по ошибке обстреляли не ту цель и только реакция Рокоссовского спасла положение - он интуитивно почувствовал, что их накроют, и буквально в последний момент крикнул: "В щель!" Георгий Константинович несколько натянуто смеялся по поводу случившегося, а Бедов среди нас, охраны и водителей, туманно высказался о вражеских происках. Мы рассмеялись от всей души. Бедов надулся.

В эту поездку к Рокоссовскому под Волхов Жуков, как обычно, не обременял себя политработниками, только боевые генералы и офицеры. Да и фронтовые условия жизни и быта не были по сердцу политработникам, любившим, по моим наблюдениям, удобства. Я, разумеется, не имею в виду трудяг в войсках, те из одних котелков с красноармейцами щи хлебали. Я говорю о штабных, предводителем которых был большой барин, член Военного совета Н. А. Булганин. Эти к фронту ближе армейского тыла не приближались. Рядом с Жуковым в горниле боев, там, где можно было схлопотать мину или пулю, я никогда не видел этих типов с мнимо значительными физиономиями, говоривших негромко, с таинственными паузами и сверливших тебя пустыми глазами. Они не раз пытались втащить меня в партию и негодующе поджимали губы, когда я отказывался. Что мне партия, я знал свое дело - баранку. Но я отвлекся.

Навоевался под Болховом Г. К. Жуков за неделю досыта и отбыл в штаб фронта в Обнинское. Тут же вызов в Москву. Жуков с Булганиным на "кадиллаке" члена Военного совета, я на "бьюике" пустой сзади. Как всегда, все срочно и час обозначен. На

нашу беду, "кадиллак" пропорол баллон. Георгий Константинович со всей компанией генералов и Булганиным пересели ко мне. Почесали к Москве. Время-то выходило, и почесали так, что я вцепился в руль и избегал взглянуть на спидометр. Нельзя было оторвать глаз от дороги. Испуганный Бедов зашипел: "Тише!", Георгий Константинович на редкость резко оборвал его: "Не мешай, он лучше знает!" Выразился с приложениями. Наверное, все переживал бои под Болховом, гадал, что скажет им Сталин. Привез в Генштаб на Кировскую, а оттуда через несколько минут в Кремль. Я посмотрел им вслед, когда Жуков и Булганин шли к подъезду, притихшие, слегка поникшие.

Были и другие поездки в Москву и обратно на фронт. Не помню, по какой причине, в одну из них нам дали "кадиллак" Щаденко. Шикарная машина. Когда асфальт кончился и мы закачались, запрыгали по фронтовой дороге, у меня вырвалось: "Губим машину". Жуков нахмурился: "Судьба Родины на карте, а вы о машине", - и насупился. "Кадиллак" двенадцатицилиндровый, и мотор забарахлил от непривычных перегрузок. Пришлось остановить грузовик и продолжить путь до деревни, где стоял штаб, на буксире. Поехал один, Жуков пересел в другую машину и исчез. Грузовик подтащил к избе, да так, что погнул мне крыло. Парень, наверно, испугался, оборвал буксир и уехал. Я кое-как привел в порядок двигатель.

Появился Георгий Константинович. Я как на духу рассказал ему о случившемся. Он обошел машину, посмотрел на разбитое крыло. Осведомился: "Не поймал?" Я развел руками. "Ну и м...чок", - почти ласково сказал генерал армии и вдруг по-доброму улыбнулся. "Кадиллак" я отогнал в Москву, а когда вернулся на фронт, узнал - Георгия Константиновича в мое отсутствие возил на вездеходе Казарин. Чуть не угробились, с трудом вывернул руль в аварийной ситуации.

В конце июля Жуков перебрался на северное крыло Западного фронта. Здесь с 31 июля три недели полыхало невиданное по интенсивности и потерям мрачное сражение. Самый последний боец знал - речь идет не только о том, чтобы вышибить немцев из Ржева и ликвидировать опасный плацдарм невдалеке от Москвы, а решается куда более важная задача: притянуть сюда немецкие резервы, не дав возможности подкрепить наступление на юге. В это время немцы шли к Волге и продвигались к Кавказу. Не думаю, что модернизирую историю, когда утверждаю каждый красноармеец понимал меру своей ответственности.

Бои шли в лесистой, местами заболоченной местности, а лето в 1942 году выдалось на диво дождливое. На всю жизнь мне врезались в память названия речек Держа, Вазуза, Гжать. Сумрачные кармановские леса (по названию села Карманово). Георгий Константинович выдвинул свой командный пункт чуть не в боевые порядки войск. Он был везде - с пехотинцами и саперами, артиллеристами и особенно танкистами. Лазил везде, возвращался, шатаясь от усталости, в сапогах, грязных до верха голенища. До сих пор жуть берет, когда вспомнишь бешеную тряску на гатях, проложенных через топи. Сумрак лесов, пропахших порохом и трупным смрадом, зловонная жижа, бившая фонтанами из-под колес. Нередко вода в речках краснела от крови. Нам пришлось форсировать Держу, топкие берега которой были нашпигованы минами.

Много говорят и пишут о сражении под Прохоровкой, называя его величайшей танковой битвой второй мировой войны. Упаси Бог умалять ее значение. А многие ли знают, что происходило на небольшом участке на рубеже речек Вазузы и Гжати 9-10 августа 1942 года? В эти два дня тут гремело, ревело и лязгало встречное танковое сражение, до 1500 танков с обеих сторон. У Прохоровки бились в открытом поле, здесь - в лесу с густым подлеском, вязли в болотах, продирались через кустарник. Под Прохоровкой гибли на виду, а на миру, как известно, и смерть красна, в этом сражении убивали безымянными. На моих глазах на страшный грохот битвы шли наши танки, колонна за колонной. Бледные, измученные лица

ребят моложе меня, 25-летнего. Для многих кармановские леса - последнее, что им удалось повидать в куцей жизни. Они навсегда ушли в них, оставив тошнотворный запах отработанной солярки.

Н. Я.: В историю войны эта Ржевско-Сычевская наступательная операция (30.7-23.8.1942) вошла как наше первое успешное наступление летом. Г. К. Жуков впервые организовал при прорыве вражеской обороны и авиационное наступление. Он умело и уверенно руководил действиями большой массы танков и крупных соединений авиации. Планирование операции, внезапность основных ударов, взаимодействие, особенно наземных сил и авиации, были безупречными. Хотя территориально продвижение было небольшим, главную цель выполнили - немцы были вынуждены перебросить сюда 12 дивизий и не сумели снять ни одного взвода из уже задействованных. А вермахт так нуждался в каждом солдате - как раз в эти дни немцы увидели Волгу у Сталинграда и карабкались на Кавказские горы.

А. Б.: Военной науке, конечно, виднее. Я сужу по собственному опыту. К сожалению, я так и не смог найти в книгах о той войне описание этой операции.

Н. Я.: Не только это. Сам Г. К. Жуков уместил рассказ об этом без малого месяце кровавых боев на одной странице в своих тысячестраничных мемуарах, резюмировав: "Если бы в нашем распоряжении были одна-две армии", то удалось бы разгромить ржевско-вяземскую группу немецких войск, улучшив "оперативное положение на всем западном стратегическом направлении. К сожалению, эта реальная возможность Верховным Главнокомандованием была упущена". Упущена, разумеется, И. В. Сталиным.

Впрочем, в войну со всех сторон шли предложения об альтернативных стратегических ходах. В 1942 году в Подмосковье закончилось формирование 6-го танкового корпуса. Танкисты переживали, что их держат в резерве Западного фронта, когда воюют под Сталинградом. Неожиданно в корпус приехал Г. К. Жуков. Командир корпуса А. Л. Гетман обратился к нему:

- У наших, наверное, там и танков не осталось. Товарищ командующий, был у нас митинг, весь личный состав просит: отправьте нас в Сталинград.

Жуков коротко объяснил: помощь Сталинграду нужно оказать под Сычевкой, чтобы "немец ни единой танковой дивизии не снял отсюда для переброски в Сталинград". Корпус отправили на речку Вазузу, где в лесах и болотах он выбил немецкие танки, тяжко пострадав и сам. В армейской газете Гетман потом прочел (он цитировал по памяти) стихи Твардовского:

Под Сычевкой Сталинграду
Надо помощь оказать.

"То есть буквально уложенные в стихи слова Г. К. Жукова. Совпадение? писал Гетман. - Может быть. Но когда я встретился с Твардовским - кажется, еще во время войны или тотчас по ее окончании, - я спросил у него об этом. Он засмеялся и сказал, что да, он слышал эту фразу, возвращаясь из танковой, бригады, присел на пенек, чтобы привести в порядок свои записи.. Слышит, неподалеку, за кустами, фразу о помощи Сталинграду под Сычевкой. Голос Георгия Константиновича Жукова. Встал, присмотрелся - он. Фраза запомнилась".

Помощь обошлась очень и очень дорого.

Потери в этой Ржевско-Сычевской операции составили 193 683 человека менее чем за месяц. Все познается в сравнении. Летом 1942 года завершилась героическая оборона Севастополя. За ее восемь месяцев мы потеряли примерно столько, сколько пало под Ржевом в августе 1942 года.

А. Б.: Хорошо, что вы упомянули Твардовского. Книг об этих боях так и не написано, а для сердца моего все сказано в стихотворении Твардовского "Я убит подо Ржевом".

На разных фронтах

В середине дня 27 августа 1942 года поступила команда - заправить, подать машины. Вышел крайне озабоченный Жуков, и мы поехали из Погорелого Городища в Москву. Никуда не заезжая, прямо в Кремль. Как был Георгий Константинович на фронте, так в этом виде отправился к Сталину. Правда, при въезде в город почистил сапоги и обмахнул щеткой китель и брюки. Мы на "уголке" долго ожидали. Глубокой ночью Жуков вышел от Сталина, поехал домой. Переночевал, весь следующий день и ночь в Генштабе, а на рассвете проводили Г. К. Жукова с Центрального аэродрома. Куда, нам не сказали.

Я погнал было, как обычно, "бьюик" на Крымскую в автобат Генштаба. Машина подразболталась на фронтовых дорогах и нуждалась не только в профилактике, но и кой-каком ремонте. В автобазе сказали: вам в другое место! Куда? В ГОН! Г. К. Жуков назначен первым заместителем Верховного Главнокомандующего, и посему место его машинам в Гараже Особого Назначения (ГОН) - в Кремле. Попал, значит, в самое, самое... Матерые чекисты все проверили, если не обнюхали, и с величайшей важностью изволили допустить пребывание наших машин в боксе гаража в Кремле. На чопорных холуев, а есть ли другая работа в этих чекистских подразделениях; я быстро перестал обращать внимание. В ГОНе нашлись отличные люди.

Первый среди них - "Палосич", начальник гаража Павел Иосифович Удалов. Убежденный холостяк, в прошлом водитель Сталина, "Палосич" был человеком широкой души, добрым, отзывчивым. Он смягчал тягостную атмосферу, нагнетавшуюся дармоедами из охраны Кремля, а их было видимо-невидимо. Никак "Палосич" не вписывался в кремлевскую обслугу, и некоторые вожди знали это. В конце жизни И. В. Сталин вдруг подарил Удалову "форд". Ворошилов позавидовал и после смерти Сталина отобрал у "Палосича" сталинский подарок.

С Павлом Иосифовичем, влюбленным в автодело, у меня сложились самые дружеские, равные и ровные отношения, хотя он мне в отцы годился. "Палосич" прозвал меня "жучок" не в отрицательном смысле, а за то, что я постоянно возился с машинами. А что делать? Перебывало их у нас порядком, и все разных марок, в основном изношенные. Их великолепно ремонтировали, точнее, иногда восстанавливали, либо у Лихачева (на заводе имени Сталина), либо в самом ГОНе. Там тогда мойщиками машин были пожилые латыши, трудившиеся со времен гражданской войны. А кремлевским слесарям в ГОНе цены не было, золотые руки.

В нашем боксе в ГОНе хватало места для двух машин - "бьюика", о котором я уже говорил, и появившегося с весны 1943 года "паккарда". Я его разыскал во время пребывания Жукова на Северо-Западном фронте среди машин командующего С. К. Тимошенко. Мне удалось подбить Г. К. Жукова попросить эту машину, в сущности, рухлядь. Маршал отдал ее, я погрузил на платформу, привез в Москву и в ГОН. Машину капитально отремонтировали, и стал "паккард" парадно-выездным автомобилем. Фронтовые машины - "хорьх", ГАЗ-61 и другие по-прежнему мы держали при необходимости на автобазе Генштаба на Крымской.

К концу 1943 года получили из США новые "кадиллак" и "бьюик". Но Жуков привязанности к славно послужившим "бьюику" и "паккарду" не изменил. Георгий Константинович посоветовался со мной, как быть с ними. Я сказал, что "кадиллак" нам не подходит. Автоматическая коробка скоростей на наших дорогах будет бесконечно ломаться, хлопот без конца и края. Отдали "кадиллак" А. М. Василевскому для разъездов по Москве. "Бьюик" оставили, уж очень хорошо зарекомендовала себя эта фирма. Этот "бьюик" стоял в автобате в Генштабе. В ГОНе сейчас есть комната истории гаража. На стенах фото водителей, моего нет. Не удостоился, значит. Что делать, водитель Жукова - белая ворона среди тех, кто возил партийных бонз, как был сам маршал среди вождей.

Н. Я.: А вы не спрашивали, почему нет вашей фотографии?

А. Б.: Зачем? Если нужно, ключи к любому подберут и дадут любое объяснение. За этим у нас дело не станет.

Н. Я.: Ладно, оставим это. Александр Николаевич, вы были с Жуковым под Сталинградом?

А. Б.: Георгий Константинович нас, московских водителей, туда не брал. Это не значит, что мы были без дела. На протяжении почти трех месяцев - с конца августа до второй половины ноября 1942 года - он фактически делил время между Сталинградом и работой в Москве. Каждую неделю, а то раз и два в неделю Жуков прилетал и улетал из Москвы. Маршрут в городе у него был один и тот же Центральный аэродром, Генштаб, Кремль и обратно. Где-то между этими, скажем, пунктами назначения вклинивалась квартира, в которой он отдыхал несколько часов. Очень редко дача. После победы под Москвой правительство подарило ему пожизненно дачу в Сосновке. У меня впечатление, что в основном он отсыпался в полетах в самолете.

Вылетал и прилетал первый заместитель Верховного Главнокомандующего без всякой помпы, провожающих и встречающих. Мы подъезжали прямо на летное поле. Летчики истребителей сопровождения - 4-6 человек в зависимости от числа самолетов - затаптывали окурки и бежали к машинам или уже ждали нас в кабинах. Рев моторов - и истребители парами шли на взлет, кружились над аэродромом. Жуков с офицерами не мешкая поднимался по лесенке в Ли-2, и тут же военно-транспортный самолет взлетал - моторы прогревали заранее. В воздухе происходило построение: Ли-2 окружали сзади, спереди и выше пары истребителей, и кортеж направлялся к югу. Постепенно картина эта начала меняться. Жуков нередко улетал и прилетал без сопровождающих истребителей.

В середине ноября регулярным полетам на юг внезапно пришел конец. Возобновилась нормальная, если можно так говорить во время войны, московская жизнь. Однако ненадолго - привычная команда "подготовить и заправить машины". Серым ноябрьским деньком наш кортеж - "хорьх" и две машины сопровождения поехал по Ленинградскому шоссе. Жуков коротко сказал: "К Пуркаеву"; Бедов мне значительно: "К командующему Калининским фронтом". Предстояло отмахать от Москвы километров 250.

Георгий Константинович сидел молча, я боковым зрением с удивлением заметил, что он как будто улыбается. Своим мыслям. Неожиданно уже поздним вечером он сказал: "Включи!" Я ткнул клавишу радиоприемника на приборной панели. Шла какая-то передача, вслед за ней диктор торжественно объявил: советские

войска под Сталинградом перешли в наступление. Жуков никак не комментировал сообщение. Мы в машине, адъютант, Бедов и я, конечно, не осмелились спросить. В эту поездку Жуков взял еще генерала, командующего авиацией дальнего действия Голованова. Мы ехали как обычно быстро по дороге, покрытой льдом. Вдруг Голованов подал голос: "Потише!" Георгий Константинович, не поворачиваясь: "Не лезь. Он знает, как ехать". Генерал, по-моему, испуганно затих.

В последующие дни передавались все новые сообщения об успехах Красной Армии, окружившей крупную группировку немецко-фашистских войск у Сталинграда и начавшей гнать немцев на Кавказе. Вести о победах с юга воодушевляли и радовали безмерно. Как-то стало легче дышать, тяжелый кошмар, окутавший страну с лета, поблек. Нам, группе обеспечения Г. К. Жукова, времени радоваться почти не оставалось, он задал неслыханный темп работы. Ездил сам, поручал отвезти и привезти тех или иных офицеров и генералов. Пробыв несколько дней "у Пуркаева" - в Москву, из Москвы - "к Коневу", в штаб сопредельного с Калининским Западного фронта. Было ясно, что готовилась новая крупная операция.

В десятых числах декабря раскатисто ударили орудия, начали там, где остановились в августе. Снова Ржев, Сычевка. Снова чудовищный грохот фронта: била наша артиллерия, но и немцы отстреливались очень серьезно. Сколько ни пытались срезать пресловутый "ржевский выступ", буквально навязший в зубах всем на этих фронтах, много сделать не удалось. Калининский фронт все же немного продвинулся, а коневский застрял. Жуков выехал туда из Москвы разбираться. Конева на фронте не любили. И за дело. Помнили прошлогодний разгром Западного фронта. Знали, что он хам, не бережет людей. Окопные командиры знали, что Конев вышел из самой дурной породы комиссаров - бездумный погоняла, не считавшийся ни с чем ради своего возвышения. Еще не доехали до командного пункта фронта, как горькая истина открылась. Навстречу нам шли и шли колонны с ранеными, их везли на грузовиках, редко санитарных машинах, санях. Кто как мог. Тянулись вереницей легкораненые. Опять загубили массу народа в злых боях. Опять все то же утешение - немцы не смогли снять с этого участка войска для переброски на юг. Пусть будет так.

Н. Я.: Так не будет. Время постепенно все расставляет по местам, дает объективную оценку "полководческому дару" И. С. Конева. Елена Ржевская в очерке о Г. К. Жукове в 1986 году так описала свою беседу с ним: "Заговорили об опубликованных мемуарах одного военачальника, и Жуков о них с возмущением:

- Ведь это сухость. И ведь как написано. Совершенно несамокритично. Ни одной ошибки у него нет. Операция осуществляется как по писаному. Ни единой ошибки. А как бы это освежило. Если б взглянуть на это как следует. А какой он тяжелый человек, это я хорошо знаю. И как это он не сказал ни разу о своих ошибках! Его два раза снимали. Он под Вязьмой фронт открыл - настойчиво говорил он. - Шестьсот тысяч попало тогда в плен к немцам. Шестьсот тысяч человек по его вине. И он ни слова об этом. Нигде ни слова. Как будто и не было. Он немцам путь на Москву открыл. Все было оголено. Вы не представляете, что было. Оголено было все, вплоть до Москвы. Его Сталин хотел под военно-полевой суд отдать. Я вступился: "Он еще пригодится. Пусть у меня замом будет".

Жуков, разумеется, говорил о Коневе, который вторично был снят за провал операции под Ржевом зимой 1942/43 года.

А. Б.: Это разборки на высшем уровне, а нам были видны результаты коневского командования на красноармейцах. Горько все это...

Около двадцатых чисел декабря Жуков в строжайшей тайне поездом выехал "к Ватутину", на Юго-Западный фронт. Секрет держится по сей день. Ни в мемуарах Жукова, ни в книгах о той войне нет и упоминания об этой поездке, которая памятна мне хотя бы по той причине, что впервые пришлось погрузить машины в поезд и отправиться с ними к месту назначения - крошечной станции Анна, затерявшейся в южнорусских степях. Машины сгрузили, и на безотказном "хорьхе" мы колесили несколько дней по зимним степным дорогам, где заблудиться ничего не стоило. Несколько раз находили верную дорогу только благодаря сказочной способности Г. К. Жукова ориентироваться.

Вот опять плутаем, не знаю, куда и ехать. Стали. Метет. В салоне позади высказывает свои соображения генерал-майор Л. Ф. Минюк, значившийся у нас под пышным титулом старший генерал-адъютант первого заместителя Верховного Главнокомандующего. Титул, кажется, придумал Жуков. Минюк, видимо, подбодренный тишиной на переднем сиденье, увлекся и пошел объяснять, как нам выбраться на верный путь. Я уже собирался тронуть машину, как Георгий Константинович потребовал карту. Разложил на коленях, я подсвечивал фонариком. Жуков довольно быстро разобрался в паутине степных дорог, отчеркнул нужное место ногтем и сказал, как ехать. Не поворачиваясь, он протянул карту через плечо назад в салон и от чистого сердца сказал:

- На, м...чок, тебя в полковую школу отправить надо.

Генерал Минюк и сидевший с ним Бедов притихли как мыши.

Какая-то мутная была поездка. По опустевшим дорогам, фронт ушел вперед, подолгу разыскивали нужные штабы и части. Снег милосердно покрыл шрамы войны, но не везде. Стояли сильные морозы, и трупы убитых и замерзших красноармейцев и вражеских солдат иногда застывали в жутких позах. Иные даже стояли в сугробах. Я старался в таких случаях не смотреть по сторонам. Скверно все это, война - глубоко бесчеловечное занятие. Однажды вижу - мы едем навстречу черной массе, идет колонна. Через снежную пелену стараюсь разглядеть, кто, и похолодел - шинели и головные уборы не наши. Деваться некуда, подъехали. Оказалось, по дороге, как стадо, двигалась громадная толпа пленных итальянцев. Сыны солнечной Италии явились убивать нас и угодили в зиму.

Именно в этом районе только что была наголову разбита итальянская армия, которую прислал Муссолини. Вид у итальянцев был самый жалкий, они понуро брели между сугробами, ограничивавшими по обочинам дорогу.

Бедов тут же завертелся, забеспокоился, запричитал, где конвой? Георгий Константинович не проронил ни слова и безучастно смотрел вперед. Неожиданно он сказал - стой! - и вышел из машины. В хвосте колонны десяток пленных, взявшись за оглобли, тащили сани, в них и сидел конвоир. Раненый красноармеец с ППШ на коленях. Из-под бинта видны были только глаза и часть лица. Узнав по папахе генерала, он неловко отдал честь и попытался слезть с саней. Жуков жестом остановил его и подчеркнуто четко отдал приветствие. "Вот и конвой", - сказал Жуков, ни к кому особенно не обращаясь. Несколько минут мы постояли на дороге, пока стадо итальянцев под присмотром раненого конвоира не скрылось в снежной мгле.

Предельно усталые, мы возвращались в поезд, так и простоявший на станции Анна. В вагоне посапывал самовар. Отогревались, гоняя чай до седьмого пота. Приятное занятие прервало приглашение в салон-вагон. За столом Георгий Константинович и Лида Захарова. "Вот что, Александр Николаевич! - серьезно сказал он. - Вы, говорят, поете. Спой!"

В эту поездку Бедов по просьбе Жукова нашел разбитного паренька учить генерала армии играть на баяне, Я немного пел, подражая Лещенко. Напел, кажется, "У самовара я и моя Маша". Жуков одобрил: "Хорошо поешь!" Лида похлопала в маленькие ладошки, и с тем был отпущен отдыхать.

На станции Анна единственный раз за всю войну Георгий Константинович распорядился делить "трофеи". При разгроме итальянской армии где-то на складе захватили бочку рома и привезли к нашему поезду. Жуков приказал разлить ром по

бутылкам и раздать всем в поезде. Думаю, что к необычному поступку его подтолкнули обстоятельства - стояли жуткие морозы, и мы до костей промерзали в зимней степи. Дар Жукова с благодарностью приняли, я придержал свою бутылку и отвез ее родным в Москву. Подарок с фронта!

Н. Я.: Я никогда не встречал в литературе упоминаний о поездке Г. К. Жукова в район Среднего Дона в конце 1942 года. Рассказанное вами объясняет потрясающие успехи наших войск в те дни - разгром 8-й итальянской армии, легендарный марш 24-го танкового корпуса В. М. Боданова в глубокий тыл врага. Все это привело к коренному изменению положения на сталинградском направлении. Манштейн был вынужден отказаться от попытки деблокировать окруженную группировку Паулюса. Ясно виден размашистый почерк Жукова. Блеск и величие этих операций украсили отечественную военную историю. Вот и получилось, что я, биограф Г. К. Жукова, увы, не узнал льва по когтям.

Разумеется, в войну каждая поездка Жукова на фронт сохранялась в глубокой тайне. Но почему покров тайны не был снят с этой? Ненавистники и завистники маршала, а их было много, конечно, не были заинтересованы в том, чтобы предавать огласке прославляющее полководца, - а Жуков? Он, наверное, питал слабость к Н. Ф. Ватутину, командовавшему Юго-Западным фронтом. "Генералу наступления", как щедро назвал его как-то Жуков в беседе с И. В. Сталиным. Ватутин был сослуживцем Георгия Константиновича по Киевскому Особому военному округу перед войной, работал при нем в Генштабе. Он трагически погиб. Видимо, Жуков считал безнравственным делить славу с товарищем, павшим в бою.

А. Б.: Скорее всего так и было. Георгий Константинович был на редкость скромным человеком во всем, что касалось его лично. И никогда не гонялся за славой. Он работал.

Только-только вернулись в Москву, как сразу после Нового года погрузили и закрепили машины на платформы, прицепленные к спецпоезду, - несколько штабных вагонов перед паровозом и в хвосте платформы, ощетинившиеся зенитными орудиями. Этого не было в поездке на юг. Тронулись в ночь. Пошли к северу. Сначала гадали, куда, скоро перестали - узнали: едем на Волховский фронт. В войсках он тогда пользовался дурной славой. Леса, болота, бездорожье. Глухие слухи о больших потерях и шепотком разговоры о власовцах, там летом сдался в плен немцам презренный предатель генерал Власов. Я-то помнил, как во время битвы за Москву Г. К. Жуков ездил к этому Власову под Солнечногорск. Он командовал 20-й армией, одной из победоносных армий декабрьского наступления под Москвой.

Это, конечно, принадлежало прошлому, но не могло не окрашивать в мрачные тона все связанное с Волховским фронтом.

Настроение не улучшилось, когда мы поняли, что Жуков приехал на командный пункт Волховского фронта для координации его действий с Ленинградским фронтом при прорыве блокады города. В армии помнили о неудачных попытках прорвать блокаду и понесенных при этом громадных потерях.

Никому не известное до войны название - станция Мга - было буквально символом кровавых, безрезультатных боев, обернувшихся гибелью тысяч и тысяч. Как обычно, Георгий Константинович с ходу включился в работу. Пришлось немало поездить.

Довелось испытать и Дорогу жизни, проложенную по льду Ладожского озера. Ад кромешный, а не дорога. Ничего подобного в жизни я не видел. Пусть вдоль нее в снежных капонирах стояли зенитные орудия, попадались палатки, где на худой конец можно было обогреться и оказать первую помощь. Пусть вехами обозначали действующую на данный час колею, а регулировщики в тулупах до пят указывали путь в затруднительных случаях. Упорядоченный ритм работы впечатлял. Но все равно нужно было смотреть в оба - немцы обстреливали и бомбили дорогу. Полыньи попадались на каждом шагу, через иные были переброшены хрупкие мостики из досок, "ходивших" под колесами. Я буквально взмок, пока вез Жукова в Ленинград при дневном свете. Приходилось лавировать между флажками, отмечавшими ямы, оставленные взрывами бомб и снарядов.

Обратный путь уже ночью описать невозможно. К тому же, пользуясь ночным мраком, немецкие самолеты бомбили и обстреливали дорогу, предварительно развесив "люстры" - осветительные бомбы. Зенитчики мигом гасили их, к каждой вспыхнувшей "люстре" тут же тянулись разноцветные трассы снарядов и пуль. Бешеный огонь над головой, и под машиной "дышал" и прогибался лед.

Мои две поездки - в Ленинград и обратно - запомнились в мельчайших деталях, которые не померкли с годами. А ребята, работавшие на Ледовой дороге и делавшие по нескольку рейсов в день? Ехали через Ладогу днем и ночью! Сколько их с машинами ушло под лед, в ледяную могилу. Их смертями Дорога жизни оплачена.

С 12 января 1943 года с первыми ударами тысяч орудий Г. К. Жуков отправился в войска и был там все семь дней, которые взял прорыв блокады. Мы проехали в Ленинград по пробитому коридору. Немцы продолжали огрызаться. Под вечер возвращались в штаб. Лес, перелесочек, выскочили на открытый

участок дороги. Немцы, кажется, с Синявинских высот просматривали местность и "щупали" снарядами дорогу. Разрыв, еще разрыв, а позади нас ехал в своей машине Ворошилов. Один снаряд аккуратно лег между нашими машинами: чуть левее бы - и в нас, чуть правее - в автомобиль Ворошилова. Повезло, что говорить.

Бедов порядком перетрусил, а вечером оседлал любимого конька, завелся на тему о происках разведки, агентуры и прочем. Припомнил, что, когда в сентябре 1941 года летел в самолете Жукова в Ленинград, они едва-едва не стали жертвами "мессершмиттов". Последовал обычный вывод - враг не дремлет, агентура работает и т. д. Наверное, он повторял эту историю при Жукове, ибо в его мемуарах я прочитал: "Над (Ладожским) озером шли бреющим полетом, преследуемые двумя "мессершмиттами". Через некоторое время благополучно приземлились на городском комендантском аэродроме. Почему наше прикрытие не отогнало самолеты противника, разбираться было некогда: торопились в Смольный - в штаб фронта". Славный чекист обладал богатейшей фантазией.

Н. Я.: Вы абсолютно правы. Мне попались мемуары Героя Советского Союза генерал-майора авиации Г. Н. Захарова. Безусловно, незаурядный человек - в его дивизию был включен знаменитый полк "Нормандия - Неман". Наверное, судя по книге, очень самостоятельный человек и посему при громадных боевых заслугах не поднялся выше генерал-майора. В своей книге "Я - истребитель" (1985) Г. Н. Захаров заметил, что, перечитывая мемуары Г. К. Жукова, он "невольно обратил внимание на одну незначительную на общем фоне деталь"- рассказ о перелете в Ленинград. "Я сразу обратил на это внимание потому, - продолжает Захаров, что, посвятив свою жизнь истребительной авиации, прекрасно знаю, какую легкую и заманчивую цель представляет для истребителя военно-транспортный самолет Ли-2. Именно на таком самолете летел Жуков. Одной пулеметно-пушечной очереди "мессершмитта" было бы достаточно, чтобы прервать полет тихоходного Ли-2. Для этого стоило только подойти на дистанцию метров 400-500. А уж если этого не произошло, то только потому, что истребители сопровождения прекрасно выполнили свою задачу.

Вместе с тем реакция Георгия Константиновича Жукова вполне понятна: у человека, через иллюминатор наблюдающего воздушный бой, протекающий на дистанции километр-полтора от самолета, в котором он находится, должно сложиться впечатление, что ему угрожает непосредственная опасность. С подобной реакцией мне не раз приходилось сталкиваться...

Расстояния в воздухе обманчивы". Откуда генералу Захарову еще знать, что рядом с Георгием Константиновичем был Бедов, толковавший все на свой манер. Г. К. Жуков, как ни говори, человек того времени.

На деле случилось вот что. Летчикам 160-го истребительного авиаполка приказали обеспечить перелет в Ленинград военно-транспортного самолета. "По тому, как ставилась задача, и по тому, что на сопровождение одного транспортного самолета выделялась целая эскадрилья (по тем временам, когда каждый самолет был на счету, - дело неслыханное!), летчики поняли, что это задача необычайной важности. Закончив официальный инструктаж, начальник штаба полка добавил:

"Если с самолетом что-нибудь случится, в полк можете не возвращаться..." Летчики молча переглянулись", - заканчивает Захаров. Вскоре на аэродроме полка приземлился Ли-2, который предстояло сопровождать - лететь в опасной зоне около часа. Из самолета размять ноги вышел Жуков с группой генералов.

Взлетели и пошли к Ленинграду военно-транспортный Жукова в сопровождении трех звеньев ЛаГГ-3. В пути на самолет последовательно выходили три группы "мессершмиттов" по четыре самолета. Наши истребители связывали их боем, не дав возможности приблизиться на расстояние удара. Два "мессершмитта" удалось сбить, жуковский Ли-2 благополучно приземлился.

Помимо бедовских фантазий, продиктованных патологической "бдительностью", в любых мемуарах, а книга Г. К. Жукова не исключение, возможны фактические погрешности. Даже в последнем, десятом (1990) издании английский историк Дж. Фуллер именуется американским. Я, переводчик книги Фуллера на русский язык, не устаю изумляться, где редактор?

А. Б.: Я тоже. Мы подходим к Курской битве. В книге Г. К. Жукова сказано о том, как он попал на этот фронт:

"В семь часов утра был на Центральном аэродроме и вылетел в штаб Воронежского фронта. Как только сел в самолет, сейчас же крепко заснул и проснулся лишь от толчка при посадке на аэродроме". На деле Жуков выехал в спецпоезде, читайте об этом хотя бы в воспоминаниях его генерал-адъютанта Л. Ф. Минюка. Я забежал вперед, вернусь к Ленинграду.

После прорыва блокады Георгий Константинович приказал провезти его по Ленинграду. Мы часа два колесили по улицам города-героя. Г. К. Жуков дивился порядку и чистоте, царившим в Ленинграде. Как добивались этого, не знаю, но было относительно мало шрамов войны на прекрасных улицах фронтового города. Одержав очередную победу, Жуков не

задержался в Ленинграде. Он вернулся, и мы вместе с ним - поездом в Москву. В новых погонах - 18 января 1943 года Г. К. Жукову было присвоено высшее воинское звание - Маршал Советского Союза.

С конца января до середины марта 1943 года Жуков провел с редкими наездами в Москву в самых что ни есть русских землях, там, где дрались Калининский и Северо-Западный фронты. Нам пришлось хлебнуть горя на дорогах досыта. Мне кажется, по сей день, по крайней мере в доступной широкому читателю литературе, не отдают себе отчета, что сделал Жуков в эти шесть-семь недель. Сначала с моей шоферской точки зрения. Преодолевали чудовищные трудности: на Калининском фронте мы, например, как-то ехали 50 километров 8 часов, а под Великими Луками сдал даже наш надежный "хорьх", так увязший в грязи, что Жуков предпочел вспрыгнуть на броню Т-34 и ехать так дальше. Жуков побывал, и не раз, в штабах и на командных пунктах основных соединений и даже дивизий, на важнейших участках. Как он выдержал это, уму непостижимо. И ведь это не главное. Он добирался до войск, чтобы работать! Я смертельно уставал и буквально проваливался в сон, не выходя из машины, а маршал работал!! Да и был старше меня на двадцать лет!!!

Внимание советского народа было приковано тогда к южному крылу советско-германского фронта, и по понятным причинам: наступление, начавшееся под Сталинградом, на Кавказе, как могучее половодье, сметало немецкую нечисть с нашей земли. Надежды перешли в уверенность - Красная Армия вот-вот форсирует Днепр. А Жуков именно тогда гениальными маневрами возвращал Родине наши самые родные области. Гениальными потому, что в ходе относительно спокойных операций над немцами нависала угроза отхода, и они бежали без оглядки. Они очистили ржевско-вяземский выступ, за который было пролито столько нашей крови в 1942 году. Фронт отодвинулся от Москвы еще на 130- 160 километров. Бежали позорно, бросая вооружение и снаряжение. Я провез Георгия Константиновича по некоторым из дорог немецкого отступления. Мы видели позиции, которые враг бросил, в районе демьянского выступа. Немцы крепили их 17 месяцев!

Время от времени к нам являлись визитеры из Москвы. Приехал высокий, толстый, в нелепой папахе Н. Н. Воронов, только что получивший звание маршала артиллерии под Сталинградом. В армии помнили крылатое сталинское изречение "Артиллерия - бог войны", и Жуков, наверное по этой причине, отнесся внимательно к небожителю. Он взял его в поездку в район Демьянска, в самые что ни есть гиблые места. Дорога была

гнусная - глубокая колея, сырой снег. Подъехали к какой-то речке, их там великое множество. Речка в низине, за мостом подъем, на котором застряла полуторка. Мы стали. Жуков: "Александр Николаевич, помогите!" Я согнал с сиденья молодого парнишку, водителя, осадил машину назад до моста и резким рывком взял подъем. Донельзя счастливый парень не знал, как благодарить, Жуков проворчал что-то одобрительное.

Поехали дальше и скоро напоролись на какую-то железку, пробившую картер "хорьха". Масло вытекло. Жуков проворно пересел в вездеход, туда же кое-как протиснулся небожитель в толстой бекеше, и они уехали. Мне пришлось на буксире проделать долгий путь в Москву, где сдал заслуженный "хорьх" в ремонт в гараже Генштаба, и не мешкая вернулся на фронт. Поспел к концу операции, которой Жуков занимался несколько месяцев.

С незначительными потерями 3-я ударная армия генерала К. И. Галицкого умно освободила Великие Луки. Георгий Константинович очень радовался успеху, ведь он лично опекал армию Галицкого с ноября 1942 года. Признаюсь; я с замиранием сердца следил, как Жуков молодой походкой направлялся в самое пекло на передовую наших войск, сражавшихся за Великие Луки. Хотя я не могу утверждать категорически, мне казалось, что маршалу как-то близка была эта неказистая, бедная и суровая земля. Корень Великой Руси.

С марта Георгий Константинович работал в штабе и войсках Северо-Западного фронта, которым командовал маршал С. К. Тимошенко. Готовили операцию "Полярная звезда". В тот радостно начавшийся год и весна одержала победу - оттепель рано пришла в эти места. Болотистая местность стала непроходимой, а немцы укрылись за широко разлившейся рекой Ловать. Боевые действия как-то затихли и, наконец, угасли. Продвижение остановилось. Пришли дурные вести и с юга, немцы потеснили наши войска, отбили занятый было Харьков. Это нанесло тяжкий удар по надеждам увидеть Красную Армию в самом ближайшем будущем на Правобережной Украине. Война опять повернула к нам свое угрюмое лицо.

14 марта Жуков был на командном пункте Северо-Западного фронта. Часов после двенадцати как обухом по голове команда - немедленно едем в Москву. Прибыть туда в тот же день. Задача! Я заправил, проверил смазку и на скорую руку привел в порядок салон дорогого ГАЗ-61. Только этот малокомфортабельный отечественный вездеход мог в назначенный маршалом срок добраться до Москвы.

Поехали так, что даже спустя десятилетия Г. К. Жуков

написал в мемуарах: "Страшно устал за дорогу, так как пришлось ехать на вездеходе по сильно разбитым дорогам". Чтобы добраться до Кремля - в тот раз Г. К. Жуков прямо с фронта прибыл к И. В. Сталину, - намотали около 400 километров. ГАЗ-61 выдержал, выдержали и мы. С трудом. Любой знакомый с автоделом поймет - у этой машины тормоза были механические. По приезде у меня безумно болели ноги. И холод. Салон не отапливался, я удружил Георгию Константиновичу, отдав ему мои валенки с калошами. Обул маршала по погоде! А серьезно говоря, в то время Георгий Константинович щеголял в довоенной шинели, подбитой рыбьим пухом. Невольно напрашивалось сравнение с маршалом артиллерии Вороновым: у того, помимо подкожного жира, бекеша на беличьем меху. А нашему маршалу не до удобств. Он воевал.

По приезде в Москву, именно "приезде", Георгий Константинович, как я заметил, терпеть не мог пышных слов вроде "прибыл", "отбыл", обычные дела в Генштабе. Что до меня, то в считанные часы надо было галопом провести профилактику машин в ГОНе и автобате Генштаба. Там были даны такие команды, что исполнялись бегом. К вечеру следующего дня Жуков вышел, сел в машину. Коротко сказал: "На фронт!" Я было подготовился к новым испытаниям - март есть март в средней полосе России, а фронтовые дороги есть фронтовые дороги. Правда, обрадовал добротно отремонтированный "хорьх". Но велели ехать на правительственную железнодорожную базу, расположенную в паутине путей за Ленинградским вокзалом. На Каланчевке. Там стояли поезда Сталина, Молотова и некоторых других членов Политбюро. Я уже знал дорогу туда, но впервые нас ждал не обычный, наскоро собранный состав, а спецпоезд, камуфлированный по сезону.

Жуков прошел в салон-вагон, наши две машины в считанные минуты загнали в вагон-гараж. И тут же тронулись. Я, понятно, вздохнул с облегчением. Пришло время осмотреться. Спецпоезд как небо от земли отличался от того, на котором Жуков только что выезжал под Ленинград. Спецпоезд был сформирован так, чтобы служить подвижной штаб-квартирой заместителя Верховного Главнокомандующего. Салон-вагон маршала (много спустя я выяснил, что он был бронированный), вагоны охраны, связи и наш, водительский вагон - гараж на две машины. Спереди и сзади состава из пяти вагонов бронеплощадки с зенитками. На каждой по 37-мм орудию и счетверенной пулеметной установке. Все в спедпоезде продумано, созданы условия как для работы, так и для защиты состава в крайнем случае. Народ, напрягавший все силы в той войне, сделал маршалу нужный и достойный подарок.

Кажется, без единой остановки спецпоезд беспрепятственно проскакивал там, где станции были забиты составами. "Для него не зажигался запретный красный свет даже перед крупными станциями городов - все зеленый и зеленый. Мы чем-то напоминали пожарных, спешащих отвратить случившуюся беду. И это было именно так", - хорошо написал о той поездке находившийся в поезде Л. Ф. Минюк. Наконец прибыли к месту назначения - Курск. Спецпоезд загнали на запасной путь, замаскировали у разрушенных построек под старыми деревьями. Машины стремительно выгрузили, и Жуков тронулся по дороге на Белгород.

По пути ожидавший нас заметно нервничавший офицер вручил Жукову карту с нанесенной обстановкой, то есть с указанием линии фронта на последний час. Это было жизненно важно, мы ехали навстречу танковому корпусу СС, развивавшему наступление на Обоянь, последний заметный населенный пункт на шоссе перед Курском. Хотя раскисшая дорога была опасна, даже массивный "хорьх" заносило и иногда разворачивало, Жуков торопил. Мы летели вперед, стекла покрыли ошметья грязи. Останавливаться и протирать не имело смысла, через несколько секунд они вновь становились серыми. "Дворники" работали исправно, и в очищенном ими ограниченном поле обзора ожила полузабытая картина ближнего тыла отступающей армии. Жуков с окаменевшим лицом смотрел на мчавшиеся навстречу грузовики, набитые солдатами, ездовых, беспощадно нахлестывавших лошадей, и тянувшиеся по обочинам группы солдат в грязи с головы до ног. Правда, почти все с оружием. Георгий Константинович бросил по поводу этого одобрительную реплику. И замолчал, следя за маршрутом по карте.

Нас не остановили даже попадавшиеся время от времени немецкие самолеты, обстреливавшие дорогу. Конец путешествию пришел внезапно - раздались гулкие выстрелы танковых пушек. Просвистели болванки. Задний ход, разворот - и назад, в Обоянь. Несколько снарядов подняли фонтаны грязи. Немецких танков мы так и не увидели, но они были близко - на расстоянии прямого выстрела. Если бы мы ехали по-прежнему, то через минуту-другую вкатились бы в боевые порядки авангарда танкового корпуса СС. Потом выяснилось, что на карте, врученной маршалу, был неверно нанесен передний край, указан рубеж, с которого наши войска уже отступили.

В деревне под Обоянью Жуков прошел в здание, где находился штаб Воронежского фронта. Мы, оставшиеся на улице, стали свидетелями того, как готовились драпать штабные. Для меня, проведшего более полутора лет рядом с Жуковым, картина

совершенно нереальная. Офицеры-штабисты поспешно кидали на машины какие-то ящики, связисты сматывали провода. Крики, шум, ругань. Мы, жуковские водители и охрана, дивились паникерам. Я уже узнал, что в штабе собрались звезды первой величины - командующий Воронежским фронтом Голиков, член Военного совета Хрущев и группа генералов. Это они допустили отход победоносных армий перед эсэсовским отребьем. Узнал я, что с незадачливыми вояками и А. М. Василевский, только что получивший звание Маршала Советского Союза.

Мы, стоявшие кружком у машин, конечно, и понятия не имели, о чем говорили за закрытыми дверями штаба. Но отлично знали, если Георгий Константинович здесь, врагу не поздоровится. Каюсь, я время от времени грубо отгонял любопытных, пытавшихся разузнать что-нибудь у нас.

Ответ дала ночь на 18 марта. По центральной улице Обояни - шоссе Курск Белгород проскочили танки, артиллерия на механической тяге, машины с пехотой передовой отряд наших войск, пришедших на подмогу Воронежскому фронту. После небольшой паузы повалила царица полей матушка пехота. Красноармейцы шли, не придерживаясь строя, гордо, весело, с шутками, прибаутками и песнями. Шли русские чудо-богатыри, шла прославленная 21-армия генерала И. М. Чистякова, переброшенная из-под Сталинграда. Она уже с неделю как выгрузилась в районе Ельца и теперь выдвигалась на рубеж севернее Белгорода.

Сталинградцы сразу крепко дали по зубам эсэсовскому воинству. Жуков и не помышлял сидеть в штабе, хотя с его появлением в доме, около которого мы наблюдали панику, воцарился воинский порядок. Смотанные линии проводной связи размотали, больше не приезжали посланцы из частей на взмыленных лошадях. Обанкротившийся Голиков был смещен и убыл, вместо него приехал новый командующий, спокойный, вежливый Н. Ф. Ватутин. Мужичок с ноготок, но, говорили о нем, очень рассудительный. Изгнать другого виновника поражения, члена Военного совета Хрущева, было выше сил маршала. Этот партийный бонза с порядочным брюхом вертелся в штабе и около него, иногда "общался с72\ солдатами", приставал к ним с пустыми разговорами обычно после обильной еды, обдавая тощих собеседников винными парами. Мы, жуковцы, внимания на него не обращали.

Как только немцам дали как следует и остановили севернее Белгорода, Жуков поторопился осмотреть все собственными глазами, проконтролировать сделанное. Маршал, как мы узнали за войну, руководствовался золотым правилом "доверяй, но

проверяй". Подъехали почти к передовой. Открылась впечатляющая картина. На шоссе и по обе стороны от него догорали немецкие танки. Случившееся было понятным - эсэсовские танки, двигавшиеся по шоссе, напоролись на нашу засаду. Артиллеристы подбили несколько танков, которые перегородили дорогу. Другие сунулись было, съехав на поле, развить атаку. Но, попав в вязкий чернозем, напоенный талой водой, ползли как черепахи, и их неторопливо, на выбор, расстреляли. Уйти от огня они не могли, немецкие танки обладали скверной проходимостью - не чета нашим славным Т-34. Набили этой дряни порядочно, сумевших выбраться из стальных гробов наши бойцы взяли в плен и подогнали к маршалу.

Грязные, в обгоревших разорванных комбинезонах, они с ужасом смотрели на сурового маршала, видимо, угадав в нем старшего. Чистяков доложил, что захваченные танкисты принадлежат к дивизии СС "Мертвая голова", намеревавшейся взять Обоянь и развивать наступление на Курск. Жуков брезгливо осмотрел пленных, задрожавших под его, нужно признать, тяжелым взглядом и заголосивших на разные лады "Гитлер капут!". Маршал с отвращением отвернулся от человеческой дряни и распорядился: двоих отпустить - пусть расскажут своим, "каковы русские", остальных - на пункт сбора. "Очухаются от дурмана, - сказал он, - сгодятся отстроить ими же разрушенное". Сержант отогнал двоих на дорогу и велел идти, показав рукой направление. Те поплелись, пугливо оглядываясь, видимо, ожидая пулю в спину. Остальных, здоровых таких амбалов, погнали в тыл. Не знаю, что они у нас понастроили, бандиты с откормленными зверскими рожами. Наверное, прокантовались в плену, используя наше русское добродушие и незлобивость.

Три дня Жуков мотался между передовым краем и штабом фронта, разместившимся в деревне Стрелецкой. Наша оборона уплотнялась с каждым часом подтягивалась вся 21-я армия. Дороги у Обояни капитально испортились сосредоточивалась танковая армия. Нового командующего фронтом Ватутина Жуков провез по штабам становившихся в оборону соединений, привозил и на передний край. Комичное зрелище: невысокий Жуков решительно шагал, показывая рукой в ту или другую сторону, а рядом и чуть позади семенил крошечный Ватутин.

Роскошного маршала А. М. Василевского 22 марта отправили восвояси. Жуков оказывал ему всяческое внимание и велел отвезти полководца на полевой аэродром на нашем "хорьхе". Их село в машину трое - маршал, адъютант и "прикрепленный" полковник, читай - начальник охраны. Маршал был светел,

благодушен и разговорчив. Василевский славился обходительностью, вежливостью, всегда за руку здоровался и обращался на "вы". В этот раз, судя по запаху спиртного, Василевский только что встал из-за стола. Сытость, известно, располагает к благости.

Уже смеркалось, но было достаточно светло, и не стоило труда различить наш "хорьх", окрашенный белой краской на фоне черного весеннего шоссе. Навстречу шли бесконечные колонны танков. За ревом их двигателей мы не услышали немецкий самолет, который атаковал "хорьх". Только когда немец стеганул трассирующими очередь прошла над нашими головами, - опасность стала очевидной. Места для маневра нет: слева танки, справа кювет. Я на тормоза и на миг из машины осмотреться: где немецкий самолет. И, как мы делали с Георгием Константиновичем, увертываться от огня, меняя скорость, но не прекращая движения. Мои пассажиры оказались проворнее - они зайцами сиганули из машины, бегом в поле и плюхнулись в грязь с мокрым снегом. Укрылись! "Прикрепленный" успел крикнуть: "Бучин! Убирай машину, сейчас фриц пойдет по новой!" А куда убирать? Понятно, дело табак - охота пойдет за "хорьхом", танкам с их броней плевать на паршивый немецкий самолет. Фриц больше не появился.

Вернулись пассажиры, мокрые, перепачканные. Поехали дальше. Стемнело. Танкисты шли навстречу с полным светом, и я включил фары. Протрезвевший маршал попросил: "Товарищ Бучин, пожалуйста, нельзя ли без света". Нужно слушать, все-таки маршал. А то, что, ослепленные светом очередного танка, мы можем заехать ему под гусеницы на мокрой и скользкой дороге с глубокой колеей, полководцу было невдомек. Раздавит и не заметит. Я-то представлял, что рычаги управления находятся в слабых ручонках усталых худеньких мальчиков в шлемах, сползающих на нос. Пришлось выключать и включать фары не только, чтобы осветить колею, но и чтобы обозначить себя танкистам. Танков прошло очень много.

Жуков между делом сказал мне, что Василевский благодарен "товарищу Бучину". Он-де спас его жизнь. Спас так спас. Я не перечил, начальству виднее. Но все же было приятно, два Маршала Советского Союза отметили достижение младшего лейтенанта. Там, под Курском, я был возведен в этот высокий офицерский чин.

Для меня офицерские погоны, тем более в системе НКГБ, где я числился, много не значили. Как всегда, стеснялся носить фуражку с синим верхом. Иное дело Жуков. Надо было так случиться, что вскоре после получения звания младшего

лейтенанта в пути на очередное штабное совещание у нашей машины спустил баллон. На тех дорогах дивиться нужно было не этому, а тому, что не пропарывали покрышки каждый день - куда ни глянь, валялась железная дрянь. От кусков колючей проволоки до острых осколков снарядов и мин. Случившееся - дело пустое, а чувствую - Георгий Константинович злится. Я быстро сменил колесо, и покатили дальше:

Как на грех, мотор стал плохо тянуть. Жуков ощутил это, метнул в меня грозный взгляд и сказал: "Ну что? Погоны надел, а за машиной смотреть перестал!" Сказать в ответ, конечно, нечего, но все же обиделся - ну чего орать-то, машина есть машина, всякое может случиться. Кое-как доехали. но минут на пять опоздали. Пока Жуков совещался, ребята прикатили новый запасной баллон. Я снял карбюратор, разобрал. Нашел причину - засорился жиклер. Продул, собрал, поставил, проверил - работает как часы. Поехали назад. Маршал заметил, что все в порядке. Спросил: "Сделал?" Я по-уставному гаркнул: "Так точно, сделал!" Жуков внимательно посмотрел на меня и про тот случай больше не вспоминал. Кой-какие последствия все же обнаружились. Помню, не очень я обрадовался, когда 21 августа 1943 года Жуков наградил, вручил мне медаль "За отвагу". Я рассчитывал хотя бы на орден Великой Отечественной.

Трудности с начала до конца войны, да и в другие времена вносили чекисты, их устрашающие (правда, для слабонервных) особые отделы. Мы, водители крупных военачальников, всегда были "под колпаком", все о вас вынюхивали, выпытывали. Как раз летом 1943 года под Курском прискорбно оборвалась работа у Рокоссовского его шофера Сережи Мозжухина, возившего генерала с первых дней войны. Сестра Сережи добровольно пошла в разведку, была заброшена во вражеский тыл с рацией. Немцы ее схватили. Она как-то сумела вырваться из их лап, перебралась через фронт и явилась к своему начальству. Вместо награды и поощрения ее немедленно арестовали и осудили как "немецкую шпионку", а Сережу убрали от Рокоссовского. Сережа мне поведал, что Константин Константинович сказал ему: "Нам приходится расстаться, товарищ Мозжухин. Против Особого отдела я пойти не могу". Мы знали, что Рокоссовский просидел в канун войны в тюрьме НКГБ более двух лет.

Свои грязные дела чекисты обычно маскировали высшими "государственными интересами". Примерно в то время и вокруг моего скромного места за рулем закрутилась интрига. Бедов, прослышавший ли о Сереже, припомнивший "разнос" Жуковым за ту мелкую неполадку, сделал оперативно-чекистские выводы. Очередной выезд: Жуков решил съездить на могилу только что

погибшего крупного генерала Апанасенко. Он явился на стажировку с Дальнего Востока и был убит при штурмовке немецким самолетом дороги. Бедов, злорадно ухмыляясь, сказал: "Тебе, Саша, отныне водить эту машину". Усадили меня за руль "Додж 3/4", машины сопровождения. На "виллисе" впереди Георгия Константиновича повез водитель родственник Семочкина, одного из адъютантов маршала, который лебезил перед Бедовым, а чекист благосклонно принимал его знаки внимания. В поездке я ничего не заметил, да и трудно было что-либо увидеть - ехали в шлейфе пыли от колес жуковского "виллиса".

Вечером Жуков вызвал меня в вагон. Отведя глаза, буркнул: "Завтра садись на свое место. Я его в Москву отправил", - и отпустил. Стороной от ребят узнал: Колотов так повел машину, что при резком торможении маршал ткнулся со всей силой лицом в ветровое стекло. На "виллисе" оно в стальной раме, мог вполне зубы выбить, к счастью, только губам досталось. То-то я заприметил, что рот у Георгия Константиновича припух. "Смотри, какой смелый, - подумал я, пошел против Особого отдела".

Каюсь, за мной не заржавело. При первом же удобном случае я преподал им всем урок, как водят машину. Поехали после сильного дождя. Везу Георгия Константиновича на "паккарде" (открытом, фронтовом). На всякий случай надел цепи. Охрана на "виллисе". Рванул раз, другой. Смотрю в зеркало заднего вида: конечно, перевернулись - "виллис" коротковат, а мотор очень приемистый. Немного побились, но все уцелели. Конечно, я не хотел, чтобы с ними случилось что-либо серьезное. Так, поучил. После этого случая Георгий Константинович при особо рискованной езде стал приговаривать: "Укороти, а то как бы с ними чего не приключилось". Иногда вертел головой, озабоченно оглядывался назад. Большье никто на мое место за рулем жуковской машины не посягал.

Больше того, Жуков с лета 1943 года практически со мной не расставался как с водителем. Отныне при частых полетах в Москву он всегда брал меня с собой. Георгий Константинович обычно в сопровождении тех или иных генералов и офицеров устраивался на передних местах в самолете, мы, охрана и я, в хвосте. К прилету на Центральный аэродром, в Москве водитель из ГОНа красноносый "дядя Саша" (Турчанинов, хорошо закладывавший за воротник, как и Хрущев, которого он возил) подавал тот самый парадно-выездной "паккард". Я садился за руль и обслуживал Жукова все время пребывания в Москве. По маршрутам, которые я, наверное, мог проехать и с закрытыми глазами, - Кремль, Генштаб, квартира, дача в Сосновке. Туда и

обратно. При отлете я привозил маршала на аэродром и забирался в жуковский самолет. "Паккард" "дядя Саша" отгонял в ГОН. Так продолжалось вплоть до Победы и первое время после нее.

Трагическое и комическое на войне рядом соседствуют. Георгий Константинович двигал миллионные армии, по его велению взлетали тучи самолетов, шли в бой тысячи танков. Ко времени Курской битвы нам, занимавшим самый удобный и высокий, если угодно, наблюдательный пункт, было видно, что Красная Армия превратилась в безупречный боевой механизм. Нагло лгут те, кто утверждает, что в войну страна-де бездумно расточала жизни своих сыновей. Да, в 1941-1942 годах много раз мне доводилось видеть напрасно погибших бойцов и командиров. После Сталинграда - никогда. Во всяком случае, в поле нашего зрения, там, где был Г. К. Жуков.

Н. Я.: Простите, а что вы имеете в виду под "комическим"?

А. Б.: Георгий Константинович в личных отношениях, допустим со мной, всего-навсего водителем, был таков, как будто он повелевал армией. Он просто не понимал, что человек не часовой механизм, сбои в работе автомобильного мотора скорее правило, а не исключение. Если же он имел дело с офицером, то тогда ожидал от него чудес. Офицерские погоны в глазах маршала отделяли их обладателя от остальных, простых смертных. Нет ни малейшего сомнения в том, что высокая требовательность во всем и ко всем, включая самого себя, секрет успеха Жуковского руководства. Но, ей-Богу, было смешно, когда он со свирепым видом распекал кого-нибудь за пустяк, виновный должен был чувствовать себя по крайней мере отъявленным государственным преступником. Это было смешно, грубо говоря, Георгий Константинович был готов стрелять из пушки по воробьям. И забывал при этом, что орлы (каким, конечно, он был) не питаются мухами. Все это мелочи по сравнению с делом, которое он творил.

С конца марта до начала июля Г. К. Жуков почти все время провел в районе Курской дуги. Мне, конечно, не были известны замыслы Верховного Главнокомандования, но по масштабам приготовлений было очевидно - грядет битва неслыханной свирепости. Волей-неволей я был свидетелем бесконечных наставлений Жукова командирам частей и соединений. Весной и летом он часто работал в поле. Чтобы не терять времени, мы подъезжали вплотную к тем местам, откуда, например, просматривалась глубина вражеской обороны, и генералы проводили рекогносцировки. Естественно четкий и ясный командирский голос Жукова был слышен далеко, во всяком

случае, мы, водители, слышали.

Это не следует понимать так, что Жуков делал достоянием посторонних, к каким относилось и его ближайшее окружение, оперативные планы. Они обсуждались в штабах за закрытыми дверями в условиях максимальной секретности. Даже у меня в машине, когда маршал брал с собой того или иного генерала - в эти месяцы чаще всего с ним ездил К. К. Рокоссовский, - они вели разговоры на ничего не значащие или отвлеченные темы. Все равно нельзя было не видеть и даже не чувствовать - Георгий Константинович жил в страшном напряжении. Но в отличие от битвы под Москвой почти никогда не выходил из рамок.

Он на каждом шагу подчеркивал важность строжайшего сохранения военной тайны. Как-то он приехал "к Манагарову" в 53-ю армию. Прослышав, что приедет Жуков, у въезда на НП армии вертелся командующий Степным фронтом Конев. Когда мы подъехали на двух "виллисах" к шлагбауму, одуревший от жары и езды Минюк неожиданно гаркнул часовому:

"Подымай! Маршал Жуков едет!" Красноармеец у шлагбаума, однако, потребовал предъявить удостоверение. На глазах группы встречающих Жуков молча протянул документ. Солдат не только прочитал его, но и отвернул ворот кожаной куртки Жукова. Увидев маршальский погон, пропустил. Жуков громко поблагодарил за службу и, сняв с руки часы, подарил часовому.

Если чем и запечатлелось в памяти Курское побоище - думаю, так точнее называть полдень Великой Отечественной, а не Курская битва, - так это земляные работы в поле. По всему фронту и тылу на сотни километров на восток каждый день мелькали лопаты, подальше от фронта ревели экскаваторы, вывозили и привозили грунт. Натужно хрипели изношенные двигатели грузовиков, доставлявших бревна, мотки колючей проволоки, бетонные и стальные конструкции. Муравейник! Во внешне беспорядочном движении был свой порядок, проникнуть в который постороннему было не дано - строительство укреплений тщательно маскировалось. Доступны для обозрения ложные аэродромы, ложные артиллерийские позиции, скопления макетов танков и прочее.

День за днем, неделя за неделей Жуков объезжал Курский выступ. Он вникал в мельчайшие детали строительства укреплений, установки заграждений. На моих глазах Георгий Константинович здорово озадачил саперов, предложив минировать местность шагах в пятидесяти от окопов и между ними. Я не специалист в этих делах, но так и непонятно, почему саперы сначала упирались. Потом, когда немцев отбили, Жуков снова объезжал некоторые из тех же районов, сильно

изменившихся, обгоревшая земля, везде памятники прозорливости маршала: выгоревшие коробки немецких танков, прорвавших было наш передний край и нашедших гибель на минных полях в глубине обороны.

Когда заревели тысячи орудий и началось Курское побоище, Жуков как бы отошел от дел. Маршала было не узнать - он выглядел сторонним наблюдателем происходившего на Центральном фронте, где 5 июля его застигло начало немецкого наступления. Наверное, впечатление было обманчивым, Жуков, несомненно, вмешался бы, если его как представителя Ставки не устроило что-либо в действиях фронта Рокоссовского. Сражение, однако, развивалось как задумано, что было более чем достаточной компенсацией маршалу за многотрудные месяцы подготовки.

Поведение Жукова резко изменилось, когда после благополучного фронта Рокоссовского мы перебрались севернее, на сопредельный Брянский фронт. Два дня он объезжал войска, изготовившиеся к наступлению, а 11 июля лазил по-пластунски с биноклем по передовой, проверяя правильность выбора местности для наступления танкового корпуса. Немцы заметили и открыли беглый минометный огонь. Жуков оказался на волосок от гибели. Потом Бедов хвастался, что спас-де Жукова, прикрыв его своим телом. Глупость это. Как в таком случае уцелел живой щит, каким изобразил себя Бедов. Свидетели, ребята из охраны, с безмерным восхищением рассказывали, что маршала спасла сноровка, сделавшая бы честь младшему командиру. Они честно признались, что не обладали такой быстротой реакции.

12июля и эти, Брянский и Западный, фронты навалились на немцев, "славяне", как все чаще стали называть в войсках друг друга, пошли на Орел (операция "Кутузов"). А мы с Жуковым уже 13 июля оказались на Воронежском фронте. Приехали как раз тогда, когда, перегорев, затухало сражение под Прохоровкой.

Тогда было непонятно, зачем Жукову потребовалось поспеть к концу танковой битвы. Теперь по книгам можно догадаться - Сталин послал Жукова на южный фас Курского выступа для перестраховки - немцы прошли здесь значительно дальше, чем на Центральном фронте, где были Рокоссовский и Жуков. Помнится, очень резко Жуков обошелся с Ротмистровым за большие потери в танках.

Н. Я.: Ставка наверняка опасалась, что немцы продолжат здесь наступление. Жуков, прибыв на место, стремительно разобрался в обстановке, опросил пленных и понял, что кризис в сражении миновал. Василевский как представитель Ставки здесь не почувствовал этого и 14 июля доложил Сталину: "Угроза

прорыва танков противника... продолжает оставаться реальной. Не исключена здесь и завтра возможность встречного танкового сражения". Коль скоро ближайшие часы и сутки не подтвердили его прогнозов, Василевского отправили координировать операции на юге. Г. К. Жуков остался полновластным хозяином "подопечных" ему фронтов Ватутина (Воронежского) и Конева (Степного), которым предстояло идти на Харьков и далее на запад к великой реке - Днепру.

От него крепко досталось победителям в Прохоровском сражении Ротмистрову и командующему 5-й гвардейской армией А. С. Жадову за тяжкие потери. Жадов умудрился в считанные часы растрепать полностью укомплектованную армию в бесплодных атаках. Без разведки и артподготовки. Ротмистровская 5-я гвардейская танковая армия с 12 по 24 июля потеряла 439 танков и САУ, а в следующие несколько недель еще 324 танка безвозвратно и 110 подбитыми. Вообще потери танковых войск были значительными. 1-я танковая армия в ходе оборонительного сражения потеряла 50 процентов своего состава - 312 боевых машин и еще безвозвратно 288 и 417 танков подбитыми.

А. Б.: Это та самая армия, танки которой мы встретили в поездке с маршалом Василевским в марте. Худенькие мальчишки-танкисты отважно и безропотно гибли в Курском побоище. В начале августа 1993 года среди тысяч приглашенных ветеранов Великой Отечественной мне довелось побывать в местах Курской битвы, поклониться дорогим могилам, в которых покоятся герои. С горечью, но гордостью за Г. К. Жукова прочитал материалы о Курской битве в юбилейных номерах No 7-8 "Военно-исторического журнала" за 1993 год. С горечью, ибо речь идет о павших, с гордостью - Г. К. Жуков как член Ставки и сам решительно требовал воевать с умом, беречь людей. Вы упомянули о том, как Г. К. Жуков от себя подверг уничтожительной критике Ротмистрова и Жадова, а в журнале я прочитал, как зорко следила Ставка за тем, чтобы напрасно не губить людей. Текст документа показателен:

"Танковая группа 3 гв. ТА в количестве 110 танков в боях за высоту 264,6 потеряла 100 танков, т. е., по существу, была уничтожена противником. Этот из ряда вон выходящий случай произошел в условиях общего отхода противника... Гибель такого большого количества наших танков в течение нескольких часов свидетельствует... о бездействии командармов, бросивших танки на произвол судьбы без всякой поддержки".

Курское побоище пришлось на начало третьего года войны. Канула в прошлое гибель безличных солдат за безымянные

высоты. Каждая победа имела своих героев, а неудача - конкретных виновников.

Н. Я.: Удивительно своевременное замечание. Наверное, вы помните внезапное двухдневное возвращение Жукова с южного на северный фас Курского выступа в конце того же июля?

А. Б.: Как не помнить! Георгий Константинович снова оказался на волосок от смерти. Случилось это в полосе 11-й гвардейской армии И. Х. Баграмяна.

Войска не любили генерала-армянина с лисьей физиономией и повадками. Я часто находился в ту войну там, где "солдатский вестник" был самым надежным вблизи крупных штабов. Специфика водителя - долгое многочасовое ожидание тех, кого мы обслуживали. Генералы на своем совещании, мы, водители, на своем. Мы знали каждый шаг тех, кого привозили совещаться.

Почти всегда плохо говорили о Баграмяне, которого винили за многое. Он никогда не смог отмыть пятно за сентябрь 1941 года. Тогда в неравном бою в окружении пал почти весь штаб Юго-Западного фронта во главе с М. П. Кирпоносом. А начальник оперативного управления штаба Баграмян уцелел, без царапины вышел из вражеского кольца. Говорили, конечно, вполголоса о том, что Баграмян бросил штаб, увел с собой немногую броневую технику, которой располагал Кирпонос с товарищами. Винили ловкого армянина за майскую катастрофу 1942 года под Харьковом. Фронтовики задавались вопросом, почему он держался на плаву. Ответ был однозначным - "дружба народов", представителю кавказской народности прощалось то, за что русскому не сносить бы головы.

Г. К. Жуков был вынужден в конце июля 1943 года снова поправлять дела этого самого "стратега", подвергая свою жизнь смертельной опасности. Об этом, собственно, вы рассказали в своей книге о Жукове.

Н. Я.: Тогда случилось вот что. В конце июля 1943 года на болховском и орловском направлениях развернулись тяжелейшие сражения. 26 июля в полосе 11-й гвардейской армии ввели в бой 4-ю танковую армию с задачей совместно прорвать вражескую оборону. С самого начала мы понесли тяжелые, малооправданные потери. 4-я ТА армия потеряла 84 процента танков Т-34 и 46 процентов танков Т-70, всего в армии было 652 танка. Продвижение было не столь значительным и куплено чрезмерной ценой. Тем не менее Баграмян представил достигнутое великой победой в докладах в Ставку. Далее я написал в своей книге: "Через много лет (он) рассказал, что из этого получилось. Оставив за скобками неумеренно оптимистические реляции в Москву, Баграмян сообщает: "28-го (июля) был важный разговор по ВЧ с

Верховным Главнокомандующим. Он выразил удовлетворение действиями армии в Орловской операции и выделил нам крупное пополнение, чтобы поддержать наступление". Окрыленный Баграмян отправился в войска, чтобы форсировать наступление. От этого занятия его внезапно оторвал срочный вызов на КП армии, куда совершенно неожиданно прибыл Жуков. Прибыл на два дня в эту армию, оставив Воронежский фронт.

"Когда я прилетел на КП, - писал Баграмян, - то понял, что Георгий Константинович явно не в духе. Мое радужное настроение, вызванное похвалой Верховного и его обещанием помочь пополнением, как рукой сняло. Довольно сухо поздоровавшись, маршал резко спросил:

- Как это ты, Иван Христофорович, опытный генерал, уговорил своего командующего фронтом Василия Даниловича Соколовского принять явно неправильное решение - ввести 4-ю танковую армию на неблагоприятном для массированных действий танков болховском направлений, а не на хатанец-ком, где явно можно было бы добиться гораздо больших успехов? Идет третий год войны, пора бы уже научиться воевать и беречь людей и технику!"

Большой дипломат в погонах с пресловутым кавказским красноречием сумел отвести справедливые упреки прямодушного маршала, открыв, что он-де собирался действовать именно так, как того требует Жуков, но его не послушались и т. д. Дело кончилось тем, что Жуков отправился в 4-ю танковую армию, а "позже я узнал, - заканчивает Баграмян,- с каким искренним желанием помочь Георгий Константинович, порою рискуя жизнью, осматривал самые важные участки фронта наступления - 4-й танковой армии". Весь опыт и сердце маршала-солдата восстали против того, чтобы бушевавшее здесь и на сопредельных фронтах жесточайшее сражение превратилось еще и в самое кровопролитное".

А. Б.: Баграмян пишет, что Жуков "помогал" ему, а как именно это делал, "позже я узнал". Я видел все это собственными глазами, в каком виде маршал возвращался с передовой. Кто мешал самому Баграмяну ползать по передовой, толстый живот? У него были солидные "социалистические накопления", как говаривали тогда о толстобрюхих. Георгий Константинович не взял с собой на рекогносцировки этого командарма. Я был свидетелем только отдаленных раскатов жуковского гнева, когда он вышел из штаба и цыкнул на Баграмяна, на полусогнутых сунувшегося было за ним. Откровенно говоря, мне до слез было жалко Георгия Константиновича. Ослепленный яростью, он отправился туда, где мог быть поражен ружейно-пулеметным

огнем. И чего ради? Выправлять упущения генерала, смахивавшего внешним видом и повадками на кавказского шашлычника. Между тем издана только одна книга Г. К. Жукова - его "Воспоминания и размышления", а в библиотеках я видел целую полку, заставленную "трудами" Баграмяна и о нем. Вы, профессор, историк, возьметесь объяснить это?

Н. Я.: Вы подняли очень серьезный и трудный вопрос, подметив то, что привело сегодня к большой беде для России - сознательно умаляли русское в угоду другим народам. Как только повернулся язык у Баграмяна утверждать, что Жуков-де "помогал" ему! Первый заместитель Верховного Главнокомандующего "помогает" посредственному командарму, напрасно загубившему людей и технику!! Мы, русские, сами раскормили высокомерие инородцев в отношении нас.

В биографии Жукова я у же попытался ответить на вопрос, волнующий ныне вас, когда коснулся бесцеремонного извращения роли Жукова в наших официальных изданиях о Великой Отечественной войне, вышедших при Хрущеве и Брежневе. Итак: "В 1955 году, например, Маршалом Советского Союза стал И. Х. Баграмян, спустя десять лет после окончания войны. В редакционной комиссии (упомянутых официальных публикаций) он повел себя по-маршальски, да еще опираясь на нетленную ценность принципов социалистического интернационализма. Отметить вклад-представителя небольшого народа у нас святое дело".

Доотмечались до того, что эти самые "малые народы" стали гнать нас, русских, в шею с земель, обильно политых кровью и потом поколений наших предков, разрушая историческое русское государство. Со скандалами, оскорблениями и на каждом шагу взывая к Западу вмешаться в наши дела.

Харьков - Киев - Карпаты

А. Б.: С победы на Курской дуге открылось наше почти безостановочное наступление, которое привело Красную Армию в Берлин. Мы за два года войны натерпелись и насмотрелись на деяния захватчиков на советской земле. Последний красноармеец отлично знал, с каким врагом имеет дело. Разговоры о классовом брате, немецком пролетарии, из-под палки поднявшем оружие против социалистического Советского Союза, давно угасли. Каждый в армии знал: лучший немец - мертвый немец. Убей фрица, иначе он погубит твою Родину и тебя. Каждый освобождаемый километр родной земли убеждал -иного не дано.

На войне разрушения неизбежны. Так поначалу решали мы, освобождая в 1941-1942 годах русские города, села и деревни.

Впрочем, уже тогда поражал размах разрушений, бессмысленных и жестоких. Но с лета 1943 года виденное раньше померкло по сравнению с тем, что мы видели теперь. Немцы, если их не выгоняли стремительным ударом, методически разрушали и сжигали все. Они оставляли Красной Армии и русскому народу после себя обезображенную землю, без преувеличения скажу - пустыню. Теперь мы знаем - то была директива гитлеровского руководства: при отступлении следовать принципу "выжженной земли". Ужасающие последствия Жуков вскоре увидел собственными глазами.

3 августа жуковские Воронежский и Степной фронты перешли в решительное наступление (операция "Румянцев"). Уже утром 5 августа Красное знамя водрузили в освобожденном Белгороде. Георгий Константинович объехал город еще тогда, когда продолжались бои на его окраинах. Он не уставал негодовать - немцы разрушали Белгород квартал за кварталом, не пощадив ни школ, ни детских садов. Они вызывающе повели войну на уничтожение всего русского достояния.

После Курского побоища накал вооруженной борьбы чудовищно возрос. Враг всегда упорствовал в обороне, теперь прояснилось - немцы стремились нанести нам максимальные потери, заставить истечь кровью.

Н. Я.: Видимо, не все наши командиры сразу поняли образ действия врага обескровить Россию. Жукову пришлось снова и снова одергивать некоторых из них, в первую очередь Ротмистрова, умудрившегося добить вверенную ему танковую армию.

А. Б.: Жуков на моих глазах резко отчитывал командиров всех уровней за потери, требовал беречь людей. Войска, прошедшие через ужас Курского побоища, столкнувшись вновь с немецким неистовством, платили врагу той же монетой. Истребляли немецкие части в случае нужды до последнего человека. Беспощадны они были к пособникам фрицев. У Белгорода я увидел неприятное зрелище. На жарком августовском солнце покачивались прямо у дороги трое повешенных, судя по наплечному шеврону, пособники оккупантов. С ними, видимо, долго не разбирались, вздернули на телеграфных проводах вместо веревок. Ничтожное возмездие за тысячи и тысячи истребленных советских людей - женщин, стариков, детей! Страшные следы немецких зверств мы встречали на каждом шагу.

Наш поезд после Курского побоища постепенно передвигался к югу от станции Ржава, что вблизи Обояни, где состав простоял несколько недель. Уже сложилась и практика маскировки спецпоезда Жукова: ставили в лесу или в выемке, а иногда

моментально сооружалась ветка-тупик, на которую его загоняли, изобретательно прикрыв маскировочными сетями бронеплощадки. Немецкие разведчики, облетавшие прифронтовую полосу, так и не смогли никогда обнаружить спецпоезд. Паровоз стоял под парами, что было очень удобно - всегда был кипяток. Можно было постирать белье или использовать горячую воду для каких-нибудь других надобностей. Из поездок в открытом "виллисе" возвращались черные и грязные по глаза.

Георгий Константинович обычно ночевал в поезде, а с рассвета до темноты в войсках. 23 августа Красная Армия освободила Харьков. Жуков потребовал от меня подготовить для объезда города "бьюик". К сожалению, потекла тормозная жидкость. О запасных частях и думать не приходилось. Я разобрал дефектный цилиндр, достал манжет. Подержал в бензине, резина размокла, и, когда собрал цилиндр, он держал тормозную жидкость. Указание Жукова выполнил.

Из Козачьей Лопани мы заехали в Лесопарк, район правительственных дач у Харькова. Там в чудом уцелевшей даче уже обосновался Хрущев. Этот ненасытный обжора и неописуемый наглец любил комфорт. Красная Армия вернула ему привычные удобства. "Вождь" возвращался.

Харьков произвел тяжкое впечатление. Измученные, голодные люди - их было страшно мало для громадного, лежавшего в руинах города. Мы проехали по Харькову на четырех машинах. Наша и Хрущева, за каждой по машине сопровождения с охраной: четыре человека, включая водителя. Риск, конечно. Еще вчера немцы хозяйничали в городе. Теоретически они ушли, а практически? Несомненно, в городе прятались и немецкие прихвостни, озлобленные и одичавшие, им терять было нечего. Кто мог поручиться, что из руин не раздастся в упор пулеметная очередь. К чести Жукова, да и Хрущева, они с презрением игнорировали реальную опасность. Невольно встает перед глазами видение - наши машины буквально ощупью ползут среди развалин Харькова. И картину, которую видишь в сегодняшней Москве: сверкающая "иномарка" летит по мирному городу в окружении нескольких машин сопровождения.

Отнюдь не прячась от народа, Жуков и Хрущев выступили на митинге освобожденных харьковчан. Речь Хрущева - обычная партийная трескотня хамским голосом с неправильными ударениями и дикими оборотами. Сдержанное и веское слово произнес Г. К. Жуков, вызвав неистовые аплодисменты и крики. Не с этих ли времен возникла недоброжелательность Хрущева к маршалу. А что он хотел? Даже внешне низкорослый партийный бонза с отвислым животом, маленькими свиными глазками, неопрятный внешне и в словах отвратительно выглядел рядом с подтянутым маршалом, на котором мундир сидел как влитой. Кавалерийская стать остается на всю жизнь. Я гордился нашим маршалом.

Н. Я.: Г. К. Жукову все же удалось на "подопечных" ему фронтах снизить потери. Выполнявшие стратегическую операцию "Румянцев" Воронежский и Степной фронты, имевшие 1144 тысячи человек, потеряли 255566 человек. Ширина фронта наступления 300-400 километров, глубина продвижения 140 километров. Одновременно Брянский, Центральный и часть Западного фронта выполняли стратегическую операцию "Кутузов". В ней было задействовано примерно столько же личного состава - 1288 тысяч человек, но потери достигли 430 тысяч человек. Почти такая же ширина фронта наступления - 400 километров и глубина продвижения 150 километров. Продолжительность операции "Румянцев" 21 сутки, "Кутузов" - 38

суток. Вот и вывод: выполняя аналогичные задачи равными силами, Жуков понес потери почти на 200 тысяч человек меньше. Вот что такое военный гений.

А. Б.: Помноженный на бесконечный труд Георгия-Константиновича. Он и только он двигал все.

Осень 1943 года запомнилась как непрерывное сражение - фронты пробивались к Днепру. Сражение не стихало ни днем, ни ночью. Георгий Константинович по большей части в войсках Воронежского фронта много времени работал с Ватутиным. Мне кажется, что он как-то любовно опекал славного генерала. Фронт Ватутина и вышел к великой реке в том районе, где на другом, высоком берегу стоит красавец Киев. Тогда Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский, а Степной во 2-й Украинский. Не буду говорить о форсировании Днепра, как раз об этом, по-моему, написано много. Это был какой-то ужас. Георгий Константинович на катерах и паромах много раз переправлялся на тот берег и обратно. Сначала на Букринском - южней, затем Лютежском - севернее города плацдармах. Мне пришлось много поездить с ним вдоль восточного берега Днепра. Саперы соорудили там дорогу в двести с лишним километров, которая, понятно, была сделана наспех и постоянно разрушалась танками и тяжелой техникой. По этой дороге прошла историческая перегруппировка с Букринского на Лютежский плацдарм, которую немцы прозевали. Не могли не прозевать, ибо Г. К. Жуков распорядился установить драконовские меры обеспечения скрытности передвижения транспорта.

Насколько я помню, операция по овладению Киевом готовилась так, что враг оказался в неведении, откуда последует решительный удар. Даже мы, находившиеся на расстоянии протянутой руки от маршала, поняли, кому брать Киев, только тогда, когда войска, выступившие с Лютежского плацдарма, завязали бои на окраинах города. Приказы Г. К. Жукова о строжайшем соблюдении военной тайны выполнялись до точки.

Могучий удар вымел немцев из Киева, они побежали без оглядки. Еще не смолкли отдельные выстрелы в городе - вылавливали зазевавшихся фрицев, не успевших унести ноги, как Георгий Константинович через Дарницу и моментально наведенный понтонный мост въехал в Киев. Жуков служил перед войной в этом городе, а теперь, видимо, не узнавал его. За два с небольшим года оккупации немецкие варвары разрушили и опоганили гордый древний русский город. В воздухе отчетливо ощущался смрад тления, какая-то вонь, по которой мы уже привыкли судить - здесь побывал немец.

Центр - Крещатик - сплошная груда развалин. Редкие

прохожие поначалу инстинктивно шарахались от нашего автомобиля "хорьх", но, разобравшись, сбегались. Толпа густела и скоро окружила машину маршала плотным кольцом. Кое-где уже пламенели родные красные знамена. Пришлось Жукову держать речь. Он стоял, выпрямившись по-военному, на подножке "хорьха", с автомобильными очками на околыше фуражки, как всегда подтянутый, статный и, не боюсь этого слова, красивый. Орел! Жукову было всего лет сорок пять. Он бросал размеренные, уверенные фразы отчетливым громким голосом. "Большинство людей выглядели крайне истощенными... - заметил он в своих воспоминаниях. - Многие плакали от радости". Не помню, что он говорил, но помню безмерный восторг киевлян, в радостном изумлении видевших, кто привел Красную Армию в древний русский город.

Н. Я.: А где был Хрущев и политработники? Получилось так, что на импровизированном митинге Г. К. Жукову пришлось выполнять их работу.

А. Б.: Никита состоял членом Военного совета при Ватутине. Он доехал с нами до Киева, где и остался. Когда Красная Армия взяла Киев, Хрущев также проехался по городу, но не с нами. Видимо, он хорошо запомнил разницу между тем, как встречали его и Жукова в Харькове, и счел за благо не показываться рядом с Георгием Константиновичем.

Случайным выступлением Г. К. Жукова в Киеве закончились публичные появления маршала в освобождаемых городах. По-моему, за войну их было всего три - в Ельне, Харькове и Киеве. Чтобы их не было больше, конечно, позаботились в первую очередь пламенные чекисты. Лицемерно толкуя о "безопасности" маршала, они свели свои хлопоты до минимума - не допускать его появления в людных местах на освобожденной территории. Наверное, так было им легче, чем обеспечивать подлинную безопасность, пресекая самую возможность покушения на жизнь маршала.

С ними заодно были политработники, хотя наверняка по другим причинам. Они, по-видимому, как огня боялись роста популярности Г. К. Жукова в народе и паучьими колючими глазами следили за ним. Это была, мягко говоря, странная публика. Например, отвратительный до омерзения некий Епишев, безуспешно пытавшийся копировать в манере одеваться и поведении Сталина. Получалась злая карикатура на "вождя и учителя". Не больше.

Н.Я.: Г. К. Жуков по должности должен был брать с собой политработников, во всяком случае генералов, членов Военных советов фронтов?

А. Б.: Да вы с ума сошли! За исключением битвы за Москву, где Булганин навязывал себя, Г. К. Жуков на дух не переносил присутствия этих во время поездок по фронтам. Лейтенанта медслужбы Лиду Захарову, ясное дело, всегда брали. От нее была польза - порошок дать, банки поставить, спину растереть, да и настроение исправить ласковым словом. А политработники? Чем они могли помочь Г. К. Жукову в многотрудном ратном деле? Так что оставим это.

А откуда бралось представление о политработниках-стратегах, видно хотя бы из текста мемуаров Г. К. Жукова. Откройте их третий том на 85-й странице (10-е издание, 1990). К фразам об участии политработников в "успешном выполнении этой операции" - взятии Киева - лаконичные и по тогдашним условиям робкие издательские ремарки: "Этого предложения в данном контексте в рукописи нет" или "фамилии А. А. Епишева в данном контексте в рукописи нет". Проворные руки задним числом приписали Г. К. Жукову утверждения, противоречащие всему его мировидению. Руки эти - политработников. Но мы опять отвлеклись.

Освобождение Киева ознаменовало, помимо прочего, прорыв "Восточного вала", системы укреплений, возведенных немцами на западном берегу Днепра. Противника отбросили порядочно на запад, освободив Житомир и другие города. 1-й-Украинский фронт становился острием всей Красной Армии, ибо его войска дальше всего продвинулись на запад. Рухнул "Восточный вал" и южнее, где наступал 2-й Украинский фронт Конева. Враг не только бешено сопротивлялся, но и попытался восстановить положение. Немцы начали там, где, им казалось, есть уязвимые места - в полосе 2-го Украинского фронта, вышедшего на подступы к Кривому Рогу и Кировограду. Им с конца октября удалось потеснить наши войска, положение становилось критическим. .

Только-только разместились в Макарове (километров 60 от Киева), как Георгий Константинович приказал: едем "к Коневу". Это означало более 500 километров до места назначения - района Кременчуга. Там находился штаб коневского фронта. Думаю, что, поддавшись обычному желанию видеть все собственными глазами, Георгий Константинович на этот раз переусердствовал. Даже я с трудом выдержал дорогу. Спасло, пожалуй, только то, что ехали на "хорьхе". Ребята из охраны, следовавшие за нами на "Додже 3/4", когда мы добрались до штаба Конева, несколько минут не могли выйти из машины, так их намотало и укачало.

Поистине железный человек, каким был Г. К. Жуков, немедленно отправился в штаб. Я получил небольшую

передышку; Затем по понтонному мосту на правый берег Днепра, в войска, в огонь. Сейчас точно не помню - да и мудрено запомнить, дни слились в один, - Георгий Константинович пробыл у Конева неделю с небольшим, налаживая расстроившиеся дела. На войне так бывает - хвост вытянул, нос увяз. Пока Г. К. Жуков выправлял положение здесь, Ватутин остался без присмотра, и немцы дали как следует 1-му Украинскому фронту. Мы оставили Житомир. Ватутин растерялся. Потом мы узнали, что Сталин приказал Рокоссовскому помочь Ватутину советом. Тот приезжал в Макаров и т. д. Конечно, я не знал всего этого, когда Жуков коротко сообщил - он возвращается самолетом, а вы пригоните машины своим ходом в Макаров.

Тронулись в обратный путь с полными баками, сухим пайком и без карт. Опять тяжелая дорога. Которая едва не закончилась трагически. Откуда нам было знать, что немцы продвинулись у Макарова километров на 40. Коротко говоря, нас остановил грубый окрик простуженным голосом: "Куда прешь, к фрицам захотел?" В ночной тьме мы выехали на линию передового охранения, еще несколько минут и... Не хочется и думать, что могло бы быть. Вот что значило ехать без нашего дорогого проводника Г. К. Жукова с его сверхъестественной способностью ориентироваться.

Как всегда бывало на той войне, где появлялся Жуков, там нам сопутствовал успех. Немцев остановили и нещадно побили, когда они пытались снова сунуться к Киеву. 24 декабря мы двинулись вперед. Георгий Константинович расцвел - за день войска 1-го Украинского фронта рванули почти на сто километров. Хотя чему дивиться - в авангарде две - 1 -я и 2-я - гвардейские танковые армии. Мы вернулись на подступы к Житомиру, бои шли у Бердичева, Белой Церкви. Жуков не покидал войск, почти не бывал в штабе. От любимого занятия оторвал очередной вызов в Москву.

Прилетели на Центральный аэродром. Обычным порядком сел за руль "паккарда". Езды было мало, Жуков почти все время пропадал в Кремле у Сталина. Я расположился было встретить Новый год с родными. Буквально за день до праздника - в самолет и назад в Макаров, где встретили 1944 год. Жуков был настроен прекрасно, видимо, совещания в Кремле окрылили его. Глядя на его оживленное лицо, откровенно говоря, я немного обиделся: что стоило задержаться на день-другой в Москве и встретить Новый год по-людски, в семье. Война никуда бы не делась.

На нашем фронте бои не прерывались, войска наступали с

небольшими паузами. Немцев гнали в хвост и гриву. Жуков все время находился в приподнятом настроении. Из разговоров штабных причины были ясны, намечалось новое окружение значительной вражеской группировки. Мы, 1-й Украинский фронт, далеко прошли на запад, а южнее немцы держали так называемый корсунь-шевченковский выступ, клин, врезавшийся в наши войска и доходивший вершиной до Днепра. Тут немцы попали впросак, они пялили глаза на Днепр, все мечтая отбить Киев, а стоило бы взглянуть по сторонам - в их тылу наш фронт, а с юга - 2-й Украинский.

24 января наши два фронта ударили под основание немецкого клина и в четыре дня замкнули кольцо окружения. Жуков ликовал, ему не сиделось на месте. Пожалуй, первый и единственный раз за всю войну доехать до войск оказалось невозможно. Совсем не вовремя наступила распутица, пошел дождь, лед на водоемах почернел и набух, дороги раскисли. Даже наши танки пробивались с трудом, немецкие вязли в тяжелом украинском черноземе. Пришлось Георгию Константиновичу несколько притормозить, ограничившись руководством операцией из штаба Ватутина.

Продолжалось, правда, это недолго, и Георгий Константинович обрел подвижность, "хорьх" в который раз показал, на что способен. Ликвидация окруженных заняла немногим больше двух недель. Немцев согнали на небольшую территорию, где и добили. Там поля были завалены их трупами и разбитой техникой. Георгий Константинович, не упускавший ни малейшей возможности собственными глазами оценить обстановку, многократно ради этого подвергавший свою жизнь опасности, не поехал осматривать места, где окончательно уничтожили немецкую группировку. В этом отношении Жуков резко отличался от многих наших генералов, страдавших праздным любопытством.

Победа для 1-го Украинского фронта была омрачена тем, что в приказе Верховного Главнокомандующего наш фронт не был упомянут. Все лавры победы достались 2-му Украинскому фронту, хотя операцию мы провели совместно.

Н. Я.: Г. К. Жуков считал это "непростительной ошибкой Верховного". Он понимал, хотя ни словом не выдал этого, - решение Сталина было продиктовано его стремлением выделить Конева, который тут же получил звание Маршала Советского Союза, умаляя, разумеется, роль Г. К. Жукова. Все это, на мой взгляд, дела давно минувших дней. Много хуже то, что заложенное тогда Сталиным продолжили политработники. Сменивший Хрущева в качестве члена Военного совета 1-го

Украинского фронта генерал-майор К. В. Крайнюков выпустил в 1971 году (!) мемуары "От Днепра до Вислы". Издательство объявило: "В книге тепло говорится о прославленных полководцах Н. Ф. Ватутине, И. С. Коневе, И. Д. Черняховском и других военачальниках, о руководящих политработниках". Г. К. Жукова как будто не было, хотя он руководил действиями фронта на месте как представитель Ставки, а вскоре стал его командующим.

Разумеется, по Крайнюкову, все планы готовил Ватутин с колхозом - со всеми членами Военного совета фронта. Ввел Крайнюков читателя и в творческую лабораторию комфронта. "Оперативные замыслы генерала Н. Ф. Ватутина, как и замыслы любого советского военачальника, - со всей серьезностью пишет этот партийный бонза, - разрабатывались на основе марксистско-ленинской теории о войне и армии. Несмотря на трудности фронтовой жизни и огромную занятость, Николай Федорович неоднократно обращался к трудам Маркса, Энгельса, Ленина". Заходит как-то Крайнюков к Ватутину, а тот "держит в руках томик сочинений М. Ф. Фрунзе". Поговорили. Ватутин зачитал "интересное суждение Фрунзе, имеющее отношение... к политработникам особенно... Высказывание М. В. Фрунзе о роли политработы в армии я хорошо знал. Но мне вдвойне было приятно, что на этих словах акцентировал внимание и командующий войсками фронта, высоко ценивший политработу".

Вот так, по Крайнюкову, с томиком того или иного классика в руке комфронта Ватутин руководил войсками. Кстати, вы помните этого члена Военного совета?

А. Б.: Нет. В штабе фронта генерал-майоров не счесть, и все они тянулись и замирали при виде Жукова. Если бы Крайнюков не щелкал в такт с ними каблуками, я бы его запомнил.

Сразу после разгрома корсунь-шевченковской группы немцев Жуков слетал в Москву на несколько дней. Я получил возможность побывать дома, поговорить с мамой, сестрой. Помнится, еще шутил - Новый год с вами встретить не удалось, хоть посидим за столом в День Красной Армии 23 февраля. Куда там! Неугомонный маршал за день до славной годовщины вернулся на фронт. Разумеется, и я с ним.

С его прибытием в штабе у Ватутина засуетились - первый признак нового наступления. Георгий Константинович проводил непрерывные, чуть ли не круглосуточные совещания. Я коротал время у машины. Как-то забежал мой фронтовой приятель Саша Богомолов. Он возил Ватутина. Шофер был классный. Однажды мы с Жуковым ехали из Киева в Житомир на "хорьхе" за машиной Ватутина, у него был "форд". Внезапно на обледенелом шоссе Сашин "форд" буквально выбросило за кювет в поле. Каким-то

чудом Богомолов удержал руль и вернул машину на дорогу. Цирковой номер! Теперь Саша сказал, что Ватутин выезжает на несколько дней на фронт, и попрощался.

На другой день к вечеру мы узнали о страшном несчастье - Н. Ф. Ватутин тяжело ранен. Вернувшийся Саша рассказал нам, что у какой-то деревни они увидели толпу, из которой их обстреляли. Саша дал задний ход и выехал из зоны огня. К сожалению, Ватутин был ранен пулей в бедро. Охрана генерала армии остановила огнем бросившихся было в направлении машины Богомолова людей. Потом выяснилось, что засаду устроили бандеровцы. Эти гнусные пособники немцев уже дали себя знать, нападая на наших бойцов и командиров, зверски расправляясь со своими жертвами, если им удавалось захватить их живыми.

За свой подвиг Богомолов был награжден орденом Красного Знамени. Это действительно был подвиг, достойный мастера-водителя, каким был Саша.

Из прискорбного происшествия с генералом армии Ватутиным, который так и не оправился от раны и вскоре умер, Ставка сделала надлежащие выводы, прямо касавшиеся нас, водителей, возивших крупных военачальников или важные оперативные документы. Отныне, помимо машин сопровождения, за нашим "хорьхом" тащился бронетранспортер. Тяжелая американская машина.

Георгий Константинович был крайне недоволен, бронетранспортер связывал нас. Оторваться от него, прибавив скорость, мы не имели права, приказ Ставки! Сжав зубы, крепились, смирившись с тем, что машина с Г. К. Жуковым возглавляла, а бронетранспортер заключал нелепую процессию.

К счастью, долго это не продолжалось, такого рода приказы Ставки быстро изживали себя. Фронт не терпел несообразностей.

Н. Я.: Решение о роковой поездке Ватутина поддержал Крайнюков. Жуков, учитывая объем работы в связи с предстоявшим наступлением, был против отлучки комфронта. О чем и написал в своих "Воспоминаниях"; цензоры ГлавПУРа, оберегая честь мундира, изъяли упоминание об этом из их текста.

Крайнюков в своих мемуарах дал волю фантазии. Умолчав о своей роли в организации поездки, он в героических (для себя!) тонах описал обстоятельства ранения Ватутина. Оказывается, "факелом вспыхнул легковой автомобиль командующего, подожженный зажигательными пулями".

А. Б.: Это был тот самый "форд", на котором Саша Богомолов возил Ватутина, я потом видел машину. Никак не обгоревшую, правда, несколько пулевых пробоин, отнюдь не от зажигательных пуль. Откуда они у бандитов!

Н. Я.: Слушайте дальше: "Мы бросились к командующему и положили его в уцелевший "газик". Под обстрелом врага открытая машина проехала немного и остановилась. Видимо, был поврежден мотор. Тогда мы понесли Николая Федоровича на руках, спеша доставить его в укрытие".

А. Б.: Чушь! Повторяю: Саша Богомолов получил орден Красного Знамени именно за то, что вывез раненого из-под огня. Единственный намек на правду "форд" слегка смахивал на "газик", и этот намек с головой выдает сочинителя небылиц - он уже успел "сжечь" автомобиль комфронта ("факелом вспыхнул"!), а теперь на нем, уже несуществующем, вывозят раненого генерала.

Н. Я.: Ко всему этому честолюбие непомерное. О ранении Ватутина Крайнюков якобы докладывал по телефону и письменным донесением никак не меньше как Сталину, выслушивал его упреки и т. д. Тогда как по прискорбному инциденту со Сталиным говорил Г. К. Жуков, который принял командование 1-м Украинским фронтом. Сталин согласился с ним, но одновременно Ставка взяла управление 2-м Украинским фронтом на себя. Сталин продолжал опекать драгоценного Конева.

А. Б.: У нас любят обращаться к победной весне, как поется, "весна 45-го года", а по мне незабываемы март - апрель 1944 года на 1-м Украинском. Трудно выделить какую-нибудь одну причину, наверное, главное - молодость, избыток сил. Избыток сил и в армии. Как пошли 4 марта на запад, так не остановились, пока перед нами не выросли Карпаты.

Впервые в Великой Отечественной дорогу матушке-пехоте прокладывали три танковые армии. Перед бронированным тараном нельзя было устоять, тем не менее немцы попытались. Фронт дрался с нашим старым противником генерал-фельдмаршалом Манштейном. Жуков, в единоборстве с которым уже потеряли лицо лучшие немецкие генералы, весной 1944 года добил репутацию последнего, оставшегося у рейха стратега Манштейна. Под бездонным куполом весеннего неба середины марта кипело грандиозное танковое сражение.

Георгий Константинович выезжал на наблюдательные пункты армий. Ему докладывали командиры-танкисты прямо с поля боя, они приезжали на НП как были, в комбинезонах, перепачканные маслом, иной раз кровью, пропахшие порохом. Докладывали повышенными голосами - от грохота орудий в тесных башнях танков мудрено было не оглохнуть. Г. К. Жуков был в своей стихии - шло наступление.

Мне, как водителю, не было времени любоваться голубым небом, все внимание - дороге. Казалось чудом, что они

поддерживались в рабочем состоянии. Чудо творилось руками людей, простой лопатой. Население мобилизовали для ремонта дорог, восстановления мостов, иногда встречались обозы - на лошадях и волах местные жители везли ящики и мешки с военными грузами. Работали не из-под палки, с охотой, радостью. Красная Армия принесла конец фашистской ночи. Поближе к передовой крестьяне взваливали на плечи патронные ящики и снаряды, помогали доставлять их войскам. Для проталкивания грузов к фронту использовалось все - бочки с дизельным топливом доставлялись даже на танках!

Как в калейдоскопе, мелькали названия городов и деревень, освобождаемых нашими войсками. Вопреки всему тылы не отставали, ибо быстро перешивалась железнодорожная колея и среди первых составов проталкивался жуковский спецпоезд. Хотя регулярного движения по советской колее еще не было, спецпоезд успевал продвинуться так, что мы обычно могли к ночи добраться до него. Г. К. Жукову обеспечивались сносные условия для работы, пусть на колесах. Сносные и потому, что немцы так и не сумели засечь наш состав, маскировать который на весенней голой земле было нешуточным делом.

В конце марта, когда штаб фронта перебрался к городишку Славута, пришлось расстаться с верным "хорьхом": машина выслужила все мыслимые и немыслимые сроки. Из уважения к ветерану я уговорил отправить "хорьх" в Москву на ремонт. Автомобиль погрузили в кузов грузовика, закрепили, и скоро машина с бесценным для меня грузом скрылась за поворотом. Я очень переживал расставание с "хорьхом", который воспринимал чуть ли не как живое существо. К глубокому прискорбию, "хорьх" сгинул в авторемонтных мастерских и следы его затерялись.

Тыловики предлагали Жукову другие машины для разъездов по фронтовым дорогам. Но одни не нравились ему, другие мне. На несколько дней задержался у нас "мерседес", однако машина оказалась непригодной для фронтовых дорог. В результате Георгий Константинович прочно оседлал "виллис". На юрком американском вездеходике мы уже наездились достаточно, но обычно на небольшие расстояния - уж очень он был тряский и неустойчивый, хотя с отличной проходимостью. Выбора не было, и "виллис" с самодельным кузовом из фанеры (погода еще не установилась) на много месяцев стал основным средством передвижения маршала по фронтовым дорогам.

Трагический случай с Н. Ф. Ватутиным еще был свеж в памяти, и, когда наша фанерная коробочка подскакивала на колдобинах и ныряла в ямы под носом у тысяч и тысяч местных жителей, ремонтировавших дороги, порой приходили невеселые

мысли. Красная Армия вступила в земли, где под немцами получили свободу для расправ с народом украинские националисты. Они принесли много горя. Главари бандитов бежали с оккупантами, но они оставили агентуру. Хорошо вооруженную и законспирированную. Кто мог поручиться, что какой-нибудь негодяй, для вида лениво орудующий лопатой, не стеганет очередью в машину маршала, разбрызгивающую грязь в метре-другом от него? Что успеет сделать бронетранспортер, шлепающий по колее позади?

В светлые недели нашего великого наступления к Карпатам, а в сущности, к госгранице, я почти не слышал о вылазках бандеровцев и прочей нечисти. Не считая трагедии Ватутина, конечно. Если припомнить их злодеяния на исходе войны и в первые послевоенные годы, это кажется удивительным. Разгадка проста: они были подавлены мощью Красной Армии, на их глазах бившей немцев. Поля загадили сотни подбитых и сожженных немецких танков. Батареи и дивизионы немцев, накрытые нашим артиллерийским огнем. Вдоль дорог выставка поверженной немецкой техники от штабных автобусов до громадных грузовиков и мощных тягачей. Среди остатков касок, винтовок, канистр, каких-то ящиков и прочего мусора войны - трупы, тысячи трупов немецких солдат, часто страшно изуродованных - прошли танки.

Как мы били захватчиков в тех самых местах, где три года назад они самоуверенно вторглись в нашу страну! Били и числом и умением. Уничтожали немцев в больших и малых "котлах". Куда им теперь было равняться по мастерству с нашими командирами. Немецких генералов переигрывали на каждом шагу, даже не давали отступать по дорогам, танкисты перехватывали их, и немецкая солдатня бежала по колено в грязи через леса и поля. Снова и снова я безмерно гордился тем, что сижу рядом с тем, кто председательствовал на великом празднике войны - маршалом Жуковым. Это его воля двигала танковые армии. Это он указывал, куда и как нанести удар, чтобы достичь максимальных результатов.

Как сейчас у меня перед глазами советский чудо-богатырь, солдат эпилога Великой Отечественной. В ладно пригнанной шинели или защитной ватной куртке повыше колен, кирзовых сапогах, еще зимней шапке, с ППШ, неизменным "сидором" за плечами и ложкой за голенищем. Идущий на первый взгляд неторопливо, не придерживаясь строя, со смехом или, целой группой оседлав танк, горланящий песни. Но внутренне собранный и настороженный. При первых выстрелах с вражеской стороны или в подозрительных местах моментально занимал

место в цепи и вперед - сторожкой перебежкой, где нужно, по-пластунски. Вот только особенно молодые почти всегда без касок, не любили наши ребята тяжесть на голове. Оттого нередко напрасно гибли...

Пока боевые части Красной Армии были рядом, бандит-бандеровец не только не смел поднять оружия, но и глаз, боясь, чтобы по ним не опознали волка в человеческом обличье. Поэтому кажущееся спокойствие в ближнем тылу наступающих войск. Любая вылазка была бы пресечена быстрым и беспощадным образом. Оуновец отнюдь не стремился пополнить собой горы трупов немецких хозяев, смердившие под весенним солнцем. Эта мразь хорошо понимала силу оружия и знала, что от бойцов Красной Армии пощады не жди. Уничтожат на месте.

Подсохла земля, зазеленели поля, покрылись молодой листвой придорожные рощи, и на горизонте наконец засинели Карпаты. Штаб фронта в двадцатых числах апреля перебрался из Славуты в село Токи, что за рекой Збруч. Это в Тернопольской области. Освободили Черновцы. Жуков без особого интереса объехал Черновцы, город, который он хорошо знал, когда до войны командовал Киевским Особым военным округом. В это весеннее наступление Георгий Константинович в разъездах по фронту нет-нет да бросал короткие замечания. Он узнавал и не узнавал места, которые помнил еще с довоенных времен. Немцы, где успевали, разрушали или предавали огню все. Но мы так умело шли вперед - с обходами и охватами, что враг был вынужден бежать, нередко даже не успев приступить к своему черному делу.

Я уже предвкушал побывать в Карпатах, гор в жизни не видел. Прикидывал, как водить машину по горным дорогам. Расспрашивал сведущих людей, среди солдат старших возрастов обнаружились воевавшие в этих местах еще в первую мировую войну под знаменами генерала Брусилова. Из их рассказов вырисовывалось - нам предстоят суровые испытания. Война в горах не шутка. Кое-кто из них недобрым словом помянул мадьяр, вояк никудышных, но злых и подлых в расправах с мирными жителями. Мы выходили к границе с Венгрией, и предстояла новая встреча и с ними в бою. Первые ласточки появились - в войсках смеялись: немцы погнали на нас венгров, которых наш фронт уже бил. В пору бессмертного Сталинградского сражения.

О многом переговорили в те дни мои товарищи по службе и я. Все были на большом подъеме - немцев и путавшихся под ногами мадьяр вышвыривали за пределы Отечества. Что Карпаты, подумаешь, горный хребет в Европе, мы были готовы штурмовать,

образно говоря, Гималаи и Анды. В успехе не сомневались. Русский солдат с маршалом Жуковым пройдет везде, как в свое время Суворов прошел Альпы. В это истово верили все мы без исключения, тогдашняя военная молодежь.

За неделю до 1 Мая я оказался не в Карпатах, а на московских улицах за рулем "паккарда". Жукова внезапно и срочно вызвали в Москву. Мы улетели с полевого аэродрома вблизи Токи.

Н. Я.: Жизнь была очень щедрой к вам, ибо вам довелось участвовать в эпохальном наступлении, одной из классических жуковских операций. В западной военной литературе подчеркивают: "Армии русских шли лавиной". Панический страх обгонял их. Гитлер вытолкал в отставку Манштейна из-за возмутительной в глазах фюрера истории - 200 наших танков разогнали две свежие дивизии вермахта. Взяли и разогнали! Просто сказать! Нужен был математически точный расклад: знать место и время, куда ударить. Жуков знал. За это наступление войска Жукова прошли 350 километров, а вступив в предгорье Карпат, разрезали германский фронт, создав невыносимые трудности для обеспечения его южного крыла.

1-й Украинский фронт лидировал в эпохальной операции освобождения Правобережной Украины. Во всем блеске в который раз заявил о себе полководческий дар Г. К. Жукова. Он был награжден вновь учрежденным орденом "Победа". Орденский знак за No 1. Крайнюков в мемуарах проскрипел: "Чего греха таить, порой и желаемое выдавалось за действительность. Маршал Жуков... слишком оптимистично смотрел на обстановку". Этот, вопреки известной русской поговорке, взялся судить победителей. Так кто же ответствен за громадный успех? "Наше весеннее наступление, - разъяснил Крайнюков, - увенчалось не только победой советского оружия, но в блестящей победой советской стратегии, советской военной мысли, основанной на ленинской науке побеждать". Вот так!

А. Б.: Не слышали мы на фронте о такой "ленинской науке". Это я как фронтовик говорю. Знали - к победе ведет великий полководец, народный герой Г. К. Жуков.

На Берлин!

Казалось, должна была исполниться моя мечта - встретить хоть какой-нибудь праздник за семейным столом. Наученный горьким опытом, я передвинул для нашей семьи праздник на несколько дней вперед. Где-то 25-26 апреля мы уселись за стол, как должны были собраться вместе на Старопанском 1 Мая - мама, братья Алексей и Виктор, Зина с мужем. Яств особых не

было, стол был по-военному скромный, выделялась разве банка американской тушенки, сбереженная мною из фронтового пайка. Помянули отца и Сережу, выпили за скорую Победу. Для меня ничего, кроме воды, я был на работе: отвез Георгия Константиновича в Генштаб и отпросился на несколько часов. В любой момент мог последовать вызов. Жуков почти все время проводил в Кремле и Генштабе. Безошибочный признак - предстоит новая крупная операция.

Моя предусмотрительность полностью оправдалась. Перед самым 1 Мая Жуков неожиданно вернулся на 1-й Украинский фронт. Пробыл там почти до десятого мая. Георгий Константинович приказал мне собрать и погрузить кой-какое немудреное имущество в машины и подготовить их к долгой дороге.

С того же аэродрома у Токи мы опять улетели в Москву. Потекли обычные будни. Я жил дома и не мог досыта наговориться с родными. Скоро в Москву доставили наш фронтовой "паккард", "виллисы", "Додж 3/4". Пока я возил Жукова на отполированном до зеркального блеска московском "паккарде", остальные машины прошли профилактику и ремонт в автобазе Наркомата обороны. Меня предупредили: выезд на фронт не за горами. Машины пойдут своим ходом. "А поезд?" - спросил я, памятуя об удобном вагоне-гараже. Поезда не будет. Потом выяснилось, что то была военная хитрость - спецпоезд остался на 1-м Украинском фронте. Его узел связи вел интенсивный обмен шифрограммами, имитируя работу штаба комфронта. Немецкую разведку провели за нос. На самом деле Г. К. Жуков направился на другое направление - координировать действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Пришла пора освобождать Белоруссию.

В начале июня Жуков с группой маршалов и генералов прибыл на 1 -й Белорусский фронт. С ним представители Ставки, помогавшие Г. К. Жукову по своим вопросам, - маршал авиации А. А. Новиков, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, генерал С. М. Штеменко. По Минскому шоссе, содержавшемуся в большом порядке, перегнали вместе с жуковским и их автомобили. Примерно с месяц у нас функционировало совместное "автохозяйство": группа этих военачальников объезжала войска фронта, иной раз добираясь до переднего края. В штабах и на пунктах управления армий Жуков с ними и командирами на местах разбирал предстоявшие операции. 100\

Караваном в 10-15 "виллисов" с маршалами, генералами и охраной мы следовали по дорогам, простреливаемым вражеской артиллерией, попадали под артналеты. К счастью, обошлось. Если

уместно такое выражение применительно к маршалу Жукову, то он сиял, весь светился радостью. Кажется, я понимал причины. Завершалась подготовка грандиозной операции, если угодно, уже на берлинском направлении, хотя до столицы разбойничьего гнезда еще предстояло идти и идти. Войска накапливались на исходных позициях. Леса забиты танками и САУ, горы снарядов, всякого рода довольствия. Солдаты и офицеры выглядели браво, порядок на дорогах отменный. Где бы внезапно ни появлялся Жуков в окружении свиты с большими погонами, никакого замешательства. Четкие доклады, все заняты делом.

Перед нами, разделявшими "виллис" с ним, помолодевший маршал, пожалуй, даже хвастался, а иногда озорничал. Он прослужил в этих местах многие годы до войны, как выразился, "исходил все вдоль и поперек", лесистые, болотистые места. Страстный охотник, Г. К. Жуков во время этих разъездов коротко объяснял - здесь он бил уток, а здесь кишит боровая дичь. Хотя я точно не помню охотничьих рассказов порой благодушного маршала, думаю, что он не был серьезен, а на несколько минут отвлекался от дум о войне. Постепенно маршрут поездок Жукова сузился, он оставил 2-й Белорусский генерала Г. Ф. Захарова на попечение С. М. Штеменко и сосредоточил свое внимание на 1-м Белорусском фронте К. К. Рокоссовского, а внутри его - на полосе 3-й армии генерала А. В. Горбатова.

Мне кажется, что Жуков симпатизировал Горбатову, по тем временам пожилому (50 с небольшим лет) генералу. Горбатов, старый сослуживец Жукова, был обаятельным человеком. Солдаты отзывались о нем с восторгом, а с нами при встречах он был неизменно приветлив и даже по-старомодному обходителен. К тому же Горбатов был человеком-легендой. Как и Рокоссовский, генерал настрадался в тюрьмах НКГБ и лагерях и вышел на свободу незадолго до начала войны.

Георгий Константинович избрал местом своего пребывания в начале наступления командный пункт именно 3-й армии. Он был оборудован с большим умением, в густом лесу. С хорошо замаскированных в высоких соснах вышек прекрасно просматривался участок вражеской обороны, где наносился главный удар. У Горбатова все было продумано, вплоть до обращения к войскам армии словами, созвучными чувствам всех: "Настал и наш час громить фашистское зверье... Добьем раненого зверя в его берлоге". После того, что натворили немецкие убийцы на нашей земле, они иного названия не заслуживали - звери. Гнусное, хищное, алчное зверье.

Когда еще затемно 24 июня наша авиация обрушилась на вражеские позиции, верующий счел бы, что нацистов постигло

небесное возмездие. Такой страшной, массированной бомбардировки мне еще не приходилось переживать. С востока послышался нарастающий тяжелый гул - шли дивизии авиации дальнего действия. Когда полетели бомбы -передний край немцев получил полутонные "подарки", казалось, что небо рухнуло на землю. Мы, находившиеся в капонирах с машинами, наверное, в километре от обрабатываемой первой линии траншей, почти не слышали друг друга. Приходилось кричать. Наступила очередь артиллерии. Над головой проносились десятки тысяч снарядов. Рассвело. И снова удары авиации - теперь штурмовиков. Оглушительный визг "катюш", и короткое затишье. Пошла пехота с танками.

К сожалению, в полосе 3-й армии ушло около двух суток на прорыв сильнейших позиций немцев. У них было время укрепиться. Надежные и отважные войска пробивались под убийственным огнем. Да, зло победить нелегко... Я издалека наблюдал за Жуковым. Видимо, маршал надеялся на быстрый прорыв и распорядился держать свой "виллис" под рукой, ехать вперед буквально в боевых порядках пехоты. Не получилось. Георгий Константинович первый и часть второго дня провел в лесочке у командного пункта армии. Набычившись, неторопливо прогуливался, изредка подзывая генералов и офицеров, которые ему что-то докладывали. Громадный контраст с его поведением на других фронтах, когда он непосредственно вмешивался в руководство операциями. Он полностью доверял Горбатову и Рокоссовскому и не хотел мешать им. Ненужные споры были бы неизбежны. Тот и другой генералы говорили с Жуковым на равных, не заискивали и не смущались, что случалось не очень часто. Авторитет Жукова и уже один его вид подавлял во фронтовой обстановке очень и очень многих высоких начальников. Хорошо это или плохо, не берусь судить.

Масштабы избиения немцев - методического, спокойного, я бы сказал, научного - далеко оставили позади только что виденное на 1-м Украинском фронте. Первый успех обозначился в полосе 65-й армии Батова, что дралась левее 3-й. Жуков немедленно снялся с места - и на ее командный пункт. С нами в своих машинах поехали комфронта Рокоссовский, представители Ставки маршалы Яковлев и Новиков. По пути попали под артобстрел, проскочили. Маршалы и генералы во главе с Жуковым побывали чуть ли не на переднем крае. Приняли нужные решения, и дело сдвинулось.

Вслед за 65-й пришли отрадные вести из других армий, оборона врага рухнула, в прорывы ушли танковые армии и корпуса. За ними и с ними Жуков. Ехали по дымящейся, не

остывшей от боя земле. С громадным облегчением отметили - относительно немного подбитых наших танков. Красная Армия переиграла вермахт - путь крупным танковым соединениям открыла беззаветная и безотказная пехота. В отличие от прежних наших наступлений пехота повела за собой танки, а не наоборот. Жуков одобрительно отозвался о командующих, наладивших взаимодействие различных родов войск.

Уроки Белоруссии летом 1944 года: Красная Армия научилась и привыкла побеждать. Кладбища немецкой военной техники там, где прошли наши войска, давно не удивляли. Этого зверья - танков "тигр", "пантера" - набивали предостаточно и на других участках фронта, недаром новую пушку - "сотку" Грабина - солдаты окрестили "зверобоем". Радовало глаз другое - бесконечные колонны пленных. Со времен Сталинграда не видывали колонн такой длины и густоты. Но там немцам деваться было некуда - кольцо, а в Белоруссии они, правда не всегда, но все же могли ускользнуть. Не успели. Это несказанно радовало, мы превзошли врага в воинском мастерстве. На дорогах Белоруссии у меня зародилась мысль - почему какому-нибудь из наших художников не вдохновиться и не сотворить полотно: Жуков триумфатором едет с войсками в то историческое лето. "Виллис", конечно, не колесница героя, но впечатление все равно будет громадным. Это так, шутка, а может быть, всерьез.

Немцы, бросавшие оружие и поднимавшие руки в "котлах" - больших и маленьких, - выглядели жалко и гнусно, начиная с взятых в плен в первые дни наступления у Бобруйска. Часть из них - обезумевшие, потерявшие человеческий облик - были из группировки, пытавшейся прорваться по дамбе к Березине. По приказу Жукова в безоблачный вечер на нее разгрузились наши бомбардировщики, штурмовики подбавили огня. Многие сотни самолетов. Георгий Константинович решил осмотреть результаты их работы.

Мы подъехали к дамбе. По ней не только проехать, пройти невозможно - все забито трупами и разбитой техникой. Жукову пришлось отказаться от своего намерения. Впрочем, картина была ясна. При мне маршал сердечно поздравил с успехом командующего воздушной армией, молодого генерала С. И. Руденко. Остроумный, удивительно интеллигентный и мягкий, Сергей Игнатьевич всем нравился. Он был заметной фигурой в плеяде соратников Жукова. Полной противоположностью был главком ВВС А. А. Новиков. Георгий Константинович раскопал эту буку на Ленинградском фронте и постепенно возвышал. Тот, видимо, рассматривал это как должное. Надувался спесью, нас, грешных, водителей, не замечал. К сожалению, Жуков не видел,

что Новиков вел себя очень по-разному с ним и подчиненными. Новиков любил и умел льстить.

К Минску! Танковые армии проходили по 50, общевойсковые по 20 километров в сутки. Между ними время от времени образовывался разрыв, но все равно колонны со снабжением для танков шли, шли бесстрашно, не обращая внимания на разрозненные толпы бежавших немцев. Шло, как говорят военные, параллельное преследование. В до предела запутанной обстановке Жуков чувствовал себя как рыба в воде, мы немало поездили, объезжая различные штабы, командные пункты, а то просто двигаясь с войсками. Иногда за нами следовала машина сопровождения, в другой раз натужно пыхтел бронетранспортер, а порой даже порыкивал танк, но нередко наш "виллис" оказывался в одиночестве. Немцы были настолько деморализованы, что не решались применить оружия. Они разбегались или прятались, а иные отчаявшиеся не прятались и провожали нашу машину тоскливыми взглядами. Таких встреч было немало.

Эта мразь разрушала, разоряла и сжигала при отступлении все, на что успевала наложить руку. Почти все населенные пункты на нашем пути перестали существовать. Что толку, что иногда успевали схватить и уничтожить пару-другую "факельщиков" - вражеских солдат, поджигавших дома. Они уже успели уничтожить народное достояние или скромное имущество граждан. В сущности, ставили точку в своей бесчеловечной политике на оккупированных территориях, завершали то, что делали на протяжении трехлетней оккупации. Героическая Белоруссия - арена партизанской войны - была разорена дотла. Пытаясь справиться с партизанами, немцы не щадили никого и ничего.

Г. К. Жуков очень болезненно переживал разрушения и разгром на освобождаемых землях. Тогда мы узнали - отдан приказ ускорить продвижение к Минску и овладение им, чтобы предотвратить уничтожение центра города, который немцы поспешно минировали. 3 июля Минск был взят. Вместе с танками в город вошли отряды разминирования, которые, как напишет Жуков, "блестяще" выполнили свою задачу, "здания были разминированы и сохранены". Жуков быстро объехал город - сплошной пустырь с грудами битого, обгоревшего кирпича. Жители робко собирались группами, несмело приветствовали машину маршала, хотя не могли знать, кто в ней. Очень многие плакали, Георгий Константинович подозрительно протирал глаза. Он нигде не останавливал машину. Говорить было не о чем, вид истощенных, оборванных людей и руин вместо города говорил сам за себя.

Через несколько дней после освобождения Минска Жуков слетал в Москву. Обычная программа: Кремль, Генштаб, и добавились поездки на "ближнюю" (у Кунцева) дачу "хозяина" - И. В. Сталина.

Уже 11 июля маршал на 1-м Украинском фронте. Георгий Константинович велел развернуть свой командный пункт в районе Луцка. Здесь в густом лесу заждался наш дом "на колесах", спецпоезд. Я с удовольствием вечером растянулся на знакомой полке в своем купе. Жуков руководил действиями 1-го Украинского и координировал их с наступлением левого-крыла 1-го Белорусского фронта. Хотя Георгий Константинович отлично знал штаб 1-го Украинского фронта, он, по соображениям, мне тогда непонятным (теперь из литературы ясно - командующим там стал новоиспеченный маршал Конев), ночевал в спецпоезде, что было не слишком удобно, требовались довольно продолжительные поездки от Луцка к Золочеву (штабу фронта) и обратно. Как обычно: приехал Жуков - жди нашего наступления. Чисто зрительно было видно - Коневу нагнали даже больше войск, чем имел 1-й Белорусский. Стремительности коневским армиям недоставало.

Жуков, видимо, нервничал, не находил себе места. Какое напряжение он испытывал, мы случайно поняли по незначительному эпизоду. Ехали в Луцк. Дорога не очень широкая. Иду на обгон военного "студебекера", мощного американского грузовика, которые тогда мы получали по ленд-лизу. Прекрасная во всех отношениях машина. Стоило нам переместиться на левую сторону дороги, как "студебекер" принял влево. И так несколько раз. Наконец, улучив момент, обогнали грузовик и остановили его. Из кабины вылез едва стоявший на ногах водитель, молодой, вдребезги пьяный разгильдяй. Жуков жестом подозвал его и, не выходя из машины, без слов врезал в ухо. "Пучков, добавь!" - строго приказал маршал и велел трогать. Пучков размахнулся, но парень проворно присел и увернулся от заслуженной оплеухи. Пьянчуге повезло.

С другим генералом вполне заслуженно мог бы загреметь в штрафбат.

Настроение Г. К. Жукова в ближайшие дни резко поднялось - на подмогу медленно продвигавшимся коневским армиям пришел 1-й Белорусский. Севернее нас зарокотали орудия: от Ковеля пошли войска на Люблин. В несколько дней решилось - 24 июля взят Люблин, 25-го - 1-й Белорусский на Висле, через два дня, форсировал многоводную реку и создал два плацдарма в районах Магнушева и Пулава. Пошло дело на 1-м Украинском. С величайшим тактом Жуков написал об этом в своих мемуарах

(10-е изд., т. 3, с. 159): "27 июля был освобожден и город Белосток войсками 3-й армии генерала А. В. Горбатова. В тот же день Ставка своей директивой подтвердила наше решение развивать удар 1-го Украинского фронта на Вислу для захвата плацдарма по примеру 1-го Белорусского фронта". Обратите внимание, в 10-м издании восстановлены слова "войсками 3-й армии генерала А. В. Горбатова". Этот суровый генерал, любимец Жукова, костью в горле стоял у цензоров ГлавПУРа, изувечивших прежние издания мемуаров маршала.

27 июля освобожден Львов, а 28 июля и войска 1-го Украинского форсировали Вислу, став на западном берегу на Сандомирском плацдарме. Немецкие группы армий "Центр" были разгромлены. До Берлина оставалось 600 километров.

29 июля в нашей маленькой группе был большой праздник - мы вместе и порознь поздравили Г. К. Жукова с награждением второй медалью "Золотая Звезда" Героя Советского Союза. Пунцовая от смущения, не смевшая поднять глаза на своего кумира, Лида Захарова вручила Георгию Константиновичу громадный букет. Она была трогательна в отглаженном форменном платьице с узкими фронтовыми погонами лейтенанта м/с, тоненькая русская девушка. С орденом Красной Звезды и медалью "За отвагу" на невысокой груди. Кажется, маршал был рад цветам не меньше, чем потоку поздравлений, в том числе по телефону самим И. В. Сталиным. О чем несколько растерянно поведал нам Бедов. Над чем-то тяжко размышлял в тот день наш железный чекист.

А что поделать? Мы за Вислой! Что ни говори, не умаляя заслуг никого, нельзя не признать - верховным командующим этим походом нескольких фронтов был Г. К. Жуков.

Итак, Красная Армия, освободив свою землю, вступила в Европу, которую мы нашли совершенно иной, чем представляли. Стоило пересечь советскую границу, как мы оказались в ином мире. В Польше почти не видно разрушений, в деревнях скот, лошади. Живут очень прилично. Немцы, отходя на запад, не разрушают ничего и, конечно, не сжигают дома. Удивились, почесали в затылках и порешили - Европа, значит.

Н. Я.: Суждение, быть может, слишком суровое, но по существу верное. Немецкая политика в оккупированных областях Советского Союза коренным образом отличалась от той, которую немецкие власти проводили в Европе, даже в Польше, именовавшейся генерал-губернаторством. Да, Германия обобрала всю Европу, но грабила, опираясь на значительные слои местной буржуазии, которая получала свое хотя бы от военных заказов на нужды вермахта. Местные предприниматели подсчитывали

барыши на крови советских людей, военная продукция шла на Восточный фронт. Естественно, эта установка исключала повальный разгром захваченных областей той же Польши. По сей день остается неизученным вопрос о том, как нажилась на войне против СССР буржуазия оккупированной Европы - от Франции до Польши, от Норвегии до Греции.

Английский журналист А. Верт в уже упоминавшейся книге "Россия в войне 1941-1945" четко указал, как виделась ему проблема, сначала с высоты птичьего полета: "Стоял чудесный солнечный день, когда в конце августа 1944 года мы летели из Москвы в Люблин над полями, болотами и лесами Белоруссии, раскинувшимися на сотни миль вокруг, - теми местами, которые Красная Армия освободила в результате великих битв в июне - июле. Белоруссия выглядела более истерзанной и разоренной, чем любой другой район Советского Союза, если не считать страшной "пустыни", простиравшейся от Вязьмы и Гжатска до Смоленска, За околицами деревень, в большинстве своем частично или полностью сожженных, почти нигде не было видно скота. Это был в основном партизанский край, и, когда мы летели над Белоруссией, нам стало особенно понятно, в каких опасных и трудных условиях жили и боролись партизаны... Немцы сжигали леса, чтобы "выкурить" из них партизан. В течение двух с лишним лет здесь шла ожесточенная борьба не на жизнь, а на смерть - об этом можно было судить даже с воздуха.

Затем мы пролетели над Минском. Весь город, казалось, лежал в развалинах, кроме огромного серого здания - Дома правительства... Трудно было представить себе, что всего три года назад это был процветающий промышленный центр.

Мы летели дальше - к Люблину, в Польшу. Здесь сельские районы выглядели совершенно иначе. По крайней мере внешне казалось, что страна почти не пострадала от войны.

Польские деревни, с их белыми домиками и хорошо ухоженными, богатыми на вид католическими костелами, выглядели нетронутыми. Фронт проходил не очень далеко отсюда, и мы летели низко; дети махали нам руками, когда мы стремительно проносились мимо; на полях паслось гораздо больше скота, чем в тех районах Советского Союза, где побывали немцы; большая часть земли была обработана. Мы приземлились на значительном расстоянии от Люблина, и все деревни, через которые мы затем проехали по ужасно пыльной дороге, оказались почти совершенно такими, какими мы видели их с воздуха, - они выглядели совсем обычно, повсюду было множество скота, а на лугах виднелись тут и там стога сена... Если не считать нескольких сожженных зданий, город, вместе с его замком,

дворцом Радзивиллов и многочисленными костелами, остался более или менее невредимым".

Опытный журналист А. Верт рвался установить, как пережили поляки оккупацию. Особенно в сравнении с тем, что он видел в Советском Союзе. Англичанин, разумеется, горел желанием узнать об отношении местного населения к освободителям. "Люди здесь были одеты, пожалуй, лучше, чем в Советском Союзе, - нашел Верт, - однако многие выглядели очень усталыми и истощенными; чувствовалось, что нервы у них крайне напряжены. Полки магазинов были почти пусты, но на базаре продавалось довольно много продуктов. Однако они стоили дорого, и население города говорило о крестьянах с большим раздражением, называя их "кровопийцами"; ходило очень много разговоров о том, как крестьяне "пресмыкались" перед немцами; достаточно было немецкому солдату появиться в польской деревне, как перепуганные крестьяне сразу тащили ему жареных цыплят, масло, яйца, сметану... Советские солдаты получили строгий приказ платить буквально за все, но крестьяне решительно не желали продавать что-либо за рубли".

Красная Армия - освободительница тщательно следила за тем, чтобы имуществу поляков, упаси Бог, не наносилось ущерба. Как же, вступили в братскую славянскую страну! Войска неукоснительно руководствовались приказом Ставки Верховного Главнокомандования от 9 августа 1944 года:

"Не считать трофеями и запретить изымать на территории Польши у частных владельцев, кооперативных организаций, промышленных предприятий и у городских властей какое бы то ни было принадлежащее им имущество, оборудование и транспорт". Это положение распространялось на немецкие склады с "награбленным у польского населения" имуществом, которое толковалось очень широко продовольствие, медикаменты, гурты скота, строительные материалы, транспорт, заводское оборудование и т. д. Составители приказа совершенно упускали из виду, что генерал-губернаторство изобиловало интендантскими складами, питавшими Восточный фронт, куда свозилось потребное для питания вермахта со всей Европы. Коротко говоря, Польша была тылом, базой обслуживания немецких армий, воевавших против нас.

Ставка не входила в истинное положение вещей, а предписывала обнаруженные склады и прочее имущество "брать под охрану и передавать по акту органам польской власти". Больше того, "в тех случаях, когда на территории Польши польские владельцы поместий, производственных предприятий и торговых заведений отсутствуют (в том числе и в связи с бегством

этих лиц с отступившими немецкими войсками), принадлежащее им и оставленное на месте имущество (зерно и другое продовольствие, скот, готовая продукция, оборудование и сырье, продукция предприятий и т. д.) надлежит немедленно брать под охрану и передавать по актам органам польской власти". Нарушителей ждало строжайшее наказание, вплоть "до предания суду военного трибунала всех лиц, независимо от звания и должностного положения". Подписано: Сталин.

Приказ был доведен до сведения офицерского состава, старшин, и, естественно, охотников нарушать его не находилось.

Благородные цели войны диктовали поведение, исполненное благородства, Красной Армии, вступавшей в Европу, пусть пока на ее задворки, каковыми Запад считал восточную Польшу.

А. Б.: Я бы сказал - рыцарское, и не боюсь этого слова. 27-летний младший лейтенант Саша Бучин, во всяком случае, меньше не думал о своих боевых товарищах и себе. Он приготовился к встрече с "заграницей". Оглядел себя в зеркале: фуражка с черным околышем и погоны с эмблемой - танки свидетельствовали о его принадлежности к танкистам. Это не было его изобретением, органы обожали маскировать тех, кто проходил по их списочному составу. Посему водитель превратился в "танкиста". Диагоналевые бриджи, отглаженная гимнастерка х/б, естественно, б/у, терпимо изношенная. Начищенные сверх меры кирзовые сапоги. Младший лейтенант остался доволен и широко улыбнулся своему отражению в зеркале. Освободитель!

Щеголеватый "офицерский" вид (вот только "кирза" на ногах подводила) приобрести было не очень сложно - спецпоезд переместился в Хелм, сразу за советско-польской границей. До линии фронта было не очень далеко, так что концы в поездках были невелики и по сухому летнему времени неутомительны. Почти сразу пришлось расстаться с представлением о том, что все на освобожденной заграничной земле готовы по-братски обнять нас и прижать к груди. Мой бравый, отутюженный и нарядный (в собственных глазах!) вид никого не удивлял и не трогал, местные жители в массе были одеты много лучше. В лесах около Хелма стали находить предательски убитых наших бойцов и командиров. Политработники не упустили случая объяснить, что это вылазки "отдельных" вражеских элементов. Малопонятно, особенно в районе, где ощущался смрад от дыма из труб крематориев немецкого лагеря уничтожения Майданек, что в трех километрах от Люблина. Среди полутора миллионов жертв нацистских палачей были и поляки, хотя в персонале лагеря, как показали судебные процессы, попадались также поляки.

Далеко не все, видимо, в Польше понимали, что фашисты готовили одну судьбу для всех славян - быть рабами, непокорных ждал крематорий. Жуков сразу после взятия Люблина съездил в Майданек. Я был в отлучке, и маршала отвез в лагерь вместе с Лидой Захаровой один из наших водителей - Витя Давыдов. Лида рассказывала мне, что Георгий Константинович был потрясен до глубины души немецкими зверствами. Сама она не могла без слез говорить об увиденном. Улучив время, я с ребятами отправился в Майданек.

Еще не успели предать земле трупы погибших, в громадном рве лежали трупы убитых выстрелами в затылок советских военнопленных, но заметно опустели недавно переполненные склады, куда немцы собирали одежду и обувь убитых. Мы по простоте душевной решили было, что толпы местных жителей сбегались в это страшное место, чтобы поклониться загубленным, среди убитых наверняка должны были быть и жители Люблина. Может быть, кое-кто пришел для этого, но у основной массы цели были иные. Нам навстречу - нагруженные как верблюды поляки. Люблинцы тащили корзинами, мешками из гигантского сарая обувь погибших. Говорили, что, когда наши вошли в лагерь, там было 850 тысяч пар обуви - от детских ботиночек до модных туфель и рабочих сапог. Поляки хватали поношенную обувь без разбора, теперь все принадлежало им.

На освобожденной земле налаживалась жизнь, а на Западе грохотал фронт. Красная Армия, оставившая за собой с начала наступления 600 километров, все пыталась еще продвинуться вперед. Без больших успехов: по преимуществу приходилось отбивать бешеные атаки немцев на наши завислинские плацдармы. К тому же разразилось восстание в Варшаве. Маршал несколько раз ездил в наши части, вышедшие на подступы к столице Польши. Встречался с Рокоссовским, побывал у Поплавского, который командовал польской армией, созданной в СССР. Не из постных бесед политработников, а по собственному опыту мы понимали, что восстание затеяно с недобрыми целями. Хотя в Люблине обосновалась новая власть - Польский комитет национального освобождения, вылазки аковцев - Армии Крайовой, подчинявшейся польскому "правительству" в Лондоне, не прекращались.

Было вдвойне, втройне обидно за происходившее - стояло чудесное лето, природа радовалась, а на польской земле шло мрачное сражение. Красная Армия один на один дралась с вермахтом при общей пассивности, а иногда и враждебности местных жителей. За них же отдавали жизнь наши бойцы и командиры! Г. К. Жуков в те прекрасные августовские дни

почернел от забот. Мы понимали его, к привычным военным делам добавились хлопоты с вздорными и скандальными польскими деятелями. Во всяком случае, после встреч, хотя и редких, с ними маршал выглядел не лучшим образом. Ему приходилось держать себя в руках политика. Под барабанную дробь не только армейских, но и центральных наших газет о традициях советско-польской дружбы, пролетарском интернационализме, братстве и прочем в том же духе.

Приятной паузой, давшей хоть какую-то разрядку, была неожиданная поездка Жукова на Балканы. В двадцатых числах августа Георгий Константинович самолетом со всеми нами прилетел в Москву. Через несколько дней мы отправились на юг. На двух самолетах. На другом летел главком флота адмирал Кузнецов. Надутый как индюк, красавец мужчина. Георгий Константинович, видимо, недолюбливал адмирала и не пригласил его в свой самолет.

Личный самолет Жукова американский С-47, сменивший нашего трудягу Ли-2, пилотировал подполковник Женя Смирнов. Отличный человек и добрый товарищ. В полете я забрался в пилотский отсек и наблюдал за работой Жени. Привез он нас сначала на промежуточный аэродром под Одессой, где отдохнули. Оттуда в Румынию, сели у городишки Фетешти, где находился штаб 3-го Украинского фронта маршала Ф. И. Толбухина. Места известные по Великой Отечественной, рядом Черноводский мост через Дунай. Он многократно бомбился нашей авиацией, как и лежащий неподалеку порт Констанца. Для меня приятная встреча. На аэродром пригнал машину для обслуживания маршала (довольно потрепанный легковой "студебекер") мой старый московский приятель Саша Страхов. Он был приписан водителем к Особому отделу.

На этом "студебекере" мне пришлось возить по Румынии около трех недель Георгия Константиновича, весь срок его командировки. Румыны, которых довелось видеть, были крайне напуганы и до отвращения подобострастны. Козыряли нещадно, если что-либо приходилось дорогой спрашивать (разумеется, жестами), бросались к машине бегом, по-собачьи заглядывали в глаза и покрывались от страха вонючим потом. Оно и понятно - всего за несколько дней до нашего приезда побитая нами Румыния порвала с Германией.

Более трех лет румынская солдатня воевала на немецкой стороне, добралась вместе со своими хозяевами даже до Сталинграда, грабила и бесчинствовала на нашей земле. Румыны вовремя сбежали от фашистов и сохранили свою страну, я не видел разрушений. Деревня, конечно, бедная, но хозяйства не

разорены, а в городах народ выглядел сытым, одеты неплохо. Они отъедались в войну за счет голода на нашей оккупированной земле. Они одевались за счет того, что наши соотечественники под румынским ярмом ходили в лохмотьях.

Н. Я.: Вы абсолютно правы. Румыния лежит в том регионе, который заселен, по меткому выражению еще Бисмарка, "овцекрадами с Дуная". Сколько было написано и сказано на Западе о том, что Румыния бедная, на грани нищеты страна, убогая окраина Европы. Румынские правители как шакалы примкнули к немецкой агрессии против СССР, в грабеже наших людей они превзошли своих хозяев. Сотни тысяч румынских солдат тащили все, что попадалось под руку. Отправляли в Румынию, по государственной линии посылали увесистые посылки родственникам, наживались на войне против нас.

А. Б.: Мы испытывали злость и душевную боль за горе и страдание нашей страны. Виновники их были перед нами. Как же, Красная Армия не опускается до мести! Тем более что проститутки, румынские правители, объявили о том, что Румыния объявила войну Германии.

Г. К. Жуков прилетел в Румынию подготовить вступление нашей армии в Болгарию. Как обычно, с ходу погрузился в работу. Много трудился в штабах, немало ездил с комфронта маршалом Ф. И. Толбухиным, крупным, спокойным мужчиной. Сидя у меня в "студебекере", они вели рассудительные беседы. Георгий Константинович относился к маршалу как к старому товарищу и, видимо, был доволен проделанным им до нашего приезда. Войска уже выдвигались к болгаро-румынской границе и занимали исходные рубежи.

Неугомонный Жуков, конечно, объехал не только некоторые районы сосредоточения, но провел рекогносцировку самой границы. Меня несколько удивило одно обстоятельство: маршал на этот раз не говорил с солдатами, а ограничил общение небольшим кругом командиров. Он выходил из машины, во главе группы генералов и офицеров уходил на наблюдательные пункты. Иногда в поездке в приграничной полосе приказывал остановить "студебекер" и долго в бинокль изучал местность по ту сторону границы. Маршал на месте отдавал распоряжения. Он ничего не оставлял на долю случая, маршал Жуков. Что до адмирала Кузнецова, то в Румынии его с нами не было, он сразу уехал к морю решать свои флотские дела.

Несмотря на то, что сопротивления болгарской армии не ожидали, и так случилось в действительности, наши во всеоружии подготовились. В Болгарии были немецкие войска. С рассветом 8 сентября Жуков с Толбухиным объехали один из

районов сосредоточения, где царил величайший порядок. Смертельно серьезные офицеры докладывали о готовности к наступлению. Нельзя было не залюбоваться совершенной военной машиной, инструментом победы, какой стала Красная Армия, сумевшая выделить более чем достаточные силы для выполнения в конечном итоге очень второстепенной операции. Стальные громады танков и САУ, бравые танкисты и сонная пехота на грузовиках. Солдат подняли ни свет ни заря. Но сон как рукой снимало, когда наши видели маршала Толбухина и генералов, может быть, кто-нибудь узнал Георгия Константиновича. Широкие улыбки, радостью светились глаза. Разнобой приветствий.

Часам к восьми утра добрались до наблюдательного пункта, Жуков отправился туда, мы откатили машины в укрытие и стали свидетелями невиданного, пожалуй, парада. Красная Армия хлынула на юг, через границу. Знакомая симфония войны грохот танков в клубах пыли и отработанной солярки, рев сотен моторов над головой - наши самолеты плотно "закрыли" небо, патрулируют на разных высотах. Все как всегда, за единственным исключением - не слышно выстрелов. Напряженные артиллеристы на батарее неподалеку коротают время у орудий за разговорами. Но рядом в ровиках снаряды, которые так и не были использованы. Красная Армия не встретила в Болгарии сопротивления.

Н. Я.: А как встретили маршала Жукова в Болгарии?

А. Б.: Георгий Константинович ногой не ступил в Болгарию. Проводил на наблюдательном пункте наши авангарды, наблюдал за их продвижением по болгарской земле в стереотрубу и поехал обедать в столовую какой-то части на румынской территории. Он оставался в Румынии еще с неделю, очень много работал в штабах и относительно мало ездил. Это дало возможность мне досыта наговориться с Сашей Страховым, водившим одну из машин сопровождения с охраной. Натерпелся Саша на фронтах немало и, увы, пристрастился к "зеленому змию", а это всегда рано или поздно скажется. Договорились мы с Сашей встретиться "в шесть часов вечера после войны", но я его больше не увидел. Вскоре после нашего отъезда он попал в аварию и погиб.

Н. Я.: Я обращал внимание на то, что в мемуарах Жукова в разделе, где повествуется о походе в Болгарию, Георгий Константинович не сообщает никаких подробностей о нем и глухо замечает: "Мне не удалось тогда познакомиться поближе с этой страной". Выглядит более чем странно. И все же поддается объяснению. Обратившись к логике, ибо описанную странность едва ли когда-нибудь удастся разъяснить документально. В делах

такого рода документации не оставляют.

В начале четвертого, как понимали все в СССР, завершающего года Великой Отечественной Г. К. Жукова единодушно приветствовали как национального героя, спасителя Отечества. В армии безоговорочно признавали - имея Жукова во главе, можно штурмовать небо. Ни один другой маршал даже отдаленно не приближался по популярности к нему. Без Георгия Константиновича не обходилась ни одна крупная операция, завершавшаяся разгромом и очередным избиением немцев. К величайшей скорби для сталинских культостроителей, чем ближе была победа, тем ярче сияла звезда Г. К. Жукова. С их точки зрения, было излишне венчать его еще новыми лаврами - участием в освобождении Балкан. Жуковская слава перешагнула бы границы, и он выступил бы как освободитель и братских славянских народов. Сталин, и это у него не отнять, неплохо знал отечественную историю и крепко запомнил: Скобелев, "генерал на белом коне", приобрел свою славу в России и славянском мире именно в Болгарии.

Но могут возразить - чтобы не создавать этих трудностей, Сталину было бы достаточно не привлекать Жукова к операциям на Балканах, освобождению Болгарии. Тут проявился сталинский прагматизм: наученный горьким опытом войны, он хотел исключить элемент риска. Красная Армия, увязшая в тяжелых боях в широком смысле на берлинском направлении, имела на руках еще кампанию на Балканах. Всякое могло случиться - в болгарской армии значилось более полумиллиона, а, имея на месте действия Г. К. Жукова, можно было поручиться за успех. Дело будет сделано, и как следует. Видимо, такими соображениями руководствовался Сталин, несомненно, "посоветовавший" Г. К. Жукову не появляться в Болгарии и никак не обнаруживать своего присутствия на Балканах летом 1944 года.

Как и когда именно это было сделано, остается только гадать. Может быть, в прочувствованной беседе с Г. Димитровым в Москве, о которой Георгий Константинович тепло написал в мемуарах? Может быть, вождь болгарского народа, для которого Красная Армия добывала его страну, обратился с этой деликатной просьбой к маршалу? Как знать. Прямодушный Георгий Константинович, видимо, не задумался над смыслом этих внушений, откуда бы они ни исходили, и как военный принял их к сведению и исполнению. Надо думать, И. В. Сталин внутренне посмеивался - Болгарии с лихвой хватит одного освободителя, каким явился в представлении ее народа маршал Ф. И. Толбухин. Два маршала, да еще когда другим был бы Г. К.

Жуков, было бы большим перебором. Как говорится, по Сеньке шапка.

А. Б.: К тому же едва ли Г. К. Жуков видел что-либо выдающееся в организации марша наших войск в Болгарии. Он, занесший в свой актив победы, которые не померкнут в веках.

Где-то в середине сентября через Москву Жуков вернулся на 1-й Белорусский. За несколько недель нашего отсутствия обстановка не изменилась, войска проливали кровь почти на прежних рубежах. У каждого свои дела - Г. К. Жуков творил эпохальные, водитель Саша Бучин подыскивал машину для маршала. Предстояла осень, за ней зима, дороги в Польше не радовали. Опять возить Георгия Константиновича на "виллисе" в фанерной коробке было бы слишком. Жуковский спецпоезд перегнали в Седльце, где мы прочно обосновались на несколько месяцев. Забегая вперед, скажу - на этой станции закончились странствования состава по железным дорогам. После взятия Варшавы Жуков оставил поезд и больше в него не возвращался. Осенью 1944 года до этого еще было далеко, мы наслаждались относительным комфортом и не обращали внимания на то, что до линии фронта было меньше ста километров. Немцы, как обычно, спецпоезд так и не обнаружили. Маскировка была совершенной.

Трофейных машин у нас было немало. Опробовал неплохой с виду "мерседес", оказался слабым, проходимость ниже всякой критики. Пригнали "хорьх". Я по привязанности к моей любимой фирме занялся машиной всерьез. Отрегулировал восьмицилиндровый мотор. Опробовал автомобиль на скорость на ровном участке шоссе. Полетел как ветер и даже сбил стаю воробьев, не успевших увернуться от радиатора. Собрал убитых птичек и по возвращении в поезд попросил повара маршала, добрейшего Николая Ивановича Баталова, приготовить мою "дичь, добытую на охоте". Он улыбнулся, ощипал и соорудил жаркое. Вкуса не помню, а смеха было много.

Хлопоты с "хорьхом" кончились неожиданно и просто. Меня командировали в Москву осмотреть доставленный из Болгарии трофейный бронированный "мерседес", кажется, немецкого военного атташе в Софии. Оказалось - чудо-машина: мотор 230 л. с., вес 5,5 тонны. Всего на полтонны меньше бронированных "паккардов" Сталина и Молотова. Машина новая, ее привезли по железной дороге, на спидометре всего около тысячи километров. Стало здорово горько, мы напрягаем все силы, а в Германии производят в военное время такие, машины. Какую же окаянную мощь сокрушает Красная Армия! Машину, конечно, забрал. В ГОНе под руководством Удалова осмотрели "мерседес", сделали профилактику и пожелали доброго пути.

На Минку - и пошел. "Мерседес" оправдал самые высокие надежды: несмотря на вес, легкий в управлении, естественно, сказочно устойчивый, а мощный радиоприемник скрасил дорогу. Над искалеченной Европой радиоволны несли безмятежную танцевальную музыку. По ней соскучился, на трофейных машинах приемники обычно снимали, чтобы не слушали враждебные передачи, на отечественных их не было. По дороге держал иной раз до 150 километров, "мердседес" шел как самолет. Несмотря на задержки на КПП, управился пригнать автомобиль в Седльце меньше чем за сутки. Маршалу автомобиль понравился, он обошел его несколько раз, открыл и закрыл тяжелую дверь. Хлопнула, как люк в танке, но мягко.

До конца войны и в первые послевоенные годы этот "мерседес" стал служебной машиной маршала.

Жуков в ту осень все разбирался с обстановкой на подступах к Варшаве. Авантюристы, подняв восстание, надеялись захватить город и закрепиться в нем. Прием для нас не новый - во время летнего наступления банды Армии Крайовой бросались то на Вильнюс, то на Львов, спеша захватить эти города до подхода наших. Немцы разгоняли их, и города с боями и жертвами брала Красная Армия. Такая же ситуация сложилась с Варшавой. Мы знали о категорическом приказе Москвы - во имя добрых отношений с братским народом помочь повстанцам. Это повлекло за собой тяжкие потери в безрезультатных боях на висленском рубеже, особенно в "мокром треугольнике" (развилка Вислы, Буга и Нарева), где дралась армия Батова.

Пробежав из Белоруссии 600 километров, немцы, видимо, опомнились и стояли насмерть, понимая, что Красная Армия идет на Берлин. Они бились с невероятным упорством. Показательный эпизод: Жуков с несколькими генералами добрался до наревского плацдарма. Мы, водители, доставившие генералов; отогнали машины в укрытия поблизости, собрались в кружок, разговариваем. Вдруг какое-то смятение. Смотрим. Из облаков вывалился немецкий истребитель и пикирует прямо на группу начальства. Те с завидной резвостью бросились в лесок. Истребитель прошел над полянкой и исчез.

Жуков и остальные снова появились на поляне как раз в тот момент, когда над нами пошли девятки Ил-2, оставляя за собой море огня на вражеских позициях. Тут снова объявился настырный немец. Почему-то наши штурмовики работали без прикрытия, и "мессершмитт" попытался атаковать их. Хвостовые стрелки сосредоточенным огнем отогнали наглеца. Илы ушли, а немец взялся за свое - стал пикировать на ту же группу. Жуков быстро увел всех под деревья. "Мессершмитт" покрутился над

поляной и скрылся. Наверное, расстрелял боезапас в заходах на штурмовиков.

Решив дела, Георгий Константинович, усаживаясь в машину, заметил: "Силен ас, орден дать не жалко!" На него произвела сильное впечатление дерзость немецкого летчика, осмелившегося атаковать армаду наших штурмовиков.

Н. Я.: На земле в "мокром треугольнике" было не лучше. На мой взгляд, описание сражения за наревский плацдарм - одни из лучших страниц в книге К. К. Рокоссовского "Солдатский долг", они доносят до потомков испепеляющую ярость тех жутких боев: "На этот участок, расположенный в низине, наступать можно было только в лоб. Окаймляющие его противоположные берега Вислы и Нарева сильно возвышались над местностью, которую нашим войскам приходилось штурмовать. Все подступы немцы простреливали перекрестным артиллерийским огнем с позиций, расположенных, за обеими реками, а также артиллерией, расположенной в вершине треугольника".

Очередная атака войск 1-го Белорусского: "В назначенное время наши орудия, минометы и "катюши" открыли огонь. Били здорово. Но ответный огонь противника был куда сильнее. Тысячи снарядов и мин обрушились на наши войска из-за Нарева, из-за Вислы, из фортов крепости Модлин. Ураган! Огонь вели орудия разных калибров, вплоть до тяжелых крепостных, минометы обыкновенные и шестиствольные. Противник не жалел снарядов, словно хотел показать, на что он еще способен. Какая тут атака! Пока эта артиллерийская система не будет подавлена, не может быть и речи о ликвидации вражеского плацдарма. А у нас пока и достаточных средств не было под рукой, да и цель не заслуживала такого расхода сил".

Нельзя было в угоду авантюристам и дилетантам в военном деле подвергать бессмысленному избиению войска в тщетных попытках пробиться к Варшаве. Тем более что главари восстания, бросая на немецкие танки варшавян, отталкивали руку помощи, которую из последних сил протягивал 1 -и Белорусский. Одновременно паны, забравшиеся в глубокие бункеры, завыли на весь свет о том, что будто бы они брошены на произвол судьбы. Причитания эти насквозь лицемерные, однако производили впечатление на тех, кто не знал обстановки из первых рук. Наверное, даже на Сталина, требовавшего атаковать и атаковать. Он думал, что тем самым забивает сваи в основание какой-то демократической Польши. Наконец Жуков и Рокоссовский взорвались, доложив в Ставку - хватит наступать. Хватит губить людей. В начале октября последовал вызов непокорных маршалов в Москву. Обоих.

Разъяренный Сталин со свитой - Молотовым, Берией и Маленковым - встретил предложения Жукова и Рокоссовского в штыки. Выслуживаясь перед Верховным, самозваные стратеги Молотов и Берия забросали маршалов увесистыми упреками за то, что они-де останавливают наступление победоносных войск. Берия еще иронически присовокупил: "Жуков считает, что все мы здесь витаем в облаках и, не знаем, что делается на фронтах". Он определенно занимался подстрекательством Сталина.

Жуков как отрезал: "Это наступление нам не даст ничего, кроме жертв". Он указал, что Варшаву нужно брать по-иному, с юго-запада, обходом. Рокоссовский, хотя и не очень решительно, поддержал Жукова. На упрек Георгия Константиновича, когда они остались вдвоем, Рокоссовский мудро ответил:

"А ты разве не заметил, как зло принимались твои соображения. Ты что, не чувствовал, как Берия подогревает Сталина? Это, брат, может плохо кончиться. Уж я-то знаю, на что способен Берия, побывал в его застенках". Тут, как говорится, крыть нечем. Жуков тем не менее отстоял свою точку зрения.

Наступление приостановили.

В новейшей (вышла в сентябре 1993 года) и, пожалуй, первой на Западе научной биографии Г. К. Жукова, написанной американским полковником У. Спаром "Жуков: возвышение и падение великого полководца", именно эта октябрьская конфронтация 1944 года приводится как показатель основной черты характера маршала - он "шел на "Вы", даже если этим "Вы" был И. В. Сталин. Георгий Константинович, воздает должное Спар, твердо отстаивал перед Сталиным свои взгляды. Пусть это было во вред Жукову, но несло благо стране. Суть тогдашнего опасного спора Жукова в Ставке - требование маршала беречь солдат. По этой и только этой причине наступление было остановлено. Пренебрегая личной безопасностью, маршал пекся о безопасности тех, кого Ставка была готова пожертвовать во имя дружбы с народами Европы, во имя напыщенных лозунгов, оборачивающихся очередным кровопусканием для России. Именно эту черту характера Жукова не упустил американский аналитик У. Спар, который ко многим годам службы в армии США добавил 14 лет работы в ЦРУ по советской тематике.

Последствия Жуковского упорства и солидарности двух маршалов известны. Сталин внезапно назначил его командующим 1-м Белорусским фронтом, переместив Рокоссовского на 2-й Белорусский фронт. Это означало, что Берлин должны были брать войска под командованием Г. К. Жукова. Рокоссовский, естественно, был уязвлен до глубины души, не понимая, что если между маршалами пробежала кошка, то ее пустил Сталин. Жуков отнюдь не напрашивался на место боевого товарища. Во всяком случае, с глубокой горечью признался Жуков в мемуарах, "между Константином Константиновичем и мною не стало тех теплых товарищеских отношений, которые были между нами долгие годы". Сталин добился своей тайной цели - развел двух маршалов, на душе у которых остался осадок взаимных горьких обид.

А. Б.: Кризис в отношениях прославленных полководцев, мне

кажется, я ощутил странным и необычным образом. Единственный раз за всю войну Георгий Константинович на моих глазах крепко выпил, утратил свою привычную невозмутимость и несравненную сдержанность. Видимо, саднила глубокая рана, которую нанесла, пусть замаскированная, размолвка с товарищем по службе. Походам и боям. Хотя тогда я даже отдаленно не представлял причин странного поведения Георгия Константиновича.

Все началось, проявилось и закончилось в один день -19 ноября 1944 года в только что введенный праздник - День артиллерии. Когда в середине ноября пришел приказ о назначении Жукова комфронта, он не поторопился в штаб, а отправился в армию Чуйкова. Рокоссовский, в свою очередь, не дожидаясь преемника, немедленно выехал к месту назначения в штаб 2-го Белорусского. Через несколько дней маршалы остыли и, видимо, поняли, что для пресечения нежелательных толков им нужно встретиться хотя бы для формальной передачи дел. Тут и подоспел День артиллерии.

Утром Георгий Константинович закончил дела у Чуйкова и не сел, а ввалился в "мерседес". Тронулись. Он вдруг обнял меня и, невнятно выговаривая слова, сказал: "Сашка, я тебя люблю. Если что, посылай их на..." Я оторопел. Только пролепетал: "Товарищ маршал, не мешайте, угодим в кювет". Жуков убрал руку и продремал до самого штаба. В штабе фронта уже дожидались Рокоссовский, много генералов. Рассказывали, что на вечере выступали они оба, делились воспоминаниями о службе в кавалерии в молодости. Вышли оживленные, обнялись, простились, а когда мы тронулись, Георгий Константинович, вопреки привычке усевшийся сзади, затих, помрачнел. Был Туман, слабый гололед. Регулировщица с карабином сделала жест, останавливая машину. Бедов, сидевший рядом, говорит: "Давай, жми!" Вдруг с заднего сиденья голос Жукова: "Стой! Сейчас ударит по колесам". Остановились. Бедов рысью помчался объясняться с бдительной девчонкой. Вернулся запыхавшись. Поехали. Тут Жуков сказал совершенно трезвым голосом: "Бучин, теперь ты в ответе за все", - и заснул мертвым сном. Проспал до самого Седльце.

Георгий Константинович на другой день вышел к машине как обычно. У меня никогда не возникало охоты вспоминать при нем, да и вообще перед кем-нибудь еще День артиллерии 19 ноября 1944 года. Рассказываю об этом первый раз. Нужно знать - Георгий Константинович был очень ранимый человек. Бедов сделал какие-то выводы. Отныне он был со мной всегда подчеркнуто любезным, вежливым. У людей такого типа первый

признак - жди неприятностей.

Фронт стабилизировался, и наша жизнь вошла в размеренную колею, если можно считать войну нормой. Разъезды по армиям, полеты в Москву. Военная рутина, и как-то незаметно подошел год Победы, 1945-й.

1-й Белорусский вступал в него, я бы сказал, в расцвете сил. Это было видно: части и соединения пополнились, по срочно перешитой колее подходили все новые эшелоны с техникой, боеприпасами. В войсках ощущался величайший подъем впереди Берлин!

Н. Я.: К. К. Рокоссовский, обозревая заботы командования на всех фронтах берлинского направления в то время, заметил:

"Советский народ в достатке обеспечил войска лучшей по тому времени боевой техникой. Преобладающее большинство сержантов и солдат уже побывало в боях. Это были люди, как говорится, "нюхавшие порох", обстрелянные, привыкшие к трудным походам. Сейчас у них было одно стремление - скорее доконать врага. Ни трудности, ни опасности не смущали их. Но мы-то обязаны были думать, как уберечь этих замечательных людей. Обидно и горько терять солдат в начале войны. Но на пороге победы терять героев, которые прошли через страшные испытания, тысячи километров прошагали под огнем, три с половиной года рисковали жизнью, чтобы своими руками завоевать родной стране мир... (отточие автора. - Н.Я). Командиры и политработники получили категорический наказ: добиваться выполнения задачи с минимальными потерями, беречь каждого человека!"

А. Б.: Как ни прекрасно звучат эти слова в мемуарах, писанных на излете жизни Константина Константиновича, тогда, глубокой осенью 1944 года, фронтовики - от солдата до маршала - с сокрушенными сердцами ожидали завершающих сражений. Знали, что неизбежно потеряем многих из тех, кто рядом с нами радовался, предвкушая победу. Да и самому никак не отогнать мысль о собственном будущем. По всем доступным источникам с той стороны фронта приходило - немцы собирают все силы и готовятся дать последний, смертный бой.

В конце ноября Георгий Константинович в дороге включил в "мерседесе" радио, что он делал редко. Крутанул ручку настройки, и мы услышали отчетливую русскую речь теперь недалекой немецкой радиостанции. Может быть, говорила Прага, а скорее всего Берлин. Шел репортаж о каком-то фашистском сборище, на котором подал голос Власов. Его, по-видимому, вытащили к микрофону, чтобы подбодрить павших духом немцев. Речь Власова сопровождалась переводом на немецкий. Предатель

обещал разбить нас, безудержно хвастаясь своей "армией", за которой-де пойдут генералы Красной Армии, только и мечтающие перебежать к немцам. Георгий Константинович послушал несколько минут, резко выключил приемник и, ткнув кулаком в его сторону, сказал: "А вот это видел!" И нецензурно выругался.

Плохие времена наступили для фашистской нечисти, если они стали возлагать надежды на власовцев. Я совершенно не согласен с теми, кто утверждает, что в составе вермахта воевали-де части РОА. За исключением отдельных предателей мы частей власовцев на фронте не видели. Существование РОА было не больше чем выдумка геббельсовской пропаганды. То, что Власова выпустили в эфир, показатель отчаянного положения Германии под ударами Красной Армии. Показатель одновременно и того, что немцы бросают против нас все.

Н. Я.: Как виделось вам тогда, на рубеже 1944-1945 годов, соотношение сил на фронте?

А. Б.: Превосходство Красной Армии было очевидным и не вызывало ни малейших сомнений. Другое дело, как разумно распорядиться им. Думаю, что этим был прежде всего озабочен Г. К. Жуков в завершающие месяцы войны. Иначе ничем не объяснить паузу в боевых действиях на 1-м Белорусском, затянувшуюся почти до середины января 1945 года. Да, в Восточной Пруссии, севернее нас, и южнее, в Венгрии, на Балканах, бушевали лютые сражения, наш фронт на главном, берлинском направлении молчал. Оживал только по ночам его тыл.

В кромешной темноте самых длинных ночей года шло перемещение сил и средств вперед. Жуков довольно часто объезжал районы сосредоточения войск. Было что-то величественное, таинственное и устрашающее в ночных маршах могучей техники 1945 года. Не рев, а рычание двигателей тяжелых танков, САУ и артиллерийских тягачей. Разноцветные, вспыхивающие на миг огоньки карманных фонариков офицеров и регулировщиков. После войны историки подсчитали - фронт располагал 4000 танков и САУ (это в составе танковых армий и корпусов, не считая танки непосредственной поддержки пехоты, а их было еще около тысячи), на позиции становилось более 10 000 орудий. Грозную технику размещали в основном на завислинских оперативных плацдармах - "северном" (Магнушевском) и "южном" (вблизи города Пулава).

В эти недели напряженной подготовки маршал много раз побывал в районе обоих плацдармов. Я чуть ли не автоматически стал выполнять его лаконичные указания - "на южный!", "на северный!". Помимо прочего, нужно было обладать поистине

кошачьим зрением и сказочной памятью, чтобы в декабрьской темноте и мгле не перепутать подлинные районы сосредоточения с ложными. Основные удары должны были наноситься порядком южнее Варшавы, а напротив города и непосредственно южнее его специальные подразделения сосредоточивали две ложные танковые армии. Соорудили даже почти сорокакилометровую железнодорожную ветку, по которой гоняли составы с макетами танков и орудий к Варшаве. Как почти всегда на той войне, немцев провели за нос - они заглотили блесну и соответственно расположили войска, обратив особое внимание на подготовку отражения атаки "танков" из фанеры, досок и картона.

Должны были пройти годы и годы, чтобы из мозаики тогдашних впечатлений Саши Бучина у меня сложилась цельная картина происходившего. Потребовались размышления, штудирование книг, а что могли сообразить немцы в считанные дни. Я был там, где "солдатский вестник" был самым информированным, - при штабе фронта. 12 января узнали - южнее выступил Конев, на следующий день севернее выступил Рокоссовский. Наш фронт двинулся только 14-го. Как-то странно начал наступление - артподготовка не продлилась и получаса, внезапно оборвалась. В бой пошел "особый эшелон" - в основном пехота. Могучие танковые армии не двигались с места, замерев в районах сосредоточения. Все развивалось не так, как обычно, но необычным по размаху оказался наш успех.

Причины выяснились позднее, и о них нужно сказать, ибо это показатель мастерства Красной Армии по сравнению с вермахтом. На первом месте я бы поставил руководство маршала Жукова. В отличие от прежних времен Георгий Константинович практически не покидал своего командного пункта. Страшная машина войны управлялась им из-за письменного стола, из служебного кабинета, рядом мощный узел связи. Он больше не мотался по штабам частей и соединений, не ползал по переднему краю. Нужные генералы вызывались в штаб фронта. Этого стиля работы Г. К. Жуков отныне придерживался до самого конца войны.

Короткая артподготовка? Жуков сэкономил снаряды, которые скоро ох как пригодились! Почему первой пошла царица полей, матушка пехота? Маршал тем самым сохранил танки, которые вошли в прорыв только на третий день наступления через проходы, пробитые бессмертными пехотинцами. Когда обе наши танковые армии - 1-я и 2-я гвардейские рванулись вперед, участь немцев в Варшаве была решена. Выступив в основном с южного, магнушевского плацдарма, они потоком шириной свыше ста километров устремились на запад. Оставшуюся уже в глубоком тылу Варшаву мы освободили 17 января. На радость варшавянам,

среди наших солдат мелькали фигуры в конфедератках, в город вступила и 1-я армия Войска Польского.

Жуков с началом наступления перевел командный пункт фронта в Прагу, предместье Варшавы на правом берегу Вислы. Как только немцев выбили из города, саперы мигом навели понтонный мост, и Георгий Константинович объехал часть польской столицы. Город был разбит почти так, как наши советские города. Пожалуй, то был единственный случай за время наступления в Польше, когда мы столкнулись с редкими разрушениями, напоминавшими повсеместные злодеяния немцев на наших землях.

По делам мне пришлось тогда несколько раз побывать в Варшаве и наблюдать удивительную картину: солдатня Войска Польского обнималась и бражничала с варшавянами, а множество предельно усталых наших саперов с сосредоточенными лицами разминировали центральные улицы города, очищали их от битого кирпича, всякого хлама. Они очень торопились - 20 января в Варшаве состоялся парад Войска Польского. Подрывов людей и техники во время прохождения и проезда победителей не отмечалось. Наши саперы хорошо поработали. Маршал Жуков на параде не был, он не мог вырвать и часа - наступление набирало темпы.

Эти считанные недели запомнились мне по бесконечным переездам вслед за Красной Армией, нещадно гнавшей немцев. Вскоре после овладения Варшавой штаб фронта переместился в городок Кутно. Для Жукова подобрали домик на окраине, который оставили немецкие хозяева. Саперы тщательно проверили его на предмет замаскированных мин.

Суетился, создавал невероятную сумятицу и нервозность низкорослый генерал-полковник И. А. Серов, новый подарочек от НКВД, появившийся около Жукова примерно в это время. Бедов ликовал, всем видом показывал - нашего полку прибыло. Эти оба как будто сошли с одной колодки, те же повадки, та же пугающая, лживая любезность и предупредительность. Малопривлекательный Серов с фальшивой улыбкой, скорее ухмылкой, формально ведал на нашем 1-м Белорусском контрразведкой. Каждый понимал - дело нужное и важное, мы находились в чужой и чуждой стране. Только Серов больше занимался не официально порученным ему делом, а шнырял по штабу, проявляя липкий интерес к маршалу и нам, близкой к Жукову "группе обслуживания". Серов кое-как водил машину и на этом основании с невинным видом затевал с нами, водителями, "профессиональные" разговоры, которые выливались в омерзительные расспросы, что и где сказал Георгий

Константинович, куда пошел, как реагировал на то или другое, радовался (чему?) или хмурился (почему?) и так далее. Губы его кривились в подобии улыбки, но неподвижные змеиные глаза выдавали профессию убийцы. Откровенно говоря, было порядком жаль Г. К. Жукова, которому приходилось терпеть около себя этого так называемого генерала. Мы-то за войну привыкли уважать генеральские погоны на плечах боевых военачальников, а этот с повадками мелкого стукача позорил высокое воинское звание.

Мы, "группа обслуживания" маршала, понимали, что в Кутно не задержимся фронт стремительно катился на запад, и даже не просили тыловиков подобрать нам помещение под жилье. Помимо прочего, не хотели обременять их хлопотами поляков наша армия не тревожила, из домов не выселяла. Что касается немецкой недвижимости, то куда работникам нашего тыла состязаться по быстроте с теми же поляками, они моментально захватывали пустующие помещения. За неделю с небольшим нашего пребывания в Кутно я ночевал в "мерседесе".

Следующая остановка на пути в Берлин - город Гнезно.

Тут мы подзадержались. Проученные "решением" квартирного вопроса в Кутно, мы, опередив поляков, заняли первый же пустой домик поблизости от дома, отведенного Г. К. Жукову. Немецкие хозяева дали тягу, оставив все имущество, включая посуду. Это позволило отпраздновать с друзьями широко по фронтовым условиям мой день рождения 2 февраля 1945 года. В брошенном складе ребята нашли деревянный бочонок со спиртом, флягу искусственного меда. Собрали кой-какие консервы из пайка и трофейные. Все пустили в дело.

Баталов оказался на высоте, состряпав вкусный обед, который я запивал трофейным эрзац-кофе. Напиток отвратительного вкуса, но что делать - за трезвость приходилось платить. Мои товарищи наслаждались подкрашенным чаем спиртом. Они налили его в чайник и торжественно распивали из сервиза. В разгар веселья в дверь просунулся лисий нос, возник собственной персоной Бедов. Развеселившиеся ребята предложили дяде побаловаться "чайком", налив полную чашку. Эмгэбэшник счел ниже своего сиволапого чекистского достоинства распивать чаи с грубыми шоферюгами. Дал маху бдительный из бдительных! Отведав "чаек", он бы получил возможность результативно поработать, затеять громкое дело о "пьянстве". Думаю, что и Серов в стороне не остался, очень он был похож по повадкам на Бедова. Когда за чекистом закрылась дверь, мы чуть не лопнули от смеха. Исполнилось мне в тот день 28 лет. Как давно это было!

В Гнезно немцы оставили на станции массу эшелонов. Мы с

водителем генерала Малинина съездили туда и на складе СС набрали тюк форменной одежды эсэсовцев. Приехали к себе и раздали ребятам. Добротные черные мундиры пригодились как просторные спецовки лазать под машинами. Пошитые на упитанных палачей, они легко надевались поверх наших суконных гимнастерок и брюк, а черный цвет был именно то, что нам требовалось. Масло и грязь не так были видны.

Н. Я.: А как складывались отношения с местным населением? Вас, наверное, приветствовали как освободителей?

А. Б.: Конечно, приветствовали, когда население получало из рук Красной Армии немецкое имущество. Впрочем, часто не дожидалось, пока дадут, а хватало все, что плохо лежало. На той же станции Гнезно мы добыли эсэсовские мундиры только потому, что склад находился под крепкой охраной наших войск. А вокруг слонялись самые подозрительные фигуры с алчным блеском в глазах. Удивляло и обилие мужской молодежи призывного возраста, пересиживавшей войну. Пусть Иван воюет.

Поражало и то, что мы почти не видели читающих поляков ("Что они, враги слова печатного?" - как-то недоуменно вырвалось у Георгия Константиновича), да и книг нам почти не попадалось ни в пустых немецких домах, ни в жилищах местных жителей. Мы пришли в обывательскую Европу носителями высшей культуры, в которой превыше всего ценились знания. В Польше, насколько мы могли судить, молились мелочной торговле. На каждом шагу натыкались на торгашей, что-то продававших, менявших и по этому случаю пытавшихся вступать в контакт с нами нельзя ли хоть чем-нибудь поживиться у Красной Армии. Торгашеский дух пронизывал всю страну.

Чем дальше мы шли по Польше, тем лучше понимали и другое - Красная Армия вскрыла тыл немецкого Восточного фронта, питавшего вермахт в войне против нас. Приняв за чистую монету разговоры чуть ли не о любви местного населения к нам, мы на первых порах торопились улыбаться, протягивать руки и прочее. Прием обычно был холодноватый. Как-то с приятелем мы проезжали на "виллисе" по улице Гнезно и услышали громкую музыку, доносившуюся из большого дома. Остановились, вошли. В зале отплясывала польская молодежь. Но потанцевать нам не удалось, барышни жались, глядели на нас как на зверей.

Обидно было даже не это, а то, что, пройдя тысячи километров по нашей сожженной и разрушенной войной Родине, мы попали в мир, проживший эти годы, может быть, и не в роскоши, но в относительной сытости. Опрятные города, упитанные деревни, прилично одетая публика. Могу поручиться: удивляло все это Георгия Константиновича и было чуждо ему, как

и шепелявая речь, слышавшаяся на улицах, когда нам приходилось неторопливо проезжать через населенные пункты. Нет, не встречали нас в Польше хлебом-солью, да мы и не просили. Обходились своим.

Н. Я.: А мы торопились сунуть хлебные караваи в разинутые по уши рты европейцев, подуставших работать на нацистскую Германию. Едва освободили Прагу, как 26 сентября 1944 года для жителей этого предместья Варшавы из запасов Красной, Армии передали 10 тысяч тонн муки. 27 января 1945 года ТАСС оповестил: "в знак дружбы с польским народом" советские республики безвозмездно передают для населения Варшавы 60 тысяч тонн хлеба, в том числе: Украина - 15, Белоруссия - 10, Литва - 5, РСФСР - 30 тысяч тонн. Через два дня командование 1-го Белорусского во главе с Г. К. Жуковым докладывает Сталину о выполнении его "приказа" - "мощным ударом" разгромить немецкую группировку и "стремительно выйти к линии польско-германской границы", то есть существовавшей до сентября 1939 года. В документе любезная адресату - Сталину - марксистская риторика сочеталась с реальной оценкой положения "вызволенных из фашистской неволи наших братьев поляков", точнее, Польши в довоенных границах. "Стремительное продвижение войск (400 километров за 17 дней. - Н.Я.) воспрепятствовало гитлеровцам разрушить города и промышленные предприятия, железные и шоссейные дороги, не дало им возможности угнать и истребить польское население, вывезти скот и продовольствие". Разумеется, немцы разрушили Варшаву, но остальная Польша цела. "Рабочие и служащие фабрик и заводов на месте и готовы приступить к работе... Польский народ, освободившись с помощью (!) Советского Союза от немецкого ига и получив из рук Красной Армии все сохранившиеся после изгнания немцев богатства, активно борется за восстановление Польши".

В то время в Польше с нетерпением ждали окончания войны, было широко известно, что страдальцы получат значительные территориальные приращения за счет Германии - земли на западе и в Восточной Пруссии. На исходе зимы 1944/45 года их еще предстояло отвоевать. Силами и кровью Красной Армии. В боях за освобождение Польши пало 600 тысяч наших, у Войска Польского потери составили 26 тысяч человек.

А. Б.: Да, бои шли с неослабевавшей силой. Хотя Польша к исходу января была освобождена, продолжалось тяжелое сражение за Познань, обложенную армией В. И. Чуйкова. Когда штаб был в Гнезно (взгляните на карту километров сто к востоку и немного к северу от Познани), Жуков гневался, что Чуйков

"возится" с окруженным городом. Он сделал редкое для того времени исключение - выехал в войска, в штаб Чуйкова. Разговоры там наверняка были крутые. Визит маршала подтолкнул Чуйкова, Познань пала 23 февраля 1945 года.

Фронт уже с начала февраля перехлестнул за Одер. Тогда у нас пошли разговоры о том, что можно и нужно немедленно взять Берлин. Эмоциональный накал понятен. Жуков так провел январское наступление от Вислы, что немцы не успевали занимать заранее подготовленные рубежи. Откровенно говоря, у меня холодок пробегал по спине, когда во время поездок с различными поручениями мне удавалось вплотную взглянуть на укрепленные позиции, которые немцы подготовили для встречи Красной Армии. Взять хотя бы Мезерицкий укрепленный район, прикрывавший кратчайшее направление на Берлин. Междуречье Варты и Одера изрезала и изуродовала система долговременных укреплений. Чудовищные доты со стальными колпаками остались безмолвными памятниками несбывшихся надежд обескровить Красную Армию. Наши героические войска упредили немцев, опоздавших посадить в укрепления свои гарнизоны.

Если проткнули немецкий фронт здесь, тогда какие разговоры. Еще рывок, и мы в Берлине!

Н. Я.: Именно этого ожидали немцы. Но Жуков счел необходимым до возобновления марша на Берлин освободить от нависшей угрозы правый фланг фронта, разгромить врага в Померании. Уже в начале февраля из десяти армий 1-го Белорусского только неполные четыре остались на берлинском направлении, остальные шесть (включая обе танковые) развернулись фронтом на север. Жуков поступил абсолютно правильно, добивая немцев в Померании, он приблизил конец Берлина. Он посрамил наших легкомысленных оптимистов, не понимавших, что безоглядное наступление на Берлин без ликвидации померанской группировки авантюра.

Когда исход сражения в Померании был очевиден, Геббельс записал 15 марта в своем дневнике: "Фюрер непрерывно указывал на то, что советский удар будет направлен против Померании, и выступил против мнения экспертов, что этот удар будет направлен на Берлин. К сожалению, это его мнение, которое было основано больше на интуиции, чем на опыте, не было подкреплено четкими приказами... Наши генштабисты ожидали от Советов точно такой же ошибки, какую мы сами допустили поздней осенью 1941 года. При разработке планов окружения Москвы, а именно: идти прямо на столицу врага, не заботясь о прикрытии флангов. С этим мы здорово просчитались в свое время". Жуков не просчитался.

А. Б.: Во время сражения в Померании Георгий Константинович не покидал штаб фронта, который передислоцировался на запад. Из Гнезно мы переехали в Биренбаум - небольшой городок на берегу озера. Маршал не отрывался от штабных дел, и, выкраивая время, я с увлечением гонял на трофейном мотоцикле, пятисоткубовом БМВ Р-51. Доставил "развлечение" и Лиде Захаровой. Она уселась у меня за спиной, и мы понеслись. Судя по писку, доносившемуся сзади, Лида слегка перепугалась. Я не утратил навыки мотогонщика. Очень она благодарила за прогулку, но больше проехаться со мной почему-то не захотела.

Из Биренбаума - в Ландсберг, на реке Варга, вблизи от Одера. Мне довелось немало поездить по основному шоссе от Познани на Берлин. Оно наглядно свидетельствовало о том, какие трудности преодолели наши люди на кровавом пути к столице разбойничьего рейха. От самой Познани начинались укрепления - доты, прикрытые многими рядами колючей проволоки, заграждения всех видов, надолбы, эскарпы. Противотанковые рвы тянулись вправо и влево от шоссе насколько хватал глаз. Пересечения их с дорогой наскоро засыпаны щебенкой. При внимательном взгляде на бетонном полотне шоссе были видны места, где были извлечены мины.

Ближе к Одеру подстриженные "под фокстрот" деревья уступали место ухоженному Королевскому лесу, в котором виднелись шикарные виллы. Доты становятся все мощнее, а шоссе пересекали окопы, непосредственно прикрытые глубокими противотанковыми рвами. Благоустроенное шоссе изобиловало всевозможными дорожными знаками, предупреждавшими о каждом повороте, спуске, подъеме. Среди них на свежевытесанных досках указатели - до Берлина столько-то километров (80 или 60). На русском языке!

Немецкие города вдоль шоссе были практически пустыми, жители ушли с отступавшими войсками. Так что трудностей с расквартированием в Ландсберге не было. Однако вскоре появилось население. С запада шел поток людей, освобожденных от фашистской каторги, - русские, украинцы и, конечно, вездесущие поляки, которые по-хозяйски располагались где могли. Тащили все, грузили на телеги, брички - и на восток, в Польшу. Они проявляли внимание к нам, над перегруженными экипажами рдели красные знамена и флажки. Видимо, страховка, чтобы не задержали с добром.

В Ландсберге Жуков напряженно работал, завершалась подготовка Берлинской операции. С раннего утра до поздней ночи у него шли совещания. Итогом одного из них был

неожиданный ночной выезд в поле, где на импровизированном полигоне вспыхнули и быстро погасли сильные прожекторы. Потом мы узнали об этой жуковской новинке - ослепить врага в ночной атаке. Пожалуй, в том апреле Георгий Константинович держал себя примерно так, как в дни битвы за Москву, суровый, сосредоточенный, малоразговорчивый.

Таким он был во время вылетов в Москву и обратно. Последняя из этих поездок пришлась на самое начало апреля. Мы, кому выпало счастье быть рядом с маршалом, понимали - в Кремле наконец решили штурмовать Берлин. Для глаза фронтового водителя картина была понятной. Надежная защита с воздуха дала возможность перебрасывать войска и при дневном свете. Хорошенькие как на подбор на весеннем солнце регулировщицы четко справляются со своими обязанностями в потоке войск и техники. Иногда воинские колонны шли в несколько рядов в одном направлении и рассасывались где-то за Одером в районах сосредоточения.

К глубочайшему сожалению, в эти дни меня поразил недуг, не тяжелый, но достаточно болезненный - фурункулез. Какие бы ни были причины (наверное, самая главная - война, подорвавшая силы), голову повернуть было нельзя, шея скрылась под многослойной повязкой из бинтов. Было до слез обидно оказаться своего рода "инвалидом" в историческое время. О том, чтобы не только возить маршала, но и выполнять отдельные поручения, и речи не могло быть. На командный пункт армии В. И. Чуйкова к началу штурма Берлина Жукова отвез Витя Давыдов. Георгий Константинович оставался там несколько дней и только после прорыва немецкой обороны на Зееловских высотах вернулся в Ландсберг.

О великом сражении за Берлин написано и сказано очень много, и думаю, что мне не стоит рассказывать о происходившем, тем более что я непосредственно там не был. Стоит разве подчеркнуть: с момента возвращения с командного пункта Чуйкова до капитуляции немцев в Берлине Жуков не покидал штаб, который за эти дни передислоцировался из Ландсберга в Штраусберг. Круглые сутки с запада доносилась тяжелая канонада, а по ночам на горизонте полыхало зарево. До столицы рейха отсюда было с полсотни километров.

Днем и ночью над нами ревели моторы - тысячи самолетов шли на Берлин. Надсадно, тяжело на пути туда - летели бомбардировщики с грузом бомб, и победно, когда они, разгрузившись по городу, возвращались назад. Неслыханная демонстрация несравненной воздушной мощи державы! Мы, дожившие до эпилога великой войны, пребывали в приподнятом,

праздничном настроении. Наконец с утра 2 мая стали множиться признаки конца. Быстро иссяк поток самолетов, после полудня весеннее небо очистилось, а часам к трем затихли и отдаленные громовые раскаты. Берлин капитулировал!

Утром 3 мая приказ - подать "мерседес", едем в Берлин.

Болячки мои поджили, и я сел за руль. За нами машина сопровождения с охраной. Следом ехали генералы К. Ф. Телегин и Ф. Е. Боков, оба политработники. С торжественными и торжествующими физиономиями. Сущие "жрецы", как как-то назвал в сердцах эту породу людей генерал Горбатов в разговоре с Жуковым в машине. Для пояснений они привели с собой сына Вильгельма Пика Артура. Политическое просвещение маршала, внутренне усмехнулся я, обеспечено, ему суждено смотреть их глазами и из их рук. Не ошибся. Тогда я был не бог весть каким знатоком в области общественных знаний, но даже Сашу Бучина, радовавшегося солнцу и победе, покоробил грубый "классовый" анализ, дарованный сыном почитавшегося у нас вождем немецкого народа Вильгельма Пика. Оба - папа (я смутно помнил его по работе с коминтерновцами в 1941 году) и сынок прибыли в Берлин в обозе Красной Армии.

В тот день Жуков в кольце "жрецов", объяснявших ему виденное, побывал в разбитой имперской канцелярии. Проклятое место крепко не понравилось Георгию Константиновичу. Он громко сказал, выходя из дверей: "Здание плохое, темное, а планы, замышлявшиеся здесь, и того хуже". Наверное, он имел в виду оба здания - старое и новое.

Затем - в район Тиргартена, к зданию рейхстага. Георгия Константиновича окружили наши. Наверное, с полчаса маршал беседовал с бойцами и командирами, и невыразимо приятно раздавалась в центре Берлина мягкая русская речь. Жуков зашел в разбитое здание рейхстага и, как каждый победитель, побывавший там в эти дни, расписался на стене. Увы, не время стерло десятки тысяч подписей наших воинов - от красноармейца до маршала - на стенах цитадели прусского милитаризма.

От рейхстага - к колонне победы по соседству. Мы поднялись на ее первую площадку. Колонну немцы соорудили в 1871 году в ознаменование победы над Францией. Вокруг нее ярусами закрепили захваченные французские пушки. Сообщение Артура Пика о том, что с этой площадки Гитлер в 1940 году принимал парад немецких войск, возвратившихся из Франции, очень развеселило всех нас. Мы только что видели длинные колонны шаркавших ногами сдавшихся фрицев. А всего пять лет назад эти отбивали дробь гусиным шагом, по площади. Научили их ходить по-другому. Научили под водительством Г. К. Жукова.

На обратном пути в штаб Телегин и Боков, перебивая друг друга, выкладывали свои познания о Германии. Георгий Константинович не перебивал их, молчал, внимательно разглядывая дорогу. Встречавшиеся немцы пугливо сторонились, многие кланялись. Из окон по всем улицам Берлина висели белые простыни - флаги капитуляции.

В предвидении официального конца войны в Берлин из Москвы потянулись различные чины. Досыта тогда насмотрелись на сталинских посланцев. Георгий Константинович проявил неожиданные дипломатические качества, различая, наверное, гостей по степени опасности. Он приказал адъютанту и мне "достойно" (как именно, не объяснил) встретить зам. министра иностранных дел А. Я. Вышинского, пресловутого прокурора кровавых процессов тридцатых. Он прилетел рано утром 8 мая, нагруженный надлежащей документацией о капитуляции Германии. На аэродроме Дальтов уже издалека, по надменной спине вылезавшего из самолета задом мы опознали высокого гостя. Лицо оказалось не лучше - безразличное, высокомерное. На плечах - перхоть.

Не поздоровавшись, Андрей Януарьевич влез в машину. Подобающим образом держался и его спутник - старик Степан Казимирович Гиль, в свое время шофер В. И. Ленина. Когда Вышинский ушел к себе в отведенный ему дом, Степан, симпатичнейший и добрый человек, которого я знал в Москве по ГОНу, немедленно стал самим собой. Он по-доброму поговорил со мной и откровенно открыл цель своего приезда с дипломатом - помочь подобрать среди трофейных автомашин "самую лучшую". На меньшее Андрей Ягуарович (Гиль подмигнул) не согласен.

Прошло несколько суматошных дней, и в пригороде немецкой столицы Карлсхорсте состоялась церемония подписания Акта о капитуляции Германии. Жуков, естественно, не тратил времени на поездку в Темпельгоф, где приземлялись самолеты представителей трех союзных держав, и встречу их, а отправился прямо в Карлсхорст. Георгий Константинович подчеркнуто поехал туда со мной не в бронированном "мерседесе", а на "паккарде". Довольно приличную машину, конечно, не для фронтовых дорог, мы недавно взяли в свой гараж.

Война осталась позади. Наступил мир.

Гигант в путах

Мы освободили мир от угрозы фашистской чумы. Красная Армия вызволила народы Восточной и Юго-Восточной Европы из-под пяты немецких рабовладельцев. В Германию наша армия пришла воодушевленная чистыми идеалами и самыми высокими

надеждами на лучшее будущее. Надежды и чаяния соотечественников исповедовал и разделял Г. К. Жуков. Свидетельство его высокого идеализма, исторического оптимизма и благородных размышлений о будущем, документ эпохи - мемуары Г. К. Жукова. Заключительная глава трехтомника в этом отношении необычайно красноречива. У автора нет и тени сомнения в том, что немецкий народ в освобожденной нами части Германии окажется достойным участи, которую принесли ему ценой невероятных жертв и лишений советские люди.

Н. Я.: Вы были рядом с Г. К. Жуковым в Германии в первые месяцы после победы. Что бросалось вам в глаза в жизни и деятельности маршала в это время?

А. Б.: По существу, я впервые наблюдал Георгия Константиновича в непривычной обстановке - в условиях мира. Он вызывал всеобщее уважение и внушал доверие как победителям, так и побежденным, хотя я далек ставить их на одну доску в других отношениях. Это проявлялось на каждом шагу и в любых обстоятельствах. Красноармейцы и командиры любили и почитали его, появление Жукова в войсках было большим праздником для всех присутствовавших. Георгий Константинович умел отечески поговорить с военной молодежью, солдатами. Доходчиво и в то же время строго с комсоставом не только как старший по званию, но и по опыту.

Едва стихли орудия, как маршал принялся объезжать войска, следя за их расквартированием, решая на месте множество самых разнообразных вопросов. 11 мая 1945 года Жуков отдает приказ по войскам фронта: "Для расположения войск в новом районе использовать казармы, лагеря и разного рода бараки. При недостатке таких помещений расположить войска в лесах биваком. При расположении войск и штабов выселения местного населения не производить".

Не избегал Георгий Константинович и встреч с немецким населением, хотя особенно не рвался к ним. Уже в День Победы 9 мая А. И. Микоян (и этот скользкий деятель прилетел в Германию) затеял в присутствии Г. К. Жукова разговор с немцами, столпившимися у магазина, где выдавался хлеб по советским карточкам. Московский гость широким жестом предложил говорить "смелее, вот маршал Жуков, он учтет ваши нужды и сделает все, что будет в наших силах". Немцы наперебой стали выражать благодарность за то, что "такой большой начальник" займется их нуждами, а ведь их пугали русскими и т. д. Некая немка приказала сыну-подростку кланяться за "хлеб и хорошее отношение". Парень молча поклонился. Об этой сцене Г. К. Жуков написал в мемуарах, памятной для него, по-видимому, потому,

что с ним был Микоян. Я был на этой и многих других встречах маршала как с "цивильными" немцами, так и военнопленными. Все они кланялись и благодарили, изъявляли полную покорность.

С первых дней освобождения Берлина, всего города, ибо союзники еще не заняли свои сектора, Красная Армия кормила берлинцев. "Надо было видеть лица жителей Берлина, когда им выдавали хлеб, крупу, кофе, сахар, иногда немного жиров и мяса", - восторгается Г. К. Жуков в мемуарах, сообщая: "В качестве первой помощи со стороны Советского правительства в Берлин поступило 96 тысяч тонн зерна, 60 тысяч тонн картофеля, до 50 тысяч голов скота, сахар, жиры и другие продукты". Съели, и очень скоро берлинцы разогнули спины, кланяться перестали, снова во всю силу голоса зазвучала резкая, лающая немецкая речь.

В самом конце мая Г. К. Жуков вызвал меня и приказал на следующий день отвезти на Темпельгофский аэродром генерала армии В. Д. Соколовского, там генерал встретит Д. Эйзенхауэра. Мне надлежало привезти обоих в резиденцию Г. К. Жукова, пока называвшуюся штабом фронта, который теперь располагался в Венденшлоссе. Привел в порядок машину "паккард" и себя, подшил свежий подворотничок, чтобы Красная Армия не ударила лицом в грязь перед американским генералом.

Утром поехал на аэродром с Соколовским. Генерал что-то очень разговорился в тот день, избрав темой беседы со мной личность Георгия Константиновича. Так хвалил Соколовский, тогда начальник штаба фронта, своего командующего, так хвалил! Особенно напирал на то, что маршал человека, попавшего в беду, в яму, не оставит, а "протянет палку". Было как-то непривычно, в военное время комплиментов такого рода не раздавали, да большие генералы не откровенничали с младшими офицерами. Наверное, все потому, философски рассудил я, что наступил мир и генерал надеялся - его откровения через меня, лейтенанта, дойдут до ушей маршала. Разговора я, конечно, Георгию Константиновичу не передал, но нередко вспоминал его в последующие годы, когда маршал Соколовский был среди хулителей и гонителей Георгия Константиновича.

Прикатили в Темпельгоф, где уже распоряжался американский наземный персонал, аэродром входил в будущий сектор, подлежавший оккупации США. Вскоре плюхнулся большой американский транспортный самолет С-54. Смотрю, идут Соколовский с двумя высокими американцами, оказались Эйзенхауэр с сыном Джоном. Генералы уселись сзади с переводчиком, рядом со мной Джон. Привез их в Венденшлоссе с ветерком, за нами машины с эйзенхауэрскими спутниками.

Подвез, как было договорено с Жуковым, к "резиденции" Эйзенхауэра, дому поблизости от особняка Жукова.

Американцам пришлось подождать часа два, прежде чем маршал принял их. Подвез Эйзенхауэра к особняку Жукова. После беседы Жуков устроил прием. Собрались в зале средних размеров, служившем кабинетом маршала. Начальство в одной части, мы, младшие офицеры - охрана, водители, - в другой. Оправдалась шутливая поговорка: "Закусим тем, что военторг пошлет". Столы накрыты богато, глаза разбегались - военторг как следует "послал". Только приладились поесть, появился "Иван", или "Ванька", как у нас успели прозвать Серова. Он всеми повадками напоминал хитрого деревенского мужичка, везде выгадывавшего свою прибыль. Одним словом, деревенщина в худшем смысле слова.

Иван оказался еще настырнее Бедова. Не стесняясь окружающих, генерал-полковник пристал к нашей группе, приказав: "Не жрите много!" Звучало так грубо, некрасиво и совершенно не отвечало происходившему, боевые офицеры знали, как себя вести. Хам Ванька, видимо, судил по себе. После приема отвез Эйзенхауэра на аэродром. На прощание Джон подарил мне пачку сигарет, которую я, некурящий, отдал ребятам.

Георгий Константинович проводил Эйзенхауэра до Темпельгофа в другой машине, которую вел за нами Витя Давыдов. Эйзенхауэр держался просто, дружественно и производил впечатление интеллигентного, уверенного в себе человека. Особенно впечатлял его открытый, но внимательный взгляд, крепкое рукопожатие и добродушная улыбка. Когда в конце шестидесятых я был у Жукова на даче в Сосновке, он, рассказывая, как работает над книгой, вспомнил встречу с Эйзенхауэром и почему-то сказал: "Знаете, Александр Николаевич, с Эйзенхауэром я говорил не один, со мной был Вышинский".

К Вышинскому по причинам слишком понятным с высоты сегодняшнего дня Жуков был вынужден относиться сверхвнимательно. По его приказу я выбрал из трофейных машин, присланных Чуйковым, неплохой "мерседес", опробовал его на автобане, из любопытства испытал на скорость - дожал до 190 километров. Машину отогнал во Франкфурт-на-Одере и, набитую по крышу какими-то свертками и коробками, погрузил на железнодорожную платформу. "Трофеи" Вышинского отправились в Москву по рельсам. Разумеется, с сопровождающим, кажется, поехал кто-то другой, не Гиль.

Я занимался обеспечением Вышинского автотранспортом в масштабе автопарка штаба фронта, Серов был занят тем же,

только адресат в Москве был повыше, и соответственно возможности Ваньки, или генерал-полковника, были куда шире, чем лейтенанта Бучина, хотя и действовавшего во исполнение указания Маршала Советского Союза. Серов сумел подобрать для Берии роскошнейший представительский "мерседес". Мобилизовав все ресурсы нашего автохозяйства, беспощадно подгоняя и понукая работавших, он привел зверь-машину какого-то фашистского предводителя в идеальное состояние. "Мерседес", оборудованный разнообразными приспособлениями, например, карманами для автоматов "шмайссер" в дверях, был изготовлен как бы на заказ самого Берии с его специфической сферой занятий.

С большой любовью и прилежанием трудился Иван во славу своего начальства из дома 2 на Лубянке. По происхождению из крестьян Вологодчины, он в самозабвенном рвении, забыв родной деревенский говорок (вологодские мы!), стал изъясняться с заметным грузинским акцентом, используя кавказские обороты речи и мимику. Совсем забыл Ваня, что среди нас не было никого, кто мог бы оценить его заглазный холуяж перед Берией! А может, были?..

Н. Я.: Я не перестаю удивляться точности ваших наблюдений. Я знал Серова с начала шестидесятых до его смерти в 1992 году. Он умер 88 лет. Однако оставался верен своим повадкам, а стоило ему заговорить на любимую тему - о Сталине, как глубокий старик, пересказывая те или иные эпизоды, действительно начинал говорить с грузинским акцентом.

А. Б.: Автомашины по касательной сделали меня известным в определенных кругах. Претендентов на трофейные машины в первые месяцы после победы над Германией было немало. Среди желающих сверкали имена людей, у нас известных. Волей-неволей и я был вовлечен в эти дела, ибо решение дать или не дать машину в конечном счете приходилось принимать Г. К. Жукову. Как будто у него не было других обязанностей! Но что он мог поделать, судите сами хотя бы по этому случаю. В составе 16-й воздушной армии, принимавшей участие в штурме Берлина, был 3-й авиационный корпус, которым командовал прославленный авиатор Е. Я. Савицкий. А в составе корпуса - 286-я дивизия полковника В. И. Сталина. Корпус отлично дрался и по окончании войны был расквартирован поблизости от Берлина, 286-я дивизия в Дальгове. До комфронта и нас рукой подать.

Василий Сталин повадился ездить к нам в штаб фронта и неизменно, как барышник, интересовался "новинками", автомашинами, которые исправно пригоняли по распоряжению командарма Чуйкова. Приятное он сочетал с полезным, обходил

кабинеты начальства, вел там какие-то беседы. Не обходил и Г. К. Жукова. Везде, понятно, к Васе должное внимание, почет и уважение. Как-то Вася отправился на охоту в леса неподалеку от Берлина вместе с Жуковым, Телегиным, Серовым. Когда загонщики, а за ними маршал и генералы скрылись из виду, Вася, не таков он был, чтобы лазить по чащобам, и остался на стоянке, обратился ко мне: "Сашка, скажи самому, чтобы отдал мне тот "паккард". Он положил глаз на отличный четырехместный "паккард" серого цвета, взятый для нужд штаба. Мне довелось прокатить его разок на нем.

Охотники, как водится, вернулись без добычи, мы хорошо закусили привезенной с собой снедью. Вася крепко выпил. По пути назад я все примеривался получше затеять разговор с Жуковым, как он вдруг сам спросил меня, не стоит ли отдать Василию Иосифовичу серый "паккард", наверное, машина нам не очень нужна. Что тут сказать, конечно, нам она ни к чему. Через несколько дней пригнал "паккард" в расположение 286-й дивизии. Застал Васю на квартире в душевной беседе с шеф-пилотом маршала Женей Смирновым. "Царский сын" усадил меня за стол. Все как подобает: икра черная, икра красная, коньяк, водка, Вася на взводе. Разговор о машинах, их у В. И. Сталина, наверное, набралось с полдюжины. Он запомнил услугу и в дальнейшем радостно приветствовал "Сашку" при каждой встрече, именовал другом.

Автомашины накликали беду и по другим причинам. Военные водители, привыкшие к фронтовым дорогам, далеко не всегда понимали, что скорость на автобанах таит в себе большую опасность. Отсюда аварии, некоторые с трагическим концом. Первый советский комендант Берлина, прекрасный человек генерал-полковник Н. Э. Берзарин, погиб 16 июня в автомобильной катастрофе. Его сменил генерал-полковник А. В. Горбатов. Ожидать лихачества от водителей этого спокойного и рассудительного пожилого человека не приходилось. Так на тебе, служебный "хорьх" Горбатова угнали от подъезда комендатуры! Кажется, машину так и не нашли, грешили, конечно, не на немцев.

Маршал Жуков представлял СССР в Контрольном совете и довольно часто ездил туда на заседания. Без шика: два флажка на передних крыльях "паккарда", "шевроле" с охраной. Все. Я старался водить аккуратнее, тем более что приходилось часть пути проделывать через американский сектор. Союзные войска уже вступили в город и заняли отведенные им сектора. Однажды слышу сзади резкий рев сирен, шум мотоциклов. За нами кортеж - машина Эйзенхауэра в сопровождении мотоциклистов и машин

охраны. В зеркало вижу водителя автомобиля Эйзенхауэра - мулат в темных очках. Идут на обгон, сиренами расчищают дорогу.

Я Жукову: "Товарищ маршал, непорядок, мы такие же хозяева. Можно?" Георгий Константинович понял, одобрительно бросил: "Давай!" Я на газ, и только показали хвост американцам. Подъехали к зданию Контрольного совета. Жуков вышел, я отогнал машину на стоянку. Через несколько минут визг, шум, треск прибыл Эйзенхауэр. Он прошел в Контрольный совет, а весь кортеж развернулся и на стоянку, к нам. Американцы высыпали из машин, слезли с мотоциклов, улыбки, похлопывание по спинам, смех. На ломаном русском языке кто-то объяснил: они не знали, что в нашей машине сам Жуков. Исчерпав запас слов, предложили "махнуться" наручными часами. Какие часы тогда у нас? Не было. Обмен не получился.

Отношения с американцами складывались самые сердечные. Характерно, что в тот день несостоявшегося обмена сувенирами на стоянке были автомобили всех четырех главкомов оккупационных войск в Германии. Но англичане и французы ставили свои машины подальше и не подходили к нам. Американцы же размещались рядом и тут же пытались завязать разговоры. Славные времена: много света, солнца, берлинский ветер, молодость, хорошие люди. Лица Серова и Бедова (кто-нибудь из них обязательно вертелся на площадке) при виде наших "контактов" с Западом каменели. Но на первых порах они ничего нам не говорили, не считая ритуальных заклинаний при случае о "бдительности".

Н. Я.: Несомненно, так же каменели лица и у сотрудников американских спецслужб по поводу контактов подопечных им с "русскими", и они при случае призывали своих к "бдительности". Процесс развивался одновременно с обеих сторон. Можно привести массу свидетельств на этот счет. Доходило до смешного. В американском исследовании генезиса политики США к СССР (У.Изаксон и Э. Томас. Мудрецы, 1986) эпически повествуется: немало высокопоставленных американских деятелей тогда, включая ответственных работников штаба Эйзенхауэра, заподозрили его в том, что он "попал под влияние Жукова"! Тогдашний посол США в СССР А. Гарриман сетовал на то, что "военные лидеры последними приходят к пониманию - эра военного сотрудничества приходит к концу".

Если на Эйзенхауэра американская элита смотрела через такие очки, то кремлевская взирала на Жукова как бы через сильный бинокль. А что смотреть? По любым критериям маршал был блистательным полководцем. Тот же Эйзенхауэр в своей

книге "Крестовый поход в Европу", припоминая личное сотрудничество с Георгием Константиновичем, написал: Жуков "имел самый большой опыт руководителя величайшими сражениями, чем кто-либо другой в наше время... Совершенно очевидно, что он был величайшим полководцем". Зафиксировано на бумаге и стало достоянием читателей уже в 1948 году, когда книга вышла в свет. В частных беседах среди своих Эйзенхауэр заверял Гарримана, что "мой друг Жуков будет преемником Сталина, и это откроет эру добрых отношений" между СССР и США. О чем можно прочитать в "Мудрецах", опубликованных в 1986 году. А быть может, суждения эти, относившиеся к 1945-1946 годам, уже тогда дошли до ушей Сталина? Вопрос, разумеется, риторический.

А. Б.: Авторитет и популярность Г. К. Жукова в то время были громадными. Мне довелось наблюдать за маршалом в дни подготовки и проведения Парада Победы в Москве. Это проявлялось в большом и малом. В столицу прилетели обычным порядком. Правда, с окончанием войны Георгий Константинович внес изменение в график моей работы - взяли напарником Витю Давыдова, и мы были заняты через сутки. Маршал придирчиво проверил готовность к параду, присутствовал на репетициях на Ходынке, то есть там, где был столь памятный Центральный аэродром, на который он прилетал и улетал с фронта и на фронт.

В ненастный день 24 июня я привез в Кремль Георгия Константиновича за несколько минут до начала парада. За стеной у Спасских ворот держали белого коня для маршала. Увидев Жукова, конь потянулся к нему - маршал несколько дней работал с ним, и конь привык к всаднику. Жуков буквально вспрыгнул в седло, а я отогнал машину в ГОН, где слушал парад по радио. Когда звучали марши и шли войска, у всех нас, собравшихся у приемников, сложилось твердое убеждение боевые батальоны демонстрировали свою готовность перед маршалом Жуковым. После завершения парада отвез Георгия Константиновича на дачу. В машине он допытывался у меня и Бедова, как прозвучала его речь с Мавзолея. Мы заверили отлично! Жуков остался доволен. На даче сказал мне - вы свободны.

Я вернулся в ГОН, поставил машину и направился руки в брюки домой на Старопанский. Несмотря на скверную погоду, настроение было безоблачное. Но у царь-пушки остановил хамский чекистский окрик: "Лейтенант, вынуть руки из карманов!" Град угроз, обещание доставить в комендатуру и т. д. Смотрю, дармоед, капитан МГБ из охраны Кремля. Обругав меня, рявкнул: кто такой? У меня погоны и фуражка танкиста.

Ответил: "Бучин, водитель Маршала Советского Союза

Жукова. Поставил машину в бокс и следую по месту жительства". Лицо чекиста мгновенно потекло, он залепетал испуганным голосом, взывая к товарищу Бучину не умалять свой ответственный пост (шофера?) держанием рук в карманах и т. д. Я не дослушал, плюнул и пошел домой. Имя Г. К. Жукова магически действовало даже на чекистов, стоявших вплотную к высшей партийной власти, привыкших к полной безнаказанности. В обыденном сознании маршал стал человеком-легендой.

Когда во второй половине июля и начале августа 1945 года в Потсдаме под Берлином проходила Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Англии, Жуков по положению предстал гостеприимным хозяином. По указаниям Жукова был капитально отремонтирован в Бабельсберге дворец кронпринца, подготовлены резиденции для трех делегаций. Инженерные войска работали круглосуточно. Вокруг устроили множество клумб, высадили около десяти тысяч цветов, сотни декоративных деревьев. Георгий Константинович подробно рассказал обо всем этом в своих мемуарах, но по понятным причинам умолчал об одном - он, реальный маршал, вызывал больший интерес, чем приехавший в Берлин генералиссимус-фантом Сталин, наглухо изолированный охраной от всех и вся, за исключением партнеров за столом конференции. Г. К. Жукова неизбежно почитали полномочным представителем советского народа, ибо вооруженная мощь великой страны находилась, на первый и непросвещенный взгляд, именно в его руках.

Даже мы, близкие к самой вершине нашей власти в оккупированной части Германии, не получили возможности и взглянуть на Сталина. Он пребывал в своей резиденции в Бабельсберге на вилле, принадлежавшей в свое время немецкому генералу Людендорфу. Сталина оберегали не войска и не СМЕРШ, а люди, привезенные из Москвы пресловутым "Николаем Сидоровичем", генералом Власиком, ведавшим охраной вождя и учителя. Мне не удалось перекинуться словом даже с водителями машин Сталина, которых я знал по ГОНу. Как конспиратор Сталин незаметно проскользнул в Берлин - никто не знал, где и когда остановился его поезд, так и неприметно ускользнул из Берлина по окончании конференции. Мне довелось, по крайней мере, увидеть хвост сталинского "паккарда", машина Жукова под моим управлением следовала за ним до Фюрстемвальде около Франкфурта-на-Одере. Там Сталин поднялся в ожидавший его поезд. Единственный провожающий - Жуков.

Примерно через неделю после конференции Жуков вылетел в Москву с гостем Эйзенхауэром. Они следовали в первом, мы, водители, охрана и прочие, во втором самолете. В Москве я и

Витя Давыдов обслуживали через день Жукова и Эйзенхауэра, когда они ездили в одной машине. Эйзенхауэр и его сын Джон узнали меня и приветливо поздоровались, произнося какие-то слова, которые я не понял. Из нескольких поездок маршала с американским гостем самой интересной было посещение колхоза имени Ленина по Ярославскому шоссе. Конечно, наши чиновники устроили показуху. Для гостей заготовили подарки с дарами земли. Американцы их не взяли, а я бы схватил с превеликим удовольствием.

Поездка была довольно длительная. Жуков с Эйзенхауэром, сидя на заднем сиденье, вели через переводчика беседу о стратегии второй мировой войны. Я слышал ее всю, в "бьюике" (том самом, что прислали из США в 1943 году) не было стекла между кабиной водителя и салоном. За давностью трудно воспроизвести детали, но суть запомнилась - Жуков рассказывал о сражениях на нашем фронте. Эйзенхауэр задавал вопросы и резюмировал - операции, проведенные под руководством маршала Жукова, долго будут изучаться в американских военных академиях как высшее достижение стратегической мысли. Мне показалось, что собеседники понимали друг друга с полуслова.

Прием, устроенный в резиденции американского посла по случаю визита Эйзенхауэра в Москву, прошел демократично. Хотя яств особых не было - по большей части бутерброды, кормили всех: важных гостей на втором этаже, остальных, включая нас, водителей, на первом. Веселились от души.

Единство союзников в дни мира после Потсдама должен был продемонстрировать совместный военный парад. Маршал с головой окунулся в его подготовку. Наши войска нещадно гоняли на репетициях. Жуков часто выезжал к будущим участникам парада. Из западных секторов сообщений о подготовке не поступало, что, по-моему, озадачивало Георгия Константиновича. Наконец 7 сентября 1945 года в районе Бранденбургских ворот выстроились войска СССР, США, Англии и Франции, выделенные для участия в параде.

Маршал Жуков в парадном мундире объехал выстроившиеся войска, стоя в открытом "паккарде", который довелось вести мне. Волнующее зрелище. Увы, западные правительства не захотели прислать своих высших командующих в оккупированной Германии. Что делать, Георгий Константинович занял место на трибуне, произнес приличествующую случаю речь, и перед ним прошли войска четырех держав. Технику западные державы не вывели, протопали части, несшие оккупационную службу в своих секторах в Берлине. Довольно комично выглядели шотландцы, здоровые ножищи с голыми коленками из-под клетчатых юбок.

Наши войска были великолепны, продемонстрировали безупречную строевую выучку. Трудно было поверить - перед трибуной, чеканя шаг, прошли ветераны Великой Отечественной, которые привыкли воевать, а не маршировать в парадном строю. Земля задрожала, когда пошла техника - тяжелые танки и самоходные орудия. Хотя наша армия преобладала, 7 сентября у Бранденбургских ворот символизировало единство победителей. Во всяком случае, в глазах побежденных. По оценке маршала Жукова, собралось поглазеть на парад тысяч двадцать берлинцев. Я внимательно наблюдал за зрителями и с удовлетворением отметил: они наверняка испытывали приличествующие случаю чувства, ибо стали тревожно перешептываться при виде наших танков и САУ. Именно перешептываться, а не говорить в полный голос.

Н. Я.: Вы совершенно справедливо подчеркиваете, что мы тогда в проведении парада видели триумф сотрудничества с союзниками и в дни мира. Полезно для понимания, откуда уже тогда потянул сквозняк недоброжелательства, скоро перешедший в "холодную войну", взглянуть на парад с другой стороны. Обратимся к той же книге американца У. Спара о Жукове. Он написал:

"День парада приближался, и тут Жукову сообщили, что главнокомандующие трех остальных держав не смогут присутствовать и пришлют своих заместителей. Когда Жуков доложил об этом Сталину, диктатор отнес это за счет стремления союзников преуменьшить значение парада войск антигитлеровской коалиции. Он приказал Жукову самому принять парад. С точки зрения Жукова, парад оказался успешным и достиг своей цели.

Парадом достигли и другого. Советы смогли показать высокопоставленным союзным военачальникам новейшие образцы танков и самоходных орудий. Старшим американским генералом на параде оказался Джордж С. Паттон. Встреча с Жуковым не произвела на него впечатления. Он писал жене:

"В парадном мундире, увешанном орденами, Жуков выглядел как персонаж из оперетки. Низкорослый, пожалуй, жирный, с доисторической нижней челюстью, как у обезьяны, но хорошими голубыми глазами". Нутряное неприятие Жукова не дало возможности Паттону рассмотреть в нем равного себе военного деятеля, понять, что их методы командования имели много общего, и Жуков достиг, по крайней мере, таких же военных успехов. Предрассудки Паттона не позволили ему понять, что крепко сколоченный Жуков обладал большой физической силой. На Паттона наверняка произвел скверное впечатление советский

военный обычай носить многие экземпляры одной и той же награды. (В Америке жалуют значки с дубовыми листьями вместо того, чтобы давать во второй или третий раз тот же орден.) Паттону представлялось, что даже для широкой груди Жукова наград было слишком. Прискорбно также и то, что кавалеристу Паттону не довелось увидеть Жукова на арабском скакуне".

Паттон ума не выдал, в США он был такой же политик, как у нас С. М. Буденный, разве американский рубака не имел громадных усов. Парад 7 сентября 1945 года оказался лебединой песней прежних межсоюзнических отношений, хотя мы прилагали отчаянные усилия не только сохранить, но и укрепить и развить их.

А. Б.: Я видел попытки Жукова действовать в этом направлении даже в мелочах. В здании Контрольного совета кормили по очереди всех, имевших к нему отношение, - месяц американцы, затем англичане, французы и мы. Когда наступала наша очередь, количество питавшихся удваивалось. "Это объяснялось широким русским гостеприимством, хорошо зарекомендовавшей себя русской кухней и, разумеется, знаменитой русской икрой и водкой", -восторгается в мемуарах Г. К. Жуков. Конечно, не тощие бутерброды, предлагавшиеся в американский месяц.

Идеализм высшей пробы отмечал работу маршала Жукова как в отношении союзников, так и местного населения. Идеализм, отвечавший сущности нашего государства в его представлении. Читайте, например, на странице 360 третьего тома "Воспоминаний и размышлений": "По просьбе Коммунистической партии и лично В. Ульбрихта Советское правительство установило для берлинцев повышенные нормы продовольствия".

Н. Я.: Эти гуманные меры, несомненно, отвечали уму и сердцу Георгия Константиновича. Профессиональный военный, привыкший к стремительным решениям, маршал, видимо, стремился двинуть демократизацию Германии гигантскими шагами. Он рвался творить добро. Но маршал оказался в центре клубка резких противоречий как межгосударственных (игнорирование главкомами западных держав парада 7 сентября хоть и пустяковый, но тревожный сигнал), так и наших внутренних. Недавно опубликованные документы наших самых секретных архивов пролили свет на положение военного Жукова в системе партийного сталинского государства. Ему не было суждено стать в Восточной Германии тем, кем стали американские военные лидеры в Западной Германии и особенно в Японии (Макартур). За этим внимательно приглядывали советские спецслужбы, и только склока между ними - МВД

(Серов) и МГБ (Абакумов) - позволила измерить глубину недоброжелательства к маршалу там, где таилась подлинная власть, - в карательных и партийных структурах.

"В Германии ко мне обратился из ЦК компартии Ульбрихт, - докладывал Серов Сталину, - и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии, поэтому там невозможно организовать партийную работу. В конце беседы попросил помощь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь.

Когда англичане и американцы узнали о пропаже трех судей в их секторах Берлина, то на Контрольном совете сделали заявление с просьбой расследовать, кто арестовал судей.

Жуков позвонил мне и в резкой форме потребовал их освобождения. Я не считал нужным их освобождать и ответил ему, что мы их не арестовывали. Он возмущался и всем говорил, что Серов неправильно работает. Затем Межсоюзная комиссия расследовала, не подтвердила факта, что судьи арестованы нами. ЦК компартии развернул свою работу в этих районах... Абакумов начал мне говорить, что он установил точно, что немецкие судьи мной арестованы, и знает, где они содержатся. Я подтвердил это, так как перед чекистом не считал нужным скрывать. Тогда Абакумов спросил меня, а почему я скрыл это от Жукова. Я ответил, что не все нужно Жукову говорить. Абакумов было попытался прочесть мне лекцию, что "Жукову надо все рассказывать", что "Жуков первый заместитель Верховного" и т. д. Я оборвал его вопросом, почему он так усердно выслуживается перед Жуковым. На это мне Абакумов заявил, что он Жукову рассказал об аресте судей и что мне будет неприятность. Я за это Абакумова обозвал дураком, и мы разошлись. А сейчас позволительно спросить Абакумова, чем вызвано такое желание выслужиться перед Жуковым".

Серов со слезой и дрожью пера заклинал вождя: "Сейчас для того, чтобы очернить меня, Абакумов всеми силами старается приплести меня к Жукову. Я этих стараний не боюсь, так как, кроме Абакумова, есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако Абакумов о себе молчит, как он расхваливал Жукова и выслуживался перед ним как мальчик. Приведу факты, товарищ Сталин. Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжелое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий Абакумов, распространял слухи, что "Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и все дело повернул, теперь Ленинград не сдадут". Теперь Абакумов,

несомненно, откажется от своих слов, но я ему сумею напомнить" и т. д.

Откуда такой накал злобы у Серова к Абакумову, попытки забить его до смерти увесистыми политическими обвинениями, главное из которых - мнимая связь с Жуковым? Частично, наверное, потому, что Серов платил той же монетой Абакумову, а главное - Серов стремился вывернуться из неприглядного положения. Докладная Сталину ушла в самом начале февраля 1948 года и посвящалась делам минувшим по той причине, что абакумовское МГБ, в ведение которого была передана оперативная работа в Германии, первым делом кинулось разбираться с соперниками - органами МВД, трудившимися под руководством Серова в Германии. Обращение Серова к Сталину последовало буквально по пятам за представлением Абакумова Сталину соответствующих материалов. Абакумов переслал вождю протокол допроса арестованного генерал-майора А. М. Сиднева, в 1944 году заместителя начальника Управления СМЕРШа 1-го Украинского фронта, где его высмотрел Серов и вытянул в 1945-1947 годах на пост начальника оперативного сектора МВД Берлина. Прекрасный был человек Сиднев, по собственному признанию: из военных инженеров, "по партийной линии был мобилизован в органы НКВД и направлен на руководящую работу. На этой работе я был всем обеспечен, честно, с любовью относился к труду". При обыске у прекрасного чекиста изъяли "около сотни золотых и платиновых изделий, тысячи метров шерстяной и шелковой ткани, около 50 дорогостоящих ковров, большое количество хрусталя, фарфора и другого добра". Озадаченные следователи допытывались, зачем ему "гобелены, место которым в музее", или "вы очищали не только немецкие хранилища, но и грабили арестованных, как разбойник с большой дороги", или "шестьсот серебряных ложек, вилок и других столовых предметов вы также украли... Можно подумать, что к вам ходили сотни гостей. Зачем же вы наворовали столько столовых приборов?" Сиднев мямлил: "Затрудняюсь ответить".

Он распелся канарейкой, когда зашла речь о воровстве других. "Надо мной стоял Серов, - патетически декламировал генерал-вор, - который, являясь моим начальником, не только не одернул меня, а, наоборот, поощрял этот грабеж и наживался в значительно большей степени, чем я. Вряд ли найдется такой человек, который был в Германии и не знал бы, что Серов являлся, по сути дела, главным воротилой по части присвоения награбленного. Самолет Серова постоянно курсировал между Берлином и Москвой, доставляя без досмотра на границе всякое ценное имущество, меха, ковры, картины и драгоценности для

Серова. С таким же грузом в Москву Серов отправлял вагоны и автомашины... Жена Серова и его секретарь Тужлов неоднократно приезжали на склад берлинского оперативного сектора, где отбирали в большом количестве ковры, гобелены, лучшее белье, серебряную посуду и столовые приборы, а также другие вещи и увозили с собой".

Ворюга признался, что "передал в аппарат Серова в изделиях примерно 30 килограммов золота и других ценностей". Сиднев, взяв разгон на изобличениях родных чекистов, наверняка не без внушения следователей, продолжил: "Серов же, помимо того, что занимался устройством своих личных дел, много времени проводил в компании маршала Жукова, с которым он был тесно связан. Оба они были одинаково нечистоплотны и покрывали друг друга".

Вот оно, искомое, ликовало следствие, ибо тут же последовал "уточняющий" вопрос: "Разъясните это ваше заявление!" Вор, к глубокому прискорбию инквизиторов, не мог ничего сообщить осязаемого. Он выдавил всего-навсего: "Серов очень хорошо видел все недостатки в работе и поведении Жукова, но из-за установившихся близких отношений все покрывал. Бывая в кабинете Серова, я видел у него на столе портрет Жукова с надписью на обороте: "Лучшему боевому другу и товарищу на память". Другой портрет Жукова висел в том же кабинете Серова на стене".

Абакумовские следователи, однако, достигли своей цели, повязав Серова с Жуковым. Тогда тяжкий криминал в глазах властей предержащих. Я больше чем уверен, хотя это гипотеза, нуждающаяся в подкреплении фактами: вождь улыбнулся в усы, читая стряпню абакумовцев, - Иван прекрасно спра-вился со своим поручением. Влез в доверие к Жукову. То, что Абакумову представлялось изобличением Серова, на деле пошло в Ванькин актив. Провокатора и лицедея.

А. Б.: Георгий Константинович едва ли догадывался о возне за его спиной. Да мудрено было бы догадаться. На первый взгляд с приходом мира жизнь возвращалась в нормальную колею. Осенью 1945 года отправился в отпуск Бедов и больше к нам не вернулся. Исчез источник раздражения для маршала, ибо его роль "государева ока" вполне прояснилась. Сменивший Бедова Агеев был спокойным человеком, не досаждавшим никому. В свете известного, хотя бы из процитированных вами документов, ясно, что мы не разглядели Серова. Кто мог подумать, что он способен писать такое. С получением высокого поста в Управлении советской военной администрации в Берлине он, теперь генерал армии, заважничал и внешне перестал вязаться по каждому

поводу. Было смешно, как он тужился разговаривать с маршалом на равных.

Жуков работал, и жизнь его в то время текла ровно в трудах и заботах, очень много времени и сил отнимали хозяйственные дела. Ездили по гарнизонам, особенно во время послевоенной кампании по выборам в Верховный Совет СССР. Георгия Константиновича выдвинули в одном из особых избирательных округов, созданных в наших оккупационных войсках. При встречах были взволнованы как кандидат, так и избиратели. Выступления Жукова прерывались неоднократно аплодисментами, как тогда говорили, "бурными и продолжительными". Конечно, Жукова избрали, и в середине марта мы примерно на неделю слетали в Москву, Г. К. Жуков присутствовал на сессии Верховного Совета. Когда я достал газету с материалами сессии, то ахнул - случилось как-то так, что в первом ряду в зале заседаний сидели военные делегаты Г. К. Жуков, маршал П. С. Рыбалко, а между ними Абакумов. Была ли это случайность или злой умысел, никто из близко знавших Жукова понять не мог. Меньше всех я.

О маршале начали распространяться самые различные слухи, обычно передававшиеся шепотом. Говорили, и очень настойчиво, что Георгий Константинович поссорился с ведомством всемогущего Берии. Не знаю, откуда, но узнали - Жуков выставил из нашей зоны оккупации Абакумова, явившегося было арестовывать генералов и офицеров. Достоверно было известно, что некоторых военных, служивших в Берлине, арестовали и тут же отпустили. Отсюда и удивление, когда увидели снимок Жукова рядом с Абакумовым на сессии Верховного Совета СССР. Поползли слухи о всемогуществе маршала, "осведомленные" заверяли: со дня на день будет сообщено о его назначении министром Вооруженных Сил СССР. Все произошло по-иному.

По возвращении в Берлин почти сразу все пошло, покатилось. Маршала Жукова действительно назначили в Москву, но всего-навсего главкомом сухопутных войск. По-военному быстро собрались со всем имуществом, и к середине апреля все Георгий Константинович с "сопровождающими лицами" - вернулись на Родину. Я в клетушку в Старопанском переулке, откуда ушел на войну. Как ушел, так и пришел. С тощим солдатским вещевым мешком. "Трофеев" не привез, хотя и проходил по спискам работавших в МГБ. Мама не находила места от радости. Сын вернулся живым и невредимым. А сколько семей в Москве оплакивали своих сыновей, братьев, мужей. Сколько инвалидов, безногих, безруких, слепых ковыляло тогда по московским улицам. Как бы то ни было, я был дома и стал планировать с

мамой, братьями и сестрой, что нужно сделать по хозяйству, как наладить быт. Время было, я работал через день. Нередко Жуков даже не вызывал машину, по утрам ходил на работу пешком.

Семейным планам - розовым или не помню еще каким - внезапно был нанесен сокрушительный удар. Я в радости возвращения в Москву как-то не придал значения, что Георгий Константинович помрачнел, пребывал, по-видимому, в тяжких думах. Открылось в начале июня - маршала Жукова назначили командующим Одесским военным округом. Вот тебе и министр! Ребенку ясно - опала. Опять слухи: Жуков-де выставил из Берлина Н. А. Булганина, который сунулся решать военные вопросы. Маршал посоветовал ему, в прошлом председателю Моссовета, заниматься канализацией и мусорными ящиками. Так или нет, в Берлине аукнулось, в Москве откликнулось. Тем временем Булганин стал первым замом И. В. Сталина в Министерстве обороны. На Георгия Константиновича и смотреть было страшно. Но держался. Спокойно, уверенно дал четкие указания о сборах.

Провели по-фронтовому. Как будто вернулись золотые военные дни. Из тупика подали дорогой спецпоезд. Тот самый, боевой. Погрузили в наскоро протертый вагон-гараж машины - бронированный "мерседес" и "бьюик". В салон-вагон поднялся маршал, охрана в свой. В сумерках с каких-то запасных путей тронулись. Без провожающих. В прозрачном сумраке летней ночи поблизости маячили знакомые фигуры, топтуны из "наружки". Что-то высматривали, вынюхивали.

13 июня 1946 года приехали в Одессу, спецпоезд, как в былые военные годы, приняли отнюдь не на главном пути, а на задворках станции. В войну понятно опасались врага, удара с воздуха. А теперь от кого прятались? Одинокая группа встречающих генералов, офицеров. Растерянных, явно не в своей тарелке. Георгий Константинович не подал и виду, что заметил их состояние. Тепло, не по-уставному поздоровался, завязался разговор. Мы тем временем мигом выгрузили "мерседес" и "бьюик". Жуков и охрана заняли свои места, и две огромные, по масштабам одесских улиц, черные машины покатили к штабу округа, куда прежде всего направился новый командующий. Одесситы, не видевшие таких машин, замерли от любопытства, стараясь разглядеть, кто внутри.

Потом мы узнали, что в Одессе как-то стало известно о предстоявшем приезде маршала, и доброжелатели собрались к вокзалу, чтобы достойно встретить любимого героя. Власти, выгрузив нас бог знает где, обманули ожидания доверчивых почитателей полководца. Еще расторопнее оказались политработники, убрав из кабинета командующего округом

генерал-полковника В. А. Юшкевича, переведенного в Куйбышев, портрет Г. К. Жукова. Новому командующему - Жукову повесили в кабинет громадный портрет И. В. Сталина. Шутники! Было бы смешно, если бы не было грустно.

Штаб округа тогда помещался на улице Островидова, 64; кабинет Жукова на втором этаже. Георгий Константинович, думаю, подчеркнуто выполнял свои обязанности, которые при желании легко можно было расширить. Утром выезд: от особняка командующего округом в Санаторном переулке следовали по Пролетарскому бульвару, улице Пироговской, проезжали площадь Октябрьской революции, по улицам Пушкинской, Ярославской попадали на Островидова к штабу. Я слышал, что острые на язык одесситы шутили: утром по маршалу Жукову можно проверять часы. С одной поправкой - когда он работал в штабе, ибо большую часть времени маршал проводил в войсках , изъездив вдоль и поперек весьма значительную территорию округа. Даже свое пятидесятилетие 2 декабря 1946 года встретил не в кругу семьи, а в поездке в войска. Кажется, проводил очередное учение.

Во время этих поездок мы насмотрелись на послевоенное житье-бытье: повсеместные разрушения, причиненные войной. Ограбили и разорили красавец город румыны. Их войска оккупировали Одессу почти три долгих года. Теперь грабители убрались за Дунай, на свою территорию. С омерзением читал, когда попадались под руку, сообщения о том, как румынский народ встал-де на путь строительства новой жизни. Им было из чего строить, в том числе всего, что было вывезено из обобранной до нитки Одессы. На нашу долю выпало восстанавливать и в соответствии с принципами интернационализма радоваться успехам других - недавних врагов румын и, конечно, немцев.

Невольно приходили на ум сравнения быта даже на уровне командующего округом. В Бабельсберге оставлены не только комфортабельные дома и уютные квартиры, но и отличные гаражи. Наш размещался в подвале особняка, который занимал Жуков, была мастерская, мойка. В Одессе гараж был таковым только по названию. "Группа обслуживания" маршала до начала 1947 года прожила в спецпоезде, загнанном в тупик. Только весной 1947 года мы с адъютантом маршала, старшим лейтенантом Юрой Быловым получили двухкомнатную квартиру на двоих. Прикрепление к столовой военторга спасало нас, офицеров, от голода. Очень сказалось неурожайное лето 1946 года, принесшее засуху. Не раз с подведенными животами с тоской вспоминали фронтовой паек. Горько шутили - с Жуковым работаем как на фронте, только живем не по-фронтовому.

Я с большой личной заинтересованностью стал относиться к

единственному отвлечению Георгия Константиновича от дел - охоте. Охотничьи ружья мы всегда возили с собой. Специально на охоту выезжали на "бьюике" охраны, машину так и прозвали "охотничьей". Георгий Константинович бил уток в плавнях, гонялись в степи за зайцами. Бывало, набьет маршал шесть-семь зайцев, возвращаемся домой, и он дает распоряжение "прикрепленному" Васе Казакову: отберите зайца покрупнее для Александра Николаевича. Обязательно делился и добытыми утками. Коль скоро маршал иной раз превращался в нашего кормильца мясом, охота равняла всех сидевших с ним в машине.

Как-то мы ехали в Николаев. Вблизи города "бьюик" не одолел крутой подъем, я развернул машину, направил вниз, и мы очутились на проселке. Едем по нему. На обочине мертвая лошадь. Георгий Константинович говорит Казакову: "Сейчас что-то будет. Достань ружье". Из-под лошади вдруг выскочила громадная лиса и, петляя, помчалась в степь. Мы за ней. Жуков палит, и все мажет. Я кручу баранку и в азарте кричу:

"Бей!" Снова промах. Жуков неожиданно стал ногой жать на акселератор, тесня меня. Я ударил его по ноге. Лиса тем временем юркнула в лощину и ушла. В Николаеве, как мне говорили, Жуков шутя-серьезно жаловался командирам: вот меня собственный водитель "побил". Я глубоко уверен, что Георгий Константинович, убивая досуг на охоту, стремился избежать разговоров о политике. Он сумел не войти в бюро обкома партии, что полагалось по положению командующего округом. Маршал уклонился от контактов с первым секретарем Одесского обкома партии, вельможным, разжиревшим партийным бонзой А. И. Кириченко. К политике, в обыденном понимании, маршал, по всей видимости, не хотел иметь никакого касательства.

Перед 7 ноября 1946 года Г. К. Жуков решил устроить прием для командования округом. Он пригласил генералов с женами. Среди нас, водителей, было немало шуток - губернские дамы, приятные во всех отношениях и просто приятные, пришли в страшное волнение, готовили наряды, гадали, как лучше выглядеть в глазах прославленного маршала. Они ожидали бесед на политические темы на приеме, иные кинулись читать газеты. Георгий Константинович удивил всех. Когда приглашенные собрались, маршал сурово предложил: о службе, работе не говорить - и заразительно рассмеялся. Осмелевшие генеральши зааплодировали. Лед был сломан, и долго после приема по Одессе ходили восторженные рассказы об обаятельном полководце, осчастливившем своим пребыванием город.

Георгию Константиновичу приходилось все время быть настороже, чтобы не дать пищу недоброжелателям. Они

использовали любую мелочь. Юра Былов попросил меня отвезти его на мотоцикле к знакомой девушке. Он уселся за спиной, и мы покатили по Дерибасовской, оба в форме - старший и просто лейтенант. У меня на груди колодка орденов и медалей, по количеству редкая тогда у младшего офицера. В глазах рябило. Мне пришла в голову шальная мысль - прокатиться на глазах гуляющих одесситов на мотоцикле стоя. Юра встал на заднем сиденье, я поднялся со своего, и мы, вызвав всеобщее удивление и, наверное, восторг у некоторых разинувших рты, промчались по оживленной улице. Когда я возвращался один, стражи порядка уже поджидали. Цепь милиционеров, взявшихся за руки, преградила путь. Я сделал вид, что "сдаюсь", сбавил скорость, подъезжая к ним, а, оказавшись в нескольких шагах, внезапно рванул ручку газа, мотоцикл взревел, я пригнулся, проскочил под расставленными руками и был таков.

На следующий день Георгий Константинович вызвал меня и с порога огорошил: на вас, Александр Николаевич, пришла "телега". Какая? А кто хулиганил вчера на Дерибасовской? Пришлось покаяться. Жуков не ругался, а только тяжко вздохнул. Мне стало неловко. Тем более что, как я узнал, как раз в это время в Одессу приехал из Москвы по поручению ЦК очередной контролер Жукова, генерал Аношин из ГлавПУРа. Пополнять "компромат" на маршала. Его шофер, мой приятель, москвич Володя Ходнев рассказал, что генерал большая дрянь. Одно слово политработник.

Получилось, что я в какой-то мере "подставил" маршала. Для себя постановил - вести аккуратнее. С фронтовиков в то время установили повышенный спрос, все в строку. Меня и без того шутливо прозвали "генералом" из-за количества орденов и медалей. По наущению партийных органов, где, на удивление, в руководстве было мало участников войны, за нами, фронтовиками, смотрели в оба. Чуть что, начинались внушения - забываетесь, вы не на фронте, позволяете себе вольности. А стоит огрызнуться, как упитанная тыловая крыса скрипела распустились там на фронте, не только вы, все воевали. Вся страна. Верно, но по этой физиономии было видно, где воевал такой - в Средней Азии или за Уралом.

Конечно, мне приличествовало быть солиднее, я взял твердый курс на брак. В Одессе я познакомился с артисткой окружного театра Красной Армии Ниной, Ниной Сергеевной Колесниковой по мужу, с которым она была в разладе. Девичья фамилия Нины Марцынковская, отец поляк, мать украинка. Родители умерли, не достигнув сорока лет, во время голода на Украине в 1933 году, оставив Нину (1916 года рождения) со старшей сестрой и

младшим братом. До войны Нина по окончании театрального училища работала в театре Красной Армии в Киеве. Когда Германия напала на СССР, Нина ушла во фронтовую бригаду и прошла всю войну от звонка до звонка в героическом кавкорпусе прославленного генерала Н. С. Осликовского.

Нина рассказывала, что Осликовский был без преувеличения отцом-командиром, заботливо опекал немногих девушек, несших очень нелегкую службу. Она была награждена полагающимися медалями за войну, а после ее окончания осела в Одессе. Замечательная добрая женщина мечтала свить свое гнездо, но при общей неустроенности мы и помыслить не могли о совместной жизни. Встречались от случая к случаю. Нина занялась делом, отнявшим почти три года, - разводом с мужем. Все свободное время я проводил с Ниной, ходил в театр, где ей давали небольшие роли. Для меня, конечно, лучшей актрисы, чем Нина, на свете не было. Любили мы друг друга безоглядно.

Работа у Г. К. Жукова шла своим чередом, напряженно и интересно. Уже через несколько месяцев он глубоко "врос" в дела Одесского военного округа. Работал сам и заражал своим примером других. Учения шли за учениями, невзирая ни на что. В суровую зиму в феврале 1947 года маршал направился по железной дороге в район Тирасполя. Снега намело много, по линии железной дороги Одесса - Кишинев местами заносы достигали высоты вагона. У села Кучургай, что в 30 километрах юго-восточнее Тирасполя, состав окончательно застрял. Жуков вызвал по радио из Одессы самолеты Ан-2. Они приземлились рядом с железной дорогой, и маршал продолжил путь. Не война, можно было бы отложить учения. Но не таков был Жуков, командиры ждут, значит, командующий должен прибыть в назначенное время.

К лету 1947 года я хорошо изучил территорию округа, объехав с маршалом все основные города - не говоря об Одессе, Николаев, Кишинев, Бельцы, Тирасполь, Бендеры. Жуков проводил не только учения, но и показные занятия. Особенно любил Георгий Константинович дивизию, дислоцировавшуюся в районе станции Раздельная. Маршал ставил дивизию в пример, настаивая, что ни одна другая часть в наших Вооруженных Силах не может сравниться с ней. Возмездие не замедлило. Из Москвы именно в эту дивизию приехала инспекция Министерства обороны во главе с маршалом Говоровым, сухим и малоприятным человеком. По всем показателям боевой и политической подготовки дивизии, образно говоря, выставили "неуды". Коль скоро Жуков считал ее лучшей в округе, значит, и сам округ...

Взбешенный необъективностью инспекции, Жуков спросил в лоб Говорова, почему он так поступил. Последовал бесподобный ответ, возмущался при мне Георгий Константинович, - "по указанию товарища Сталина". Инспекция и явилась поводом для смещения Г. К. Жукова с поста командующего Одесского военного округа. Но я забежал вперед.

Ранней осенью 1947 года я наконец вырвался в отпуск. Первый за годы войны и послевоенное время. Сил было много, и я решил посвятить часть отпуска участию в мотогонках в Москве на первенство Вооруженных Сил. Победил! Занял первое место на своем БМВ. Старт и финиш на 23-м километре Минского шоссе, четыре конца по 75 километров до 98-го километра и обратно. Установил сразу три всесоюзных рекорда (для машин с объемом двигателя 500, 750 и 1000 кубов). Участие в гонках чуть не кончилось неприятностью. На скорости 180 километров в час прокол, полетела покрышка, и финишировал на ободе. Хорошо, что это случилось в конце 300-километровой дистанции.

В награду получил 12 тысяч рублей, по тем временам порядочные деньги. По-моему, в тот же день или в крайнем случае на следующий мне позвонили на Старопанский, где я с родными переживал радость победы: "Позовите Александра". Беру трубку, слышу голос В. И. Сталина: "Сейчас подъеду, поговорить надо. Куда подъехать?" Объяснил. Вышел из подъезда, подкатывает знакомый "кадиллак" генерала Власика, начальника охраны И. В. Сталина. В машине Василий. Он привез меня на дачу. Небрежно заметил - раньше на ней жил главный маршал авиации Новиков. "Теперь сидит", - махнул рукой Василий.

Усадил за стол, хорошо угостил. Без предисловия объяснил, зачем встретились. "Поговори с самим, чтобы отдал "паккард". Что за блажь! В Берлине уже выпросил один "паккард", теперь подбирается к нашему парадно-выездному черному "паккарду", который стоит в ГОНе и на котором Георгий Константинович ездил по Москве при вызовах с фронта. Машину мы не взяли в Одессу, берегли.

Н. Я.: Невольно возникает сравнение - отпрыск вождя вел себя так, как было принято у иных первобытных народов на стадии дикости. Хрестоматийный пример: съедали сердце смелого супостата, чтобы быть таким же смелым, и т. д.. Василий Иосифович, по всей вероятности, полагал, что, вселяясь на дачу главного маршала, главкома ВВС, повышает себя в звании, а отнимая машину у Маршала Советского Союза, забирается еще выше. Нелепость? Конечно, но рационального объяснения иррациональному поведению не сыскать.

А. Б.: Я смотрю на дело проще, без высокоученых сравнений. Этот отпрыск вел себя скорее инфантильно, как капризный избалованный ребенок. Отдай мои игрушки! Убедившись, что Василий говорил всерьез, я сначала даже растерялся, потом оправился и пообещал поговорить о "паккарде" с Г. К. Жуковым. Про себя твердо решил - ни слова маршалу, хватит у него и без этого огорчений. Удовлетворенный Василий, порядочно набравшийся, приказал какому-то грузину отвезти меня домой на Старопанский. Тот отвез на "мерседесе".

В Одессу вернулся из отпуска, стараясь не подать и виду маршалу, что буквально давило меня. Василий никогда бы не осмелился нагличать, если бы Георгия Константиновича не прижимали со всех сторон. Вполголоса среди нас, близких к маршалу, пошли разговоры о том, что Жукова, наверное, арестуют, ибо по непонятным и необъяснимым причинам бросили в тюрьму десятки генералов и офицеров, непосредственно работавших с ним. Перечислять их и называть опасались даже в разговорах без посторонних. Атмосфера была гнетущая, тяжелая.

Что делать, нужно работать. В последние месяцы моего пребывания в Одессе в машине царило погребальное настроение. Маршал во время поездок почти не разговаривал. Я также не открывал рта, боясь, что не выдержу и расскажу Георгию Константиновичу о домогательствах Василия.

Мрачно встретил новый, 1948 год, високосный. Значит, жди беды. Так и случилось. А известно, что беда одна не приходит. Вскоре после Нового года меня пригласил, именно пригласил, а не вызвал Георгий Константинович. Домой. Глядя прямо мне в лицо, он печально сказал: "Убирают тебя от меня, Александр Николаевич". И рассказал, что пришел приказ - отозвать меня в распоряжение Управления кадров МГБ СССР. Выезжать немедленно. "Я, - закончил Жуков, написал письмо Власику, передай ему. Я прошу, чтобы тебя оставили у меня". Георгий Константинович вручил мне запечатанный конверт. "Сходи на прием и передай письмо лично Власику".

Я так и сделал. По приезде в Москву сразу отправился во 2-й дом на Лубянке к генерал-лейтенанту Н. С. Власику, недавно назначенному начальником Главного управления охраны МГБ СССР, 6-е управление, по которому я числился. Пришлось подождать, наконец пустили в кабинет. Я протянул письмо генералу, объяснил, что оно написано Маршалом Советского Союза товарищем Жуковым. Он, не распечатывая, сунул его под стекло на столе и по чекистскому обычаю заорал. Что я "хулиган", которого знает вся Одесса, растленный тип, "ходок по бабам", и прокричал многое другое, что я забыл. Генерал-лейтенант не стал тратить на меня время, объявил, что "позорю органы", выгнал из кабинета. Как водилось в "органах", все это сдобрено отборной матерщиной.

Моя судьба была решена. Вручили трудовую книжку с записью: с 19 января 1948 года уволен из МГБ СССР "за невозможностью дальнейшего использования". Итак, безработный, с подмоченной репутацией, ибо Николай Сидорович Власик еще выкрикнул мне в спину какие-то угрозы. Это было серьезно.

Многие годы я размышлял над тем, по каким причинам оказался неугодным. Характеристика, буквально выплюнутая мне в лицо Власиком (слюни летели изо рта матерившегося побагровевшего генерала в тот день), конечно, никак не соответствовала истине. Мне попалась на глаза статья "Воспоминания о маршале Г. К. Жукове" подполковника в отставке Н. Ольшевского. В 1946 году он был офицером в штабе Одесского округа. Не скрою, я был польщен, прочитав о себе спустя более сорока лет (статья опубликована 7 октября 1989

года в газете "Защитник Родины"):

"Среди обслуживающего маршала персонала всеобщим уважением пользовался водитель "мерседеса" лейтенант Бучин, который прошел с Георгием Константиновичем по дорогам войны от Москвы до Берлина. В нем удачно сочетались скромность, чуткость, отзывчивость, простота. Он никогда не кичился своим положением. Помимо всего прочего, Бучин выделялся еще и тем, что у него государственных наград было значительно больше, чем у других младших офицеров штаба округа... В ту пору в газетах и журналах нередко помещали фотоснимки американского генерала Дуайта Эйзенхауэра с огромной колодкой орденских планок на груди. У лейтенанта Бучина наград, разумеется, было меньше, чем у американского генерала. Однако если принять во внимание масштабность их воинских званий и положений, то такое сравнение было вполне справедливым". Меня, как я уже говорил, прозвали "генералом". Таким был лейтенант А. Н. Бучин в глазах сослуживцев.

Н. Я.: Я бы прибавил к этому сравнению другое. В войну водителем генерала Эйзенхауэра была сержант английской армии Кей Саммерсби. Образ верховного главнокомандующего союзных войск в Европе Эйзенхауэра в объективах газетчиков неотделим от Кей Саммерсби в ладно пригнанной форме за рулем "виллиса".

А. Б.: Я не знал этого, но уверен, от сержанта Саммерсби не требовали того, с чем ко мне совались иные в Одесском военном округе. Как заметил Ольшевский: "В группе охраны, на мой взгляд, наряду с действительно преданными маршалу телохранителями были и такие лица, которых заботила не столько личная безопасность Г. К. Жукова, сколько слежка за ним". Мне нередко приходилось отмахиваться от чрезмерно "любопытных", пытавшихся узнать что-нибудь о Георгии Константиновиче. Самых назойливых я посылал подальше, не стесняясь в выражениях. Вот за это, по всей вероятности, меня и выгнали. Не подошел я на роль "источника" о жизни и деятельности Г. К. Жукова.

Н. Я.: Омерзительно. Рассчитались с вами сполна. Но что ожидать от апостолов нравственности типа Власика. Он взялся судить, выяснять ваш, как говорили тогда, морально-политический облик. Так взглянем на облик судьи! По материалам процесса над ним. Он был арестован 15 декабря 1952 года злоупотребления Власика вывели из себя Сталина. Суд состоялся 17 января 1955 года. Подсудимый в ответ на обвинения в воровстве ответил: "Все мое образование заключается в трех классах сельско-приходской школы". Конечно, собрались большие грамотеи - судьи и подсудимый. Таких школ не было, были

"церковно-приходские". Его спросили: "Что вы можете показать суду о пользовании сотрудниками Управления охраны бесплатными пайками?" Ответ: "Комиссия под председательством Серова (опять Серов! - Н. Я.) провела ревизию, но никаких злоупотреблений не обнаружила", фокус внимания перенесли на военные годы, когда от имени и за Сталина кормилась орава дармоедов. Вопрос: "Покажите суду, как вы, используя свое служебное положение, обращали в свою пользу продукты с кухни главы правительства?" Ответ: "После того как среди сотрудников появились нездоровые разговоры вокруг этого, я вынужден был ограничить круг лиц, пользовавшихся продуктами. Сейчас я понимаю, что, учитывая тяжелое время войны, я не должен был допускать такого использования этих продуктов".

Вопрос: "Почему вы стали на путь расхищения трофейного имущества?" Ответ: "Теперь я понимаю, что все это принадлежало государству. Я не имел права обращать что-либо в свою пользу... Приехал Берия, дал разрешение приобрести руководящему составу охраны кой-какие вещи... Признаюсь, что часть вещей я взял безвозмездно, в том числе пианино, рояль и т. д.". Откуда 14 фотоаппаратов? "Один аппарат мне подарил Серов" (щедрый человек. - Н. Я.).

На суде открылось: Власик, как сказал один из собутыльников, "морально разложившийся человек", перечислили десятки женщин, с которыми он был в близких отношениях. Участница некой оргии бесхитростно поведала о нравах чекистских генералов: "Девушка, бывшая с нами, начала выражать особую симпатию к одному из генералов. Это не понравилось Власику, и он, вынув наган, начал расстреливать бокалы, стоящие на столе. Был он уже навеселе". Было это "еще до войны, в 1938 или 1939 году".

Истории такого рода можно умножить без труда. Если наложить последний мазок и сказать о манере Власика пугать арестом тех, кто по каким-нибудь причинам не нравился ему, то рисуется отвратительный портрет разнузданного сатрапа. Щедро украшенного орденами: три Ленина, четыре Красного Знамени, Кутузова I степени. К этим наградам суд в 1955 году присовокупил последнюю ссылку на 10 лет, по амнистии сокращенную до пяти.

Вот этот негодяй учил вас, Александр Николаевич, морали.

А. Б.: Тогда было трудно. Я был выброшен на улицу. Много спустя я узнал, что, не дождавшись ответа от Власика на письмо обо мне, Г. К. Жуков обратился к Берии. Он начинал пространное послание: "Уважаемый Лаврентий Павлович...", давал мне отличную характеристику, заверял, что лейтенант Бучин ни в чем

не виновен. Жуков просил возвратить меня в Одессу. Берия, конечно, не ответил.

У безработного времени вагон, и я отлеживался на Старопанском, лениво строя планы на будущее, как раздался неожиданный звонок по телефону Георгия Константиновича. Случилось это в самом конце января 1948 года. Я уже знал, что Жукова перевели из Одессы командовать Уральским военным округом. Как я понял, по дороге к новому месту службы маршал задержался в Москве. О причине инфаркт - не знал.

Осведомившись о моем здоровье, Георгий Константинович попросил меня об одолжении - выяснить, почему ему не подают тот любимый черный "паккард". Пропуск в Кремль у меня отобрали, и с большим трудом мне удалось связаться по телефону с Удаловым. Тот сухо ответил, что есть распоряжение Косыгина. Что это означает, непонятно. Когда Георгий Константинович позвонил и справился о моих "успехах", я честно пересказал слова Удалова. Последовала тягостная пауза, потом Георгий Константинович поблагодарил за труды и повесил трубку.

Довольно скоро я узнал - "паккард" забрал В. И. Сталин.

Дело No 3687

Обиды обидами, а жизнь продолжалась. Я осмотрелся в Москве. Ничего утешительного, кроме главного: великая и единственная опора - дружная семья Бучиных. Как-то пронзительно ясно понял в то тяжелое время, что значила любовь мамы, взявшейся опекать меня, разменявшего четвертое десятилетие. Не знаю, что делал бы без материнской любви, поддержки братьев и сестры. На семейном совете рассказал о Нине. Решение было единодушным: нечего тянуть, привози в Москву. Потеснимся, но будет с нами. В марте 1948 года смотался в Одессу. Вернулся с Ниной. Еще жиличка на Старопанском. Спали мы с ней на полу.

С работой хуже. Ткнулся в несколько мест, ничего не получалось. Может быть, в какой-то мере я был виноват сам, привык служить. Спрятал гордость в карман и пошел к В. И. Сталину. По очень основательной причине. От ребят-спортсменов узнал, что Василий только что назначен командующим ВВС Московского округа. Он объявил, что создаст лучшие спортивные команды в СССР. Посулил неслыханные блага, и спортсмены сбегались к нему. Так и пришел я на улицу Осипенко.

Н. Я.: Что там помещалось?

А. Б.: Штаб ВВС Московского округа. 27-летний генерал-майор В. И. Сталин подчеркнуто демонстрировал свою

интеллигентность. В вестибюле штаба книжный киоск и театральная касса. Чисто. Офицерам категорически запретили задерживаться после рабочего дня. Неслыханное новшество, все государственные учреждения в то время работали в ненормальном режиме. Коль скоро И. В. Сталин работал ночами, руководители ведомств считали необходимым засиживаться далеко за полночь. А у сына по-иному.

В кабинете, однако, я увидел в генеральском мундире прежнего Василия. Он снизошел, признал "Сашку", но говорил небрежно, свысока. "Работу тебе предложить по специальности не могу, - вслух рассуждал генерал. - Допустим, взял бы я тебя водителем, поехал бы в Кремль к отцу. Тебя в ворота не пустят, что мне, пешком идти?" Я посочувствовал Василию Иосифовичу: "Конечно, как можно пешком?"

Генерал вдруг вскинулся:

- Давай создадим мотоциклетную команду, и ты станешь ее начальником. Я сразу отказался:

- Не могу командовать людьми. Готов быть гонщиком. На том и порешили. Не сходя с места, Василий Иосифович отдал команду зачислить меня в кадры ВВС. Назначили начальником химслужбы полка. Ни о первом, ни о втором я понятия не имел. Главное - мотоцикл. Вернули погоны лейтенанта, выдали форму ВВС, фуражку летного состава. Ради утешения генерала я порекомендовал взять в начальники мотоциклетной команды ВВС МО моего доброго знакомого Прокофия Николаевича Соколова, майора, начальника базы.

Никогда не забуду комическую сцену. Соколова разыскали по телефону, приказ - явиться к командующему ВВС МО генерал-майору В. И. Сталину. Он прибежал на полусогнутых, запыхавшийся. Выслушал высочайшую волю и вышел из кабинета Василия, расправив плечи, гордо озираясь.

Пошли совсем неинтересные будни. Гаражи команды в районе Песчаной улицы. Там работали, оттуда ездили на тренировки в Подмосковье. Василий устроил летний мотокросс на Минском шоссе и зимний на приз В. П. Чкалова в Химках. По его приказу весь офицерский состав был обязан присутствовать. Упаси бог проигнорировать, гнев В. И. Сталина был неописуемым.

Мне совершенно случайно довелось поближе познакомиться с личными качествами Василия. Вскоре после моего зачисления на службу Василий позвонил и сказал: "Сашка, на пару дней подмени моего шофера, заболел". Подал машину к штабу и с наставником Василия по ВВС полковником Борисом Морозовым отвез обоих домой, в особняк на Гоголевском бульваре. Туда, видимо, подъехали девицы. Развлекались до утра, я ждал в

машине. Сравнил со службой у Г. К. Жукова. Немыслимо, чтобы маршал заставил ожидать всю ночь.

На рассвете вышел с Морозовым, оба навеселе. "На дачу!", на новиковскую дачу в Ново-Спасском. Я от бессонной ночи как-то не мог прийти в себя и вел машину осторожно. "Почему так едешь? Стой!" Сел за руль и погнал "бьюик". Километров так 140, на Ленинградском проспекте едва не вмазались в "Победу". На даче поспали. Утром покормили, подал машину к подъезду.

Смотрю, сюда же подводят двух лошадей, одна белая. Выходит Василий, его подсадили в седло, и он потрусил по обочине шоссе. Мы на машине сзади. Вдруг лошадь понесла. Инструктор по конному спорту старший лейтенант Романенко побелел. Наконец конь разнуздался и стал. Вася кое-как слез и понес матом Романенко, почему не подготовил коня как следует и т. д. Возмутительная сцена.

По пути в штаб Василий накинулся на меня за то, что я слил из бака машины у Старопанского канистру бензина. Как смел "без спросу" брать бензин! Дело не стоило выеденного яйца. Я держал мотоцикл в квартире на Старопанском и по каким-то причинам не заправил его на бензиновой колонке. Удивила даже не мелочность Василия (бензин тогда стоил 5 копеек литр, нам выдавался бесплатно), а то, что за мной следили - я подъезжал к квартире один. Неприятное открытие.

Довелось мне без промедления испытать еще больший мстительный гнев В. И. Сталина. Он требовал, и очень настырно, быть первыми. Команда была сырая, несколоченная. В середине 1949 года мы проиграли соревнование по кроссу на 60 километров, заняв второе место после "Динамо". Василий собрал нас в новом здании штаба ВВС МО на Ленинградском проспекте. Он явился навеселе, поблескивая новыми погонами, в мае 1949 года стал генерал-лейтенантом. Его "речь" была отвратительна, брань грязной, обвинения несуразными. Я не выдержал, встал и начал возражать. Василий визгливо цыкнул на меня:

- А ты молчи, холуй посольский!

Я даже сразу не сообразил, в чем дело. Потом вспомнил историю десятилетней давности, мой первый и единственный в жизни контакт с иностранным дипломатом. Значит, помнили, значит, следили! Бранью дело не ограничилось. Василий объявил об изгнании меня из рядов доблестных ВВС. Итак, отныне вольнонаемный, по должности инструктор по мотоциклетному спорту команды ВВС МО.

Окончательное превращение меня в штатского почти совпало с радостным событием - 23 октября 1949 года мы с Ниной зарегистрировали брак в Ленинском загсе Москвы. Наконец стали

законными мужем и женой. Радость била через край, жизнь не омрачало даже то, что пришлось жить в неважных условиях. Сняли небольшую комнатенку в Сретенском тупике и съехали со Старопанского. Постепенно я освоился со своим новым положением, каждый день торопился к себе домой. Дорога простая: пешком от метро на площади Дзержинского. Вот на этом пути сделал пренеприятное открытие. Годы общения с чекистами не пропали даром, я обнаружил за собой "хвост", проще говоря, топтуны "вели" меня. Проверился, так и есть.

Пришел домой, рассказал Нине. Вины за собой никакой не знал, знал другое: слежка дело дорогостоящее, и если я стал ее объектом, значит, МГБ что-то затевает. Через какое-то время заметил, что наблюдение снято. Успокоился, но, к сожалению, как выяснилось позднее, напрасно. Впрочем, дел было по горло, команда становилась на ноги. Я предвкушал успехи, а энергичная деятельность В. И. Сталина по созданию спортивных коллективов в ВВС МО невольно увлекала, не оставляла времени на размышление. Буквально каждая неделя приносила что-либо новое.

Нужно воздать справедливость В. И. Сталину. Он использовал свои широкие возможности в интересах советского спорта, хотя зачастую его "забота" приобретала уродливый характер. Василий серьезно отнесся к подхалимскому избранию председателем Федерации конного спорта СССР и по этому случаю завел на даче личную конюшню. Руководители военно-строительных организаций, естественно, угодничали перед Василием, особенно генерал А. Н. Комаровский, известный специалист по использованию труда заключенных. По инициативе Василия были построены спортивные залы или под них переоборудовали подходящие помещения. В горячке обустройства спортсменов и мне улыбнулась удача - в конце 1949 года мы с Ниной получили однокомнатную квартиру на пятом этаже типового дома на Хорошевском шоссе.

Казалось, достигнута вершина счастья. Перевезли свое имущество - перину, на которой спали на полу. Втащили не без труда единственное достояние мотоцикл. Поднимать машину на пятый этаж было делом не из простых. На стройке по соседству работали немецкие военнопленные. Я договорился с одним, хорошим столяром, и он соорудил мне на кухне приличный стол. Посидели и выпили с ним ради такого случая. Я с уверенностью смотрел в будущее, Нина часто мечтала о том, как расставить мебель. Когда у нас будут деньги. "Будут!" - заверял я ее, надеясь взять призовые места на соревнованиях. 27 апреля 1950 года наши планы разлетелись.

На рассвете раздался громкий нетерпеливый стук в дверь. Я встал с пола, подошел к двери.

- Кто?

- Открывай!

В прихожую ввалились четверо и разбежались по нашему жилищу. Схватили и ощупали мою одежду. Согнали Нину с перины, перетряхнули постель.

- Что вам нужно?-спросил я.

- Где оружие? - заорал, видимо, старший.

- Ищите, - пожал я плечами и попытался успокоить Нину, которая полуодетая дрожала на табуретке.

Обыск не занял много времени, у нас практически ничего не было. Только по завершении этой операции мне предъявили ордер на арест и обыск Бучина А. Н. Приехало за мной МГБ.

Н. Я.: Что у вас украли при обыске? Не может быть, чтобы чекисты, именовавшие себя людьми с чистыми руками и горячими сердцами, ничего не присвоили. В таких случаях они не стеснялись.

А. Б.: Сперли единственную ценную вещь - часы, которые мне подарил брат Алексей. Как они умудрились сделать это, ума не приложу. Наручные часы висели на видном месте. Ни Нина, ни я не заметили, как вор сунул их в карман или куда-нибудь еще.

Н. Я.: Чекистским ворам в сноровке не откажешь. В этом отношении они были специалистами высокой квалификации. Когда в феврале 1952 года был арестован мой отец, с обыском в нашу квартиру ввалилось с полдюжины чекистов предстояло обшарить не пустую комнату недавнего лейтенанта, а квартиру маршала артиллерия. Как и вы, я не приметил, как эти с шаловливыми чистыми руками, надо думать, убежденные коммунисты крали серебряные ложки, побрякушки моей матери и, наверное, кое-что еще, что я за давностью времени подзабыл. Помню только, что на толстых чекистских задах топорщились засаленные галифе (спецодежда для обысков?) наверняка с глубокими карманами. Когда же и меня арестовали в конце 1952 года, то, по словам матери, чекисты при обыске украли деньги, что-то из вещей. Ни я, ни мама так и не заметили, как они обворовывали нас.

А. Б.: Немудрено. Меня, когда они шарили в комнате, оттеснили в угол и отвлекли внимание разыгранной сценой. Мордатый эмгэбэшник нашел мой старый комсомольский билет (я выбыл из ВЛКСМ по возрасту) и обнаружил в нем фото Г. К. Жукова размером "на паспорт". Мордатый швырнул фото на пол и заорал: "Что ты эту дрянь держишь, что он тебе, отец?" Окончив обыск, меня заставили одеться, причем все время подгоняли,

свели вниз, затолкнули на заднее сиденье машины. По бокам втиснулись двое чекистов, обнажили оружие и так, под дулами пистолетов, "государственного преступника" А. Н. Бучина повезли на Лубянку, дом 2, во внутреннюю тюрьму МГБ СССР.

Н. Я.: Оказали вам высокую честь, в "нутрянку" бросали самых "опасных" преступников. Можем поздравить друг друга - я также прошел через нее. По своему делу, арестованный примерно через два года. Так что мы можем обменяться впечатлениями. Вот и беседуем мы сейчас, два закоренелых "врага" той власти. Когда мы с вами в мае 1993 года в приемной МБ России просматривали ваше архивное следственное дело No 3687, мне как юристу бросилось несоответствие размеров дела - том средних размеров - сроку вашего пребывания под следствием, почти два года. Тем более что вам было предъявлено пышное обвинение сразу по трем статьям УК РСФСР: 58-1 "а", 58-1 "б", 58-10 ч. 1. Цитирую постановление на арест:

"Бучин, будучи враждебно настроен против советского государственного строя, среди своего окружения распространял гнусную клевету по адресу руководителя партии и правительства. Кроме того, Бучин имел подозрительные связи с бывшим военным атташе США в СССР Файнмонвилем". Постановление утвердил 21 апреля 1950 года зам. министра государственной безопасности СССР Огольцов. Итак, вы пошли в тюрьму как изменник Родины, шпион и антисоветчик. Наверное, над вами "работали" куда больше, чем отражено в материалах дела.

А. Б.: Признаюсь, и я удивлен. Допросов было в десятки раз больше, чем подшито протоколов.

Н. Я.: Выходит, вам не предъявлялось дело в порядке ст. 205 УПК РСФСР?

А. Б.: По завершении следствия я прошел через Особое совещание, в котором не было предусмотрено ознакомление обвиняемого с материалами дела. Я, например, почти не вижу протоколов допросов о Файнмонвиле, что было чуть ли не пунктом помешательства следователей. Они никак не могли расстаться с представлением о том, что американский военный атташе круглосуточно, без выходных вербовал в шпионы всякого и каждого. "Ну, ты, рыжий (у меня в тюрьме отрастала рыжая щетина), ты ведь шпион, посмотри на себя", - проникновенно внушал следователь во время долгих ночных допросов.

Н. Я.: Я обратил внимание на то, что на протоколе первого допроса 30 апреля 1950 года проставлено время: начат в 22.50, окончен в 4.10. Далее почти не видно отметок о времени допроса либо указываются дневные часы. Вас разве не ставили на "конвейер", то есть допрашивали по ночам, а днем не давали

спать в камере?

А. Б.: Первые месяцы во внутренней тюрьме - кошмар. Прежде всего психологически. Хотя я, работая у Г. К. Жукова, нагляделся на чекистов и не был в восторге от них, все же, как у каждого советского человека, у меня было представление о них как о борцах с "врагами", людях, занятых опасным делом, идеалистах. Впервые мне пришлось столкнуться с ними в их логовище - на Лубянке, и я пришел в неописуемый ужас. Вместо романтиков я увидел обыкновенных тупых мерзавцев.

Я проходил по следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Следователи полковник Герасимов, затем подполковник Мотавкин взялись за меня всерьез и, конечно, поставили на "конвейер". Практически мне очень долго не давали спать. На допрос вызывали вскоре после 10.30, то есть после отбоя. Только лег, как надзиратели, или лучше именовать их уместным словечком вертухаи, поднимали и вели на допрос. Нередко по дороге запирали в бокс на несколько часов, глубокой ночью вводили в кабинет зевающего следователя, который, чтобы разогнать сон, орал, грозился и вел безумные речи. Иной раз казалось, что ты в доме умалишенных. В камеру отводили около 6 утра, а в 6 подъем, и уж спать днем не дадут.

Следователям незачем было держать меня на допросах целыми ночами, нельзя же в самом деле в тысячный раз выслушивать мои ответы: не завербован злодеем Файнмонвилем, не передавал, как выходило у следователей, шпионские сведения в США через Эйзенхауэра или, на худой конец, его сына. Этих бредовых диалогов в протоколах, подшитых, в архивном деле нет, но это было, было. Потом на какое-то время оставляли в покое, и снова на "конвейер", благо у основных следователей были помощники, коротавшие со мной бессонные ночи. В конце концов я стал плохо соображать, что происходило.

Н. Я.: Положение ваше было в высшей степени серьезным. Вам предъявили обвинение с "запросом", расщедрились на три статьи, из них 58-1 "а" и 58-1 "б" - измена Родине и шпионаж - расстрельные. В комплекте с ними 58-10 ч. 1 антисоветская агитация, так, пустячок, довесок, свидетельство вашей антисоветской сущности. Я не вдаюсь в то, верили или не верили мерзавцы, шившие вам дело, в вашу вину. Войдем в их положение. Они доложили по начальству, что изловили шпиона, возможно, находившегося на связи с ЦРУ через самого Эйзенхауэра, а следствие не может подтвердить обвинение. По чекистским понятиям, серьезный брак в работе. Коль скоро следователям неоткуда было взять изобличающие вас факты, оставалась "царица доказательств" - признание самого

подследственного в содеянном, то есть нужно было любой ценой (за ваш счет, разумеется) вырвать у вас признание. Тем, помимо прочего, избежать неприятных объяснений с собственным начальством.

У меня чисто личный вопрос, когда вам стало совсем невмоготу на "конвейере": летом или зимой?

А. Б.: Конечно, зимой. Из теплого кабинета следователя и даже теплого коридора внутренней тюрьмы в холод камеры.

Н. Я.: Как коллега могу вам только посочувствовать. Мне довелось пройти через "конвейер" зимой. Нельзя отказать в хваленой чекистской смекалке этим, с горячими сердцами и холодной головой. Только обладая последней, можно было додуматься вывести краны батарей парового отопления камер в коридор и прикручивать их по мере чекистской надобности. Когда по возвращении с безумного допроса, беглого шмона (обыска) у камеры открывалась дверь, то ступал как бы в мрачный холодильник. У меня по углам камеры зимой 1952/53 года искрился иней. Вертухаи в войлочных сапогах передвигались бесшумно и через глазок следили за заключенным, а если принять в соображение, что на полдюжину камер приходилось по дармоеду-вертухаю, то понятно, что ты находился под постоянным наблюдением. Лежать нельзя, сидеть только лицом к двери, а над ней, и соответственно глазком, круглосуточно горела сильная лампа, задремать даже на несколько минут совершенно невозможно. Если же измученный бессонницей заключенный все же закрывал глаза, врывался вертухай и тряс за плечи. "Встать! Ходить!" и т. д. Когда истязаемый валился с ног, являлся корпусной с вертухаями и всеми способами - в основном тумаками и пинками - заставляли бодрствовать. Правильно излагаю?

А. Б.: Вы забыли упомянуть об одеяле, той тряпке, которой предлагалось накрываться. От холода спасения не было, ткань "одеяла" пропускала свет.

Дорого мне обошлась в 1950-1952 годах случайная встреча с Файнмонвилем в 1937 году и то, что в 1945 году по долгу службы я несколько раз возил Дуайта Эйзенхауэра.

Довольно быстро с пугающей отчетливостью вырисовывалось - шпионаж и прочее, предъявленное мне, по всей вероятности, разминка, разгон следствия перед выполнением основной задачи, поставленной перед этими негодяями, заставить меня очернить Георгия Константиновича Жукова. Соразмерно величине задачи постепенно претерпели изменение методы следствия. Подполковник Мотавкин популярно объяснил, что режим внутренней тюрьмы, уже доведший меня до умопомрачения, -

санаторный. Упорствующих, закоренелых преступников, к которым отношусь я, отправляют в тюрьму в Лефортово и там с ними "говорят как следует". Хочешь жить, признавайся, пока в "санатории", в противном случае...

Мотавкин заключил: незачем защищать Жукова, у МГБ о нем свое нелестное мнение. "Твой Жуков, - распаляясь, внушал мне подполковник, - Моська, а Сталин слон". Поможешь следствию изобличить Жукова, тебе будет хорошо, испортишь с нами отношения, пеняй на себя. Все эти светлые мысли, конечно, оформлялись в иных выражениях. Шла сплошная матерщина, висел густой, отвратительный мат. Как последний аргумент - если будешь упорствовать, раздавят как "козявку". Перед самым моим носом на своих толстых пальцах с неопрятными ногтями он показывал, как "берут к ногтю" эту самую упрямую "козявку". "Не таких обламывали", хвастался подполковник.

Н. Я.: Именно так МГБ СССР накапливало "факты" против Г. К. Жукова. Ваше дело катилось по хорошо накатанной колее. Сценарий вашего следствия был не уникальным, а типовым. Давайте сравним с аналогичным делом.

В сентябре 1948 года был арестован Герой Советского Союза генерал-лейтенант В. В. Крюков, в войну командир 2-го гвардейского кавкорпуса. Его заключили во внутреннюю тюрьму на Лубянке. В заявлении в ЦК КПСС 25 апреля 1953 года В. В. Крюков описал, как от него домогались ложных показаний против Жукова. Началось с того, что "на протяжении месяца я проводил бессонные ночи в кабинете следователя. Обычно вызывали на допрос в 10-12 дня и держали до 5-6 вечера, затем в 10-11 часов вечера до 5-6 часов утра, а подъем в тюрьме в 6 часов утра. Я понимал, что это тоже один из методов следствия, чтобы заставить меня говорить то, что нужно следователю, и причем так, как это ему нравится. Из бесед со следователем я понял, что меня обвиняют в участии в каком-то заговоре, во главе которого якобы стоит маршал Жуков".

Боевой генерал, много раз смотревший в лицо смерти во всех войнах, которые вела страна с 1914 года, не поддавался угрозам. Он требовал предъявить ему факты. В ответ В. В. Крюкова перевели в Лефортовскую тюрьму, где следователь заявил: "Я буду уличать тебя не фактами, а резиновой палкой. Восхвалял Жукова?" Заключенный не уступал, тогда двое следователей повалили его на пол, и "началось зверское избиение резиновой палкой, причем били по очереди, один отдыхает, другой бьет, при этом сыпались различные оскорбления и сплошной мат". На пятый день непрерывных избиений В. В. Крюкова притащили к зам. начальника следственной части полковнику Лихачеву. Тот

заявил упорствовавшему Крюкову: "Ну, что же, начнем опять избивать. Почему ты боишься давать показания? Всем известно, что Жуков предатель, ты должен давать показания, и этим самым ты облегчишь свою участь, ведь ты только пешка во всей этой игре".

Крюков бросил в лицо заплечных дел мастерам: "Моя совесть чиста перед партией и Советским правительством... Ваши избиения я принимаю не от Советской власти... Я не знаю, кто из нас враг Советской власти - вы или я?" Новые истязания. Генералу было хорошо за пятьдесят, били его чекисты, годившиеся в сыновья - капитан и майор. "Избитый, голодный, приниженный... я не выдержал и подписал". В ноябре 1951 года, после трехлетнего заключения, Крюков получил 25 лет лагерей. Он "подписал", но мужественный генерал подписал не то, что от него пытались вырвать палачи, - осужден Крюков был по ст. 58-10 ч. 1 и Закону от 7 августа 1932 года. Иными словами, он все взял на себя - признался в том, что сам антисоветчик и "расхититель" социалистической собственности. Следствие объявило имущество его жены, прославленной певицы Л. А. Руслановой, заработанное еще до войны ее трудом, "трофейным", взятым в Германии. Русланова также угодила за решетку, получила 10 лет лагерей.

Несмотря на истязания, генерал-лейтенант В. В. Крюков не дал показаний против Жукова. В вашем следственном деле я усматриваю тот же сценарий его ведения, а защита, к которой вы прибегли, аналогична тому, как вел себя В. В. Крюков. Образно говоря, вы бросились на амбразуру, прикрыв собой Г. К. Жукова. Вы брали все на себя, как встали на эту позицию сразу после ареста, так и не сошли с нее до конца. Напомню.

На допросе 2 июня 1950 года вы показывали: "Хвастаясь своей близостью к маршалу Жукову, я не жалел красок для восхваления Жукова и при этом неоднократно высказывал измышления и гнусную клевету по адресу вождя партии".

На допросе 30 ноября 1950 года вы показывали: "Неоднократно хвастаясь своей близостью с маршалом Жуковым, личным шофером которого был с 1941 года по январь 1948 года, не жалел красок для восхваления Жукова и возводил злобную клевету на Сталина".

На допросе 2 ноября 1951 года вы показывали: "Я клеветнически утверждал, что придет время, когда Сталин еще пойдет на поклон к Жукову, как это было в свое время с Суворовым".

Понятное дело, ваши мысли пропущены через формулировки следователя. Не менее ясно, что в дело подшиты так называемые "обобщенные" протоколы допросов, одно из гнуснейших

чекистских изобретений - за одним протоколом стоят десятки тяжелых допросов. Но никакие ухищрения следствия не могли сдвинуть вас с занятой позиции - не дать в руки мерзавцев ничего против маршала Жукова. Скажите, как вам удалось нащупать, вероятно, единственно верную дорогу спасти доброе имя Г. К. Жукова, не запачкав свое. Если угодно, вы работали для истории, страницы протоколов ваших допросов из бездны чекистского ада доносят голос честного, мужественного человека, сумевшего выстоять.

А. Б.: У меня не было заранее никакого плана, мое поведение определяли обстоятельства. Нужно было что-то признать, иначе грозило страшное несчастье и моим родным. По мере того как развертывалось следствие, Мотавкин и К° - я не хочу восстанавливать в памяти фамилии его подручных, хотя увидел сейчас в деле их полузабытые фамилии, - участили угрозы расправиться с моей семьей. То, что это не фразы, я убедился месяцев через 8 после начала следствия.

Глубокой ночью вертухаи подняли меня и отвели в бокс, похожий на тот, в котором обычно проводились обыски тела. Страшное унижение, повторявшееся в тюрьме периодически с интервалом в три-четыре недели. Раздевайся догола, "открыть рот, раздвинуть ягодицы, поднять член". Обыскивающие что-то задержались. Я прождал несколько часов под ослепительным светом сильных ламп. Под утро явился заспанный вертухай со свертком одежды и предложил мне принять ее. Когда он развернул пакет, у меня потемнело в глазах - я узнал бушлат брата Алексея. Я сказал, что вещи не мои. "Как же не твои", - зашипел вертухай, ткнув мне в лицо квитанцию на имя А. Н. Бучина. "Так я Александр, а не Алексей", - несколько раз повторил я тюремщику. Когда до него дошло, что он натворил - перепутал заключенных, вертухай обозлился и в один миг я был водворен в камеру. На допросе я не отказал себе в удовольствии спросить Мотавкина, за что посадили брата. Он рявкнул: "Откуда знаешь?" С еще большим удовольствием я поведал пламенному чекисту о ночной прогулке с вертухаем в бокс за вещами. Подполковник помрачнел.

Уже по выходе из тюрьмы я узнал о злоключениях Алексея. Он попытался вызволить меня. Даже добрался до Г. К. Жукова, когда тот был в командировке в Москве. Но что мог сделать маршал, сам ожидавший со дня на день ареста! Алексей широко рассказывал знакомым о том, что со мной поступили несправедливо, высказывал предположения о причинах моего ареста и, естественно, крайне нелестно отзывался о властях. Алешина активность не прошла мимо внимания стукачей, и

братскую любовь уважили - его отправили поближе ко мне, то есть в тюрьму. Мы повидались на очных ставках, где следователи, глумясь над нами, вдоволь потешились над исконными человеческими ценностями вроде брат постоит за брата и т. д. Не только вздевались сами, но и приглашали своих коллег заходить, полюбоваться на "дураков". Тем временем пострадал и мой младший брат Виктор. Он работал инструктором по лыжному спорту в 6-м управлении МГБ СССР. В связи с моим арестом был выгнан, унизительно и грубо. Виктор превратился в безработного.

Мотавкин примерно в то время, когда я узнал об аресте Алексея, стал бросать темные намеки о том, что "прижали" Нину. Как именно, я узнал только на свидании с Ниной уже в лагере. В один прекрасный зимний день к дому, где жила Нина, подкатил грузовик. Рекомендованный мною на работу к В. И. Сталину Соколов послал своих людей с автоматчиками, поднялись на пятый этаж и выбросили Нину из квартиры прямо на улицу с нашими нехитрыми пожитками: периной, кухонным столом и мотоциклом. В мороз. Когда она спросила, куда ей деваться, в ответ прозвучало: "Куда хочешь. Но чтобы твоей ноги вблизи этого дома не было". Пристроив кое-как мотоцикл у знакомых, Нина ушла к брату, боевому летчику-штурмовику, провоевавшему всю Отечественную на Ил-2. Ее брат, сестра (она была замужем за полковником ВВС) и мои родные поддерживали Нину, пока я был в заключении. Когда я вышел на волю, случайно встретил Соколова и спросил его, как он мог выбросить женщину в мороз на улицу и отнять у нас комнату. Он, нисколько не смущаясь, сказал: "Иди выясняй у Василия Иосифовича Сталина. Я только выполнил его приказ занять комнату".

С начала 1951 года следователи по нарастающей требовали у меня признаний. Мотавкин иначе как "холуй" Жукова меня не называл. Он все внушал, что единственный выход для меня - изобличить маршала. Постепенно в ночных допросах стало все больше угроз отправить в Лефортово. Во внутренней тюрьме первые семь месяцев я сидел один, потом мне стали подсаживать одного-двух сокамерников. Некоторые из них рассказали о Лефортовской тюрьме и еще более страшной загородной Сухановке. Мое просвещение пошло гигантскими шагами, и, не скрою, стал возрастать страх. Впоследствии в лагере я узнал, что, по-видимому, некоторые из сокамерников были "наседками", в задачу которых входила моя "внутрикамерная разработка", то есть попытки установить мое отношение к следствию, добыть какие-нибудь сведения плюс запугать меня.

Н. Я.: Знакомые до омерзения приемы, которые и я испытал во время заключения во внутренней тюрьме. Одного не понимали

нелюди с холодными головами - "наседки" были видны как на ладони. Очень вам досаждали тем, что обеспечило В. В. Крюкову 25 лет ИТЛ, - домогались ли сведений о "мародерстве" Г. К. Жукова?

А. Б.: Еще как! Они надеялись, что я как водитель освещу эту сторону жизни маршала. Разоблачать-то было нечего, в моральном отношении Жуков был чист как хрусталь. О чем я говорил следствию, и неоднократно. Очень расстраивался Мотавкин. Он-то, если бы была возможность, не упустил бы случая что-нибудь украсть. А может быть, и крал, физиономия у подполковника была самая ненадежная.

Н. Я.: Что меня, Александр Николаевич, крайне поражало, так это пристрастие товарищей чекистов к чужой собственности. Генералы, понятно, воровали по-крупному, по-генеральски, Но эти-то вертухаи, стоявшие ниже нижней ступеньки лестницы чекистской иерархии, тянули что могли. У меня, заключенного во внутренней тюрьме, сперли пару нижних рубашек, носки. В цитадели железного Феликса, оплоте социалистической законности - на Лубянке! У заключенного в одиночке! Воспользовавшись тем, что я был на допросе. Эти с длинными чистыми руками дело знали. В описи вещей заключенного значилось все, что у меня было, поэтому вертухаи подложили вместо украденного рвань. Правда, выстиранную.

А. Б.: Другого от них и ожидать не приходилось. У меня не украли ничего, ибо красть-то было нечего. В тюрьму не дали собраться, торопились, а передач не принимали.

Коль скоро разговоры со мной в "нутрянке" ничего не дали, видимо, меня признали безнадежным и на воронке свезли в Лефортово. Было это уже летом 1951 года. В Лефортове следователи как с цепи сорвались, казалось, трудно было превзойти ту брань и угрозы, которые они обрушивали на меня во внутренней тюрьме, однако Мотавкин оказался способным на это. Как я понял, дело шло к развязке, применению средств физического воздействия, проще говоря, мерзавцы в форме МГБ собрались избивать меня. К чему и рекомендовали подготовиться "жуковскому холую". Под градом угроз я твердо решил - умереть, но маршала в обиду не давать.

Подготовился к худшему, тоскливо шел на очередной допрос. Однако ничего не случилось, довольно скоро меня вообще оставили в покое. Не вызывали несколько месяцев, а когда осенью 1951 года допросы возобновились, они велись вяло, без больших угроз. Нельзя сказать, чтобы Мотавкин переродился, но он определенно изменился.

Н. Я.: МГБ чутко реагировало на то, что происходило в наших

"верхах". Я недаром сравнил происходившее с вами с судьбой генерал-лейтенанта В. В. Крюкова. Генерал опередил вас на два года, то есть был арестован примерно на два года раньше и успел испить горькую чашу до дна, попал под избиения в Лефортове. Вам повезло. Летом 1951 года был арестован Абакумов, который и добивался "изобличения" Г. К. Жукова. Повезло по-крупному. Иначе пришлось бы искалеченному утешаться тем, чем утешался В. В. Крюков - не виновата-де партия и Советская власть, а некие "враги" истязают вас в лефортовских застенках, и оглашать их приличествующими случаю возгласами. Согласитесь, утешение очень слабое.

А. Б.: У меня тогда сложилось впечатление, что возвращение следователей в человеческий образ продиктовано какими-то обстоятельствами, над которыми они не властны. Следствие пережевывало одно и то же, шло все по тому же заколдованному кругу. Полюбуйтесь на извлечение из протокола одного из допросов на заключительном этапе моего пребывания в тюрьме. Вот мои показания: "В беседах со своими знакомыми я лично всячески превозносил Жукова и наряду с этим заявлял, что он якобы находится в опале, сравнивал его с Суворовым, а руководители Советского правительства несправедливо отнеслись к нему, в частности также и глава Советского государства. Я утверждал при этом, что придет время, когда глава правительства поклонится Жукову. Когда речь шла о предательстве Тито и его фашистской клики, я также высказывал клеветнические измышления о главе Советского правительства, его недальновидности...

Припоминаю, что в беседах о моих встречах в Германии с американскими шоферами я восхвалял и их внешний вид, и одежду, в то же время плохо отзывался об одежде и внешнем виде советских шоферов.

Я высказывал антисоветские измышления по поводу предстоящей поездки Маршала Жукова в Америку и клеветнически утверждал, что Жукова не пустили будто за границу. Что касается предъявленного мне обвинения о преступной связи с американским военным атташе Файнмонвилем, то этого я не признаю. Я с Файнмонвилем встретился в 1937 году при обстоятельствах, изложенных мною следствию на предыдущих допросах. После этой встречи я с ним никогда не встречался и никакой преступной связи не имел. Более подробное показание я дал следствию ранее".

В апреле 1950 года я рассказал кому-то о том, что в 1946 году я возил с маршалом Жуковым прилетевшего в СССР тогда генерала Эйзенхауэра в подмосковный колхоз "Заветы Ильича" и

высказал при этом, что этот колхоз является очень богатым, образцовым и якобы он организован для того, чтобы пускать пыль в глаза иностранцам.

Он согласился с моим клеветническим выпадом и, со своей стороны, добавил, что надо было бы свозить Эйзенхауэра в Щелковский район Московской области, тогда стало бы понятно иностранцам, что собой представляют наши колхозы".

Ради этих "сведений" меня почти два года продержали в тюрьме как важного государственного преступника! Помимо прочего, сколько здоровых мужиков - им бы пахать и на них пахать можно - кормились на моем "деле", получая сытую зарплату. В тюрьме на собственной шкуре я прочувствовал все лицемерие разглагольствований насчет моих прав как советского гражданина.

Н. Я.: Наверное, крах иллюзий касательно сути нашего строя был самым страшным, что испытывал человек, пройдя через тюрьмы МГБ СССР. Помимо истязаний, на это, как ни парадоксально, была направлена вся система "воспитания" в застенках. Не только от следователей приходилось выслушивать дикие, ни с чем не сообразные суждения, как вы, Александр Николаевич, о Г. К. Жукове, но и тюремный персонал брался при случае "воспитывать" заключенного.

Когда я оказался в тюрьме, то, естественно, был во власти иллюзий не только о чекистах, ожидая от них справедливости, припомнил еще хрестоматийные примеры, как в царских тюрьмах революционеры пополняли свое образование. Посему спросил у солдата-библиотекаря, явившегося в камеру со стопкой книг, принести мне "Капитал" К. Маркса. В институте я не очень внимательно проштудировал монументальный труд, за что корил себя. Солдат шепотом (в "нутрянке" так говорили) прошелестел: "Нет". - "Как нет "Капитала"?" удивился я. "Не достоин", - был ответ. "А если так, у вас водятся романы Дюма." - "Конечно". - "Тогда несите".

А. Б.: Вот это точно. Книги совали иной раз с прибаутками и рекомендациями, как будто мы неучи, а они грамотеи. Подбирали, олухи, на свой вкус.

В марте 1952 года вертухай отвел меня к какому-то бородатому прокурору, который дал расписаться в бумажке: решением ОСО МГБ СССР я осужден на 5 лет ИТЛ по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Одновременно отобрал подписку "не разглашать". Чуть не на следующий день отвезли меня в воронке в Бутырскую тюрьму на пересылку. Для начала сунули в громадную камеру, где было человек 50, многие такие же "преступники", как я, иные странные люди и, увы, несколько уголовников,

терроризировавших при поощрении администрации осужденных по 58-й статье. Стоит ли все это вспоминать теперь, когда только ленивый не поносит культ Сталина. О моем годе с небольшим в лагере можно написать книгу. Книгу о человеческих страданиях. Людей ни в чем не повинных. Написали, пишут и еще напишут. Я же ограничусь несколькими штрихами к тому, что ныне хорошо известно.

Год этот - странствование в безумном мире несчастных, оказавшихся в лапах садистов. Первые впечатления в пересылке в Бутырке. Я, отвыкший за два года в основном одиночного заключения от людей, присел на нары, оглушенный гулом голосов и задыхаясь от зловония. Подкатил безногий, на досочке с колесиками стрельнуть покурить. "А тебя за что, сердечный?" Невероятный ответ: "В метро на Кировской кричал: "Да здравствует Трумэн!" Червонец и пять по рогам!" Значит, 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах жалкому обрубку человека, место которому в психиатрической клинике - показывать как экспонат, а не в тюрьме.

Месяц невероятных страданий, месяц безумных рассказов, где правда и выдумка неотделимы и ложь правдоподобнее правды. Месяц тошноты от одного вида многоведерной параши, немытых тел, трупного дыхания беззубых ртов. Я чувствовал, что медленно схожу с ума, задыхаюсь в прокуренной, вязкой атмосфере пересылки. В тюрьме за два года я отощал, а здесь за месяц дошел, хоть прощупывай позвоночник через живот.

Этап. На запасных путях на Курском вокзале набили как сельдей в бочку в "Столыпин". На обед и ужин выдали красную кету, жрите! Я не прикоснулся к пересоленной рыбе, уголовники жадно заглотали. Всю ночь вагон ревел - воды! Конвой не реагировал. На узловой станции "Столыпин" разгрузили, конвой посадил всех в грязь, вокруг немецкие овчарки, иные рвутся с поводков. Меня определили в Горьковскую область, пересадили в теплушку и доставили на станцию Рассвет, где размещался Унжлаг МВД. Там мне предстояло отбывать свой срок.

Двое урок неторопливо подошли ко мне, приставили бритву к шее и сняли сапоги. Конвойные ублюдки равнодушно смотрели на разбой. На станции Рассвет отделили двоих, меня и хорошего паренька Лешу. Пешком погнал здоровый конвоир с ППШ и немецкой овчаркой на поводке. За двенадцать километров дороги Леша успел рассказать о своем "преступлении". Служил в армии, вел дневник. Кто-то передал дневник замполиту. Срок - 10 лет ИТЛ.

В лагере определили в тракторную бригаду, трелевщиком. Работа тяжелая, вязать бревна в связи, цеплять к тракторам. Но

все же лето. Приехала на свидание Нина. Поговорили. Как-то стал приспосабливаться, считал дни до освобождения. Тут бригадир потребовал отдать гимнастерку и бриджи. Не отдал и загремел на общие работы, готовить лесополосы. Наступила осень. Холод, слякоть, грязь. Идем на работу, цепляясь друг за друга, по лежневке - доскам, проложенным для тачек. Скучающему конвоиру угодно, чтобы мы брели по колено в грязи. Согнал с лежневки. Мы стали. Краснорожий конвоир заставил сесть в грязь и принялся развлекаться - стрелять из ППШ поверх голов. Насладился нашим унижением и снова по лежневке (по грязи мы так и не пошли) на лесополосу.

Так день за днем, в холод, мороз. Ночь за ночью в бараке, где спим в тяжком забытье. Осень, зима, ждем весны. Вдруг однообразное течение наших мучений прерывают новые впечатления - охрана внезапно растерялась. Иные мерзавцы плачут, да, плачут, размазывая слезы и сопли по нечеловеческим лицам! Умер Сталин! Повеяло чем-то новым. Хотя ничего еще не случилось, мы полны ожиданий, жадно ждем. Конвоиры тушуются, и даже злобные овчарки, кажется, перестают скалить зубы и рычать. Или это нам только кажется? Как всегда, лагерь полон слухами об амнистии.

Для многих радостная весть осталась слухом, а меня с "детским" сроком, как ни странно, 3 мая 1953 года освободили по амнистии. Опять подписка - ничего "не разглашать". Приехал к маме худой, изможденный. Стоит ли описывать встречу с семьей. Поклонился Нине за помощь, внимание, приезды на свидания в лагерь. Вернулся из заключения брат Алеша. Собрались все вместе, опять на Старопанском, комнаты мы с Ниной лишились навсегда. Нужно было начинать новую жизнь. Хотя сначала меня в Москву не пускали, все же удалось прописаться.

В июле устроился в 3-й автобусный парк. Сначала с месяц возил на легковушке начальника Абрама Аркадьевича Логунова, очень хорошего человека. Он вошел в мое положение и без подсказки пересадил на автобус. В парке была 5-я колонна, обеспечивавшая на ЗИС-155 междугородные перевозки. Наши автобусы ходили в Харьков, Симферополь, Минск и другие города. Работа сложная, но хорошо оплачиваемая. Так я вступил в систему автохозяйства, в котором мне было суждено проработать без одного года 38 лет.

Память о тяжелых годах быстро рассеивалась. Товарищи по работе, знавшие о моих злоключениях, относились внимательно, сердечно. Причинившие зло при случайных встречах делали вид, что они-то никакого отношения к злодействам сталинских времен не имели. Бледной тенью прошлого прошел Коля Кленов,

которого я встретил в автобусном парке. Он был в числе тех, кто арестовывал меня.

По газетам, радио, а потом и телевидению следил за Г. К. Жуковым, безмерно радовался за него. Справедливость восторжествовала! Прав оказался я, сражаясь в тюрьме за честь маршала. Кое-кто, знавшие о моей работе с маршалом, подбивали обратиться к нему с просьбой помочь хотя бы с квартирой. Иногда я даже колебался: не стоит ли, в самом деле, напомнить о себе? Одним из самых моих дорогих воспоминаний было, как летом 1945 года в Берлине после встречи с союзниками Георгий Константинович сел в машину, обнял меня и сказал: "Спасибо, Саша, за все". Единственный раз он так назвал меня! Но это еще не повод, чтобы докучать ему с моими бедами. Нужно будет, разыщет сам.

Между тем положение выпущенного из заключения по амнистии было отнюдь не сладким. Работники отдела кадров и члены парткома косились на меня. За спиной кто-то распускал гнусные сплетни, до меня доходило, что некоторые осмеливались даже именовать меня "уголовником". Хотя я не придавал этому никакого значения, пришлось заняться реабилитацией. Я навел справки и выяснил, что нужно писать на имя Н. С. Хрущева. 30 сентября 1955 года я направил в этот адрес следующее заявление (воспроизвожу полностью, до точки): "В Президиум ЦК КПСС тов. Хрущеву Н. С.

Мне было предъявлено тягчайшее обвинение по ст. 58-1 "а", 58-1 "б", 58-10 ч. 1.

Следствие по моему делу вела следственная часть по особо важным делам МГБ СССР, нач. отд. полковник Герасимов и следователь подполковник Мотавкин (за период с 29 апреля 1950 года по март 1952 года). В период следствия я долгое время отказывался от необоснованных обвинений в преступлениях, которые я никогда не совершал. Но так как следствие велось запрещенными советским законодательством методами: 1) пытка бессонницей, 2) голодом, 3) холодом, 4) не давали отправлять естественные надобности, 5) отказ от вызова свидетелей и очных ставок, б) от предъявления документов обвинения, 7) в течение 7 месяцев был заточен в одиночную камеру со строгим режимом, 8) отсутствие прокурорского надзора и другие приемы, - все это в течение ряда месяцев до предела физически и морально измотало меня, так я уже не мог все это вынести, а угроза ареста и высылки: жены, матери, братьев и других близких родственников - вынудила меня подписаться под протоколами, показанными Герасимовым и Мотавкиным. Основными мотивами предъявленных мне обвинений было то, что я возводил злобную

клевету на партию, правительство СССР и лично на тов. Сталина, что я являюсь шпионом американской разведки, а также холуем маршала Жукова (у которого я проработал в течение 7 лет, с 1941 по 1948 год). Они настоятельно требовали от меня сведений о его личной материальной стороне жизни, маршала Жукова, говоря, что Жуков обогатился за счет германского народа, использовав свое служебное положение, и Мотавкин в течение всего следствия принуждал меня вспоминать все, что я знал, слышал и видел при общении с тов. Жуковым: его разговоры с окружающими, в частности, с советскими солдатами, офицерами, генералами, а также с иностранными военными представителями (Эйзенхауэр и др.).

Кроме того, Мотавкин принуждал меня давать вымышленные и ложные показания на брата, Алексея Николаевича Бучина, в то время сотрудника МГБ СССР, впоследствии арестованного МГБ СССР по моему "делу", который якобы вместе со мной восхвалял маршала Жукова, противопоставляя его тов. Сталину и партии.

На допросах Мотавкин угрожал мне, что если я не буду давать нужных им показаний, то я буду раздавлен как козявка (при этом делал жест "к ногтю"), заявляя: "Мы и не с такими, как ты, расправлялись".

В итоге 2-годичного следствия в марте 1952 года ОСО МГБ СССР я был осужден по ст. 58-10 ч.1 на 5 лет ИТЛ. В 1953 году по амнистии я был освобожден из Унжлага МВД СССР и прибыл по месту жительства матери в Москву. В настоящее время я работаю, но черное пятно, которое лежит на мне, ни в чем не повинном советском человеке, тяготит меня и не дает мне спокойно жить. Я честно прожил всю жизнь и никогда и нигде никакой антисоветской пропаганды не вел, я искусственно был превращен в преступника и до сих пор ношу на себе это страшное клеймо.

Прошу Вас дать указания о пересмотре моего дела честными, объективными людьми, которые после тщательного разбора моего "дела" помогут мне полностью реабилитировать себя и вернуть мне незаконно отобранную квартиру, так как живу я в очень тяжелых жилищных условиях.

Бучин А.".

Теперь я с легкой насмешкой перечитываю это заявление, отражающее мое мировидение середины пятидесятых. Что делать, документ эпохи. На исходе того, 1955 года мне сообщили, что 17 декабря 1955 года Военная коллегия Верховного суда СССР реабилитировала меня. Судьи, конечно, были бессильны вернуть мне уничтоженные следователем, как значилось в протоколе от 6.2.1952 г., "письма разные на 35 листах, фотокарточки разные 35 шт.", но они могли восстановить мои права на жилплощадь. Этого

они не захотели делать. Какие бы лицемерные речи ни произносились, у нас человек, побывавший в тюрьме, навсегда заклеймен. Что с ним считаться. Реабилитируя, Военная коллегия властно напомнила об этом. Знай!

Не скрою, что в дальних рейсах, а я накручивал многие тысячи километров ежемесячно, я иной раз размышлял о том, вспомнит ли Жуков "Александра Николаевича" военных лет. Но нет, занят. Министр обороны! Не шутка. Насколько помню, обиды на маршала я не таил, ибо уже тогда стал понимать - Георгий Константинович человек своего времени. Случилось так, что мне пришлось напомнить о себе Г. К. Жукову.

Когда в октябре 1957 года с шумом, громом, треском маршал Жуков слетел со всех постов, я решил подать голос, если возможно, сказать слова сочувствия. С некоторым трудом по цепочке сослуживцев добыл дачный телефон Георгия Константиновича. Позвонил. Было это через несколько дней после того, как маршал перестал быть министром обороны СССР.

Георгий Константинович, как мне показалось, обрадовался звонку и пригласил приехать на дачу в Сосновку. Я быстро проделал на такси знакомый путь. Позвонил у ворот, впустили. По двору слонялись эти, из охраны, некоторых из них я помнил. На меня они смотрели плохо, как на бандита.

Георгий Константинович позвал в дом, оглядел: "Вот вы какой стали, Александр Николаевич!" - "Да какой есть". Пригласили отобедать. Жуков расспрашивал, что говорят в народе о его смещении. "Народ говорит, что неправильно убрали вас, и я так считаю". Жуков помолчал, а потом промолвил: "Ты знаешь, Александр Николаевич, я царем не собирался быть, ты знаешь".

Я в общих чертах рассказал о случившемся со мной. Георгий Константинович припомнил приход к нему в 1950 году Алеши. "Ты понимаешь, Александр Николаевич, что в тогдашнем моем положении я ничего не мог сделать". Конечно, все правильно, и тем маршал утешил меня, да, наверное, и себя. Поговорили еще на отвлеченные темы. Тогда пошли слухи, что Жукова назначат начальником какой-нибудь военной академии, и он спросил, хочу ли я, если это случится, снова работать у него. Я согласился. Как известно, надеждам Георгия Константиновича вернуться хоть к какой-то работе не суждено было сбыться. Получив приглашение заходить и звонить, я откланялся.

С этой поездки на дачу в Сосновку возобновилось наше знакомство. Я не злоупотреблял вниманием и временем Георгия Константиновича. Обычно звонил по праздникам, поздравлял. Когда получал приглашение, приезжал. Старался не быть

навязчивым. По собственной инициативе посещал маршала крайне редко. Один из случаев - мой приезд на дачу уже на собственной машине сразу после падения Хрущева в 1964 году. Я нашел Георгия Константиновича в приподнятом настроении, очень оживленным. Заговорили о Хрущеве. Я сказал, что снятие Никиты подтверждает справедливость известной истины: "Не рой другому яму, сам попадешь". Георгий Константинович принес бутылку коньяка и предложил выпить. Надо понимать, за радостное событие. Я сказал, что за здоровье Георгия Константиновича готов опрокинуть хоть стакан, но ведь за рулем. Остановят, обнюхают, потеряю работу. Все же приложился к маленькой рюмочке. День был уж очень радостный. Разговорились, и вдруг Георгий Константинович заметил: "Ты же знаешь, Александр Николаевич, Хрущев не был таким тогда".

Заявление меня крайне удивило, и, пожалуй, впервые я с болью заметил, что незлобивость, которая всегда была в характере Жукова, начинает прорываться с годами как чуть ли не христианское смирение. Чудно это было мне, уже заматеревшему, не только как водителю автобусов, но и тяжелых грузовиков. Новые навыки, накладываясь на фронтовой и тюремный опыт, не способствовали меланхолическим гадательным размышлениям о побуждениях Хрущева. Чтобы не обижать маршала, я пропустил его реплику мимо ушей. У меня было свое мнение о Никите.

Во время одной из встреч в 1967 году Жуков расспрашивал, как я живу. Пришлось признаться, что мы втроем, жена, сын Володя, родившийся 3 июня 1956 года, и я, ютимся по углам. Георгий Константинович раскипятился и написал письмо Промыслову, председателю Моссовета, На следующий год мы получили квартиру - две комнаты, 25 кв. метров, на 13-м этаже блочного дома, в которой живу по сей день. Я позвонил Жукову и поблагодарил за хлопоты. Когда вскоре после этого мы увиделись, Георгий Константинович, определенно гордясь собой, расспрашивал о квартире. Видимо, он, не обнаружив особого восторга в моем рассказе, бросил упрек - почему я не пришел, когда он был министром обороны, тогда он мог бы дать хорошую квартиру. Я объяснил, что и пытаться было бесполезно, все равно не пустили бы. "Нужно было быть понахальнее", - сказал Жуков. Я пообещал учесть на будущее.

Мне кажется, что в последние годы жизни единственное, что поддерживало Георгия Константиновича, обеспечивало ему жизнеспособность, была работа над книгой "Воспоминания и размышления". При каждой редкой встрече он неизбежно сводил разговор на прошлое, делился, как он описывает тот или иной эпизод минувшей войны. Он советовал и мне заняться

мемуарами, совершенно упуская из виду, что мне нужно было работать, чтобы прокормить семью.

Книга Жукова вышла в 1969 году. Он безмерно гордился сделанным, говорил, что в последующем издании что-то изменит, добавит, исправит. Вручение экземпляра с дарственной надписью мне гордый автор сопроводил небольшой речью. Но прежней энергии больше не было. Опала, почти полное забвение, видимо, начали сказываться на Георгии Константиновиче. Что особенно удручало - все нараставшее всепрощение. При таком настрое немудрено, что Г. К. Жуков угасал. На глазах. Я с прискорбием замечал во время очередной встречи после длительных разлук беспощадные следы времени.

18 июня 1974 года Георгия Константиновича не стало. В эти дни я случился в Москве и прошел через зал в Доме Красной Армии, простился с покойным. На похороны на Красную площадь пропуска не дали.

Мое дело - гонять тяжелые грузовики по Европе. Когда шел по трассе на Берлин, мысленно перевоевывал минувшую войну. Не преувеличиваю, чуть не от Москвы был знаком каждый поворот, пройденный в свое время рядом с маршалом. Переименованный на польский манер в Гожув-Велькопольски, отвоеванный нами для Польши, для меня оставался все тем же Ландсбергом, немецким городом, в котором в 1945 году стоял гордый штаб 1-го Белорусского фронта в канун штурма столицы "третьего рейха".

Кому нужно, знали о том, что я работал у Г. К. Жукова, отсидел за него, а люди эти обладали цепкой памятью. Хотя "Совтрансавто" обслуживало перевозки и в капиталистические страны, я как "невыездной" не смел и помыслить о них. К глубокому сожалению, отразилось мое положение и на сыне.

В 1977 году, отслужив два года в армии, Володя поступил на подготовительное отделение Института международных отношений. Через год был отчислен, на экзамене по иностранному языку нашли, что он отвечает очень "тихо".

Н. Я.: Я прекрасно знаю МГИМО, в 1949 году окончил этот институт, одно время преподавал, защитил в нем докторскую диссертацию, получил профессора, в редкий период в истории МГИМО, когда ректором был порядочный человек Ф. Д. Рыженко. Попытка вашего сына поступить пришлась на ректорство Н. И. Лебедева, железно стоявшего на должном "отборе" студентов. Для детей номенклатуры зеленая улица, "сомнительных", с точки зрения тогдашних властей, - не пускать. Сын водителя маршала Жукова, разумеется, никак не подходил. Избавились методом, отработанным в МГИМО, - срезали на экзамене. Кстати, Колька Лебедев, как прозвали его, исправил "ошибку" прежних ректоров, выгнал меня за "неблагонадежность" из числа преподавателей МГИМО.

Он очень был партийным и принципиальным, этот Лебедев. Поставил милицию у входа в институт, ввел пропускную систему, боролся с курением. Только в короткий период пребывания Ю. В. Андропова во главе государства был разоблачен как проходимец, в свое время подделавший документы об участии в партизанском движении в годы войны, изобличен в различных злоупотреблениях. С позором выгнан с поста ректора.

А. Б.: Тогда становится ясной неудача Володи с институтом. После работы в ваших организациях, имевших отношение к внешнеэкономической деятельности, Володя, разочаровавшись в людях, занятых там, пошел по потомственной линии устроился в автосервис. Там, как мне кажется, обрел себя.

Н. Я.: Я видел вашего сына за работой в цехе. Он мастер

высшего класса, к которому идут и идут товарищи за советом. Теперь в автосервисе на обслуживании и ремонте машины самых различных марок. У него та природная стать, которая нужна и дипломатам. Спецовка сидит на нем удивительно ловко; в очках с золотой оправой, с иронической улыбкой он просто красив, само олицетворение той профессии, куда его не пустили Лебедевы. Начитан, отличный полемист, интеллигент высшей пробы, каких мы не видим в дипломатах нынешнего розлива.

А. В.: Этого у Володи не отнять. Только в андроповское правление с меня сняли клеймо, признали "полноценным" членом нашего общества. У нас со времен сталинщины существовал уродливый критерий доверия: отпускают в поездки за границу, в тот мир, значит, человек проверенный. В начале восьмидесятых мне наконец простили "грех" работы с Жуковым, и стал я "выездным". Водил машины в капстраны - Францию, Италию, Австрию и другие. Мне было почти 75 лет, когда в январе 1992 года вышел на пенсию. За спиной почти 60 лет работы за рулем, лучшие и самые дорогие из них - 7 лет за рулем рядом с Г. К. Жуковым. Спидометр отметил фронтовых 170 000 километров.

О трагедии полководца XX века

Хотя судьба А. Н. Бучина и многих других пострадавших только потому, что они были вблизи Г. К. Жукова, - феномен, присущий сталинщине и в определенном смысле российский, случившееся отражает и прискорбную тенденцию отношения к полководцу, обнаружившуюся в XX веке. Глубинные причины, причем объективные, очевидны. Наше столетие вывело на поля сражений многомиллионные армии, строящиеся на основе всеобщей воинской повинности, для руководства которыми нужны навыки не только военные. Крупный полководец неизбежно, во всяком случае потенциально, должен обладать и качествами политика, ибо в ходе вооруженной борьбы приходилось решать задачи гражданской администрации. И еще более сложные политические проблемы в отношениях с руководством собственной страны.

Положение усугубляется еще и тем, что с обеих сторон - люди одной крови. Одним из главных итогов первой мировой войны было ясное осознание - старый порядок рухнул потому, что военное сословие в прежнем понимании исчерпало себя. Голубая кровь в жилах генералов не свидетельствовала об их стратегических талантах и тактическом умении. Напротив. Заплесневелая военная каста виновна в тупике позиционной войны. Русская революция 1917 года и последовавшая гражданская война воочию продемонстрировали, что для

военачальника отнюдь не обязательно кастовое воспитание в благородной профессии воина. Пошел не всегда заметный и очень постепенный процесс продвижения на высшие посты по заслугам, а не происхождению. Во всяком случае, в вооруженных силах основных государств.

Успехи и победы харизматической личности, а только такой человек ныне способен вести за собой миллионы солдат, становился героем нации. Не только военным, как бывало на протяжении всей истории, но и соперником государственных деятелей, хотя, как правило, полководец об этом и не помышлял, занятый своим прямым делом. За него додумывали политики, цепко державшиеся за свои посты. Они с тревожным подозрением следили за каждым шагом полководца, готовые при малейших подозрениях насчет его намерений немедленно поставить генерала или маршала на место. И ставили, хотя методы этой операции, всегда болезненные для жертвы, были различными в зависимости от государственного строя в данной стране.

Вероятно, пальма первенства в этом отношении принадлежит Соединенным Штатам, где президент Франклин Д. Рузвельт в середине тридцатых куда как круто по существу, но очень ловко по форме обошелся с генералом Д. Макартуром, начальником штаба американской армии в первые годы пребывания у власти прославленного президента. Запутанную историю мне удалось не очень пространно объяснить в книге "ФДР - человек и политик" (выдержала в 1965-1990 годах 4 издания в СССР), поэтому удобнее процитировать соответствующее место: "Макартур не подавал никаких поводов, чтобы заподозрить его в политических амбициях. Он поставил ССС ("корпус консервации ресурсов", занявший безработную молодежь. - Н.Я.), гордость "нового курса", скрупулезно выполнил предначертания президента. Но служака, импозантный генерал выглядел в глазах тех политиков, кто тосковал по "порядку", человеком, способным ввести его... Весной 1934 года ему вдруг пришлось защищать репутацию судебным порядком. Публицисты Д. Пирсон и А. Уайт в книге "Вашингтонская карусель" напомнили о том, как Макартур расправился с ветеранами, собравшимися в Вашингтоне в 1932 году. Генерал, писали они, действовал "необоснованно, без какой-либо необходимости произвольно, зверски", и вообще он человек "с диктаторскими замашками, недисциплинированный, неверный, мятежный". Генерал оценил ущерб своей репутации в 1750 тысяч долларов, на каковую сумму вчинил иск писакам. Они как-то сумели разыскать любовницу генерала, с которой он пребывал в ссоре, и уведомили - она выступит свидетельницей на процессе. Макартур отрядил верного адъютанта Д. Эйзенхауэра разыскать

озлобленную даму. Эйзенхауэр либо не проявил должной расторопности, либо ее хорошо спрятали. Макартур отказался от иска, но пришлось все же откупиться от несостоявшейся свидетельницы.

Надо думать, в Белом доме немало посмеялись над огненными страстями генерала, давно разменявшего шестой десяток. При этом наверняка отметили, что бравый военный теряет голову от крошечных волевых женщин. Тут Макартур вступил в резкий конфликт с Рузвельтом по поводу строительства армии... Макартур понял, что его служба окончена, и на месте предложил свою отставку.

Не так рассудил ФДР. К концу 1934 года истекал четырехлетний срок пребывания Макартура в должности начальника штаба армии. Он уходил в отставку, а там генерала уже поджидали крайне правые и очень богатые противники Рузвельта. Они могли без труда выдвинуть обиженного военачальника в президенты или подтолкнуть его на какие-нибудь действия. ФДР решил по-доброму не отрывать генерала от любимого дела. С уходом в отставку он получил назначение на Филиппины - начальником американской военной миссии, строить по своему разумению местную армию. Перед отъездом Рузвельт вручил ему медаль за отличную службу и с большим чувством просил: "Дуглас, если грянет война, не жди приказа вернуться на родину! Добирайся до США на чем угодно! Я хочу, чтобы ты командовал моими армиями!"

В середине 1935 года обласканный и бормочущий проклятия Макартур отбыл на Филиппины. Там, вдали от Вашингтона, он утешился, главная забота - ублажать женщину примерно на тридцать лет моложе. С ней, американкой, он познакомился удивительно своевременно - на пароходе, увозившем генерала к новому месту службы. Она была богата, во вкусе Макартура - доходила ему чуть выше пояса, обладала стальными нервами. На ней он не замедлил жениться".

Когда в декабре 1941 года война вовлекла в свою орбиту и Тихий океан, Макартур дрался во главе небольшой американо-филиппинской армии. На начальном этапе войны Вашингтон списал со счетов как отдаленный архипелаг, так и американского командующего там. Рузвельт и его окружение, несомненно, ожидали добрых вестей о гибели или, на худой случай, капитуляции генерала во главе доблестных войск. Со временем, в мае 1942 года, они сдались японцам, но поклонники Макартура настояли, чтобы его, пусть с большими трудностями, вывезли в Австралию. С этого континента начался долгий путь генерала в Японию во главе победоносных союзных армий. Но об этом

дальше, а пока вернемся в тридцатые.

К исходу их гитлеровское руководство в Германии разрешило проблему отношений с высшим командованием вермахта, разумеется на свой лад. Исторически и при Гогенцоллернах, и при Веймарской республике немецкий генералитет кичился своей независимостью. При господстве национал-социалистов это оказалось ахиллесовой пятой немецких военных.

В двадцатые и начале тридцатых годов вермахт в значительной степени на свой страх и риск претворял в жизнь правительственный курс на сотрудничество с Советским Союзом. Советские командующие, в первую очередь М. Н. Тухачевский, находились в деловых отношениях с высшим немецким генералитетом. Проводились негласные встречи, шел обмен конфиденциальными документами и т. д. С приходом нацистов к власти в 1933 году сотрудничество между вермахтом и Красной Армией прекратилось, оставив в наследие кипы документов, осевших в секретных архивах "третьего рейха". Великие умы в СД осенила идея - на основании их сфабриковать фальшивки, которые дадут возможность гитлеровскому руководству обвинить военных в "сговоре" с советскими военачальниками в интересах захвата власти. Как, где - оставлялось на долю фантазии потенциальных читателей документов. В большой спешке и глубокой тайне подготовили досье на Тухачевского, которое побудили купить советских разведчиков. Агентура немецкой разведки распустила слухи о готовящемся заговоре советских и германских военных. Советские полпредства в Берлине, Париже и Праге без промедления довели их до сведения Кремля.

Фюрер одобрил проделанное, просмаковав "досье Тухачевского", он подсчитал дополнительные дивиденды: открывалась, по его словам, возможность "поколебать устои авангарда Красной Армии в расчете не только на данный момент, но и многие годы вперед". Еще бы! В подложных документах, заметил организатор операции Гейдрих, содержались "ясные намеки на то, что Красная Армия и вермахт были бы несравненно сильнее, если бы им удалось освободиться от довлеющей над ними тяжелой партийной бюрократии". По поводу рассуждений Гейдриха о том, что подлог напрочь подорвет военную мощь СССР, Гитлер все же заметил: вывод представляется "в целом логичным, хотя и абсолютно фантастичным".

Увы, действительность оказалась горькой, ибо маниакально-подозрительному И. В. Сталину, в сущности, и не нужно было новых "доказательств" к уже сложившемуся у него убеждению о "предательстве" в высших эшелонах РККА.

11 июня 1937 года перед Специальным судебным

присутствием Верховного суда Союза ССР предстали М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Э. Якир, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, В. К. Путна, Б. М. Фельдман, В. М. Примаков. Процесс ухитрились уложить в один день. Всех приговорили к высшей мере наказания и в ночь на 12 июня 1937 года расстреляли.

Армия и страна получили простое объяснение: осужденные признаны "виновными в нарушении воинского долга (присяги), измене Рабоче-Крестьянской Армии, измене Родине" (из приговора). Разумеется, за семью замками остались показания подсудимых на том блицпроцессе, которые, за исключением сломленного пытками Примакова, не признавали себя виновными в инкриминируемых преступлениях. По поводу козырного обвинения - преступной связи с вермахтом - М. Н. Тухачевский спокойно растолковал: "Что касается встреч, бесед с представителями немецкого генерального штаба, их военного атташата в СССР, то они носили официальный характер, происходили на маневрах, приемах". Эти и другие речи остались в протоколах, на страницах которых кое-где остались серо-бурые пятна. При подготовке реабилитации осужденных судебно-химическая экспертиза показала: кровь...

Май - июнь 1937 года взметнул исполинскую волну репрессий, захлестнувшую командный состав Красной Армии. В Берлине гитлеровское руководство ликовало. Начальник генштаба сухопутных войск Ф. Гальдер считал, что "потребуется 20 лет", чтобы восстановить советский офицерский корпус. Размах успеха провокации, надо думать, оказался неожиданностью и для Гитлера. Не требовалось особой прозорливости, чтобы сообразить - оружие, откованное умельцами СД под водительством Гейдриха, обоюдоострое, способное подорвать и боеспособность вермахта. Гитлер нуждался в поддержке военной касты, но, безусловно, послушной фюреру. Он не применил подлог Гейдриха к вермахту, а добился своего, для начала использовав женщину.

12 января 1938 года Гитлер и Геринг были свидетелями на бракосочетании военного министра, главкома вермахта, генерал-фельдмаршала фон Бломберга. Шестидесятилетний вдовец женился на своей юной стенографистке. Молодожены отправились в свадебное путешествие, а гестапо представило Гитлеру и К° досье. Из него явствовало: супруга фельдмаршала в недавнем прошлом была проституткой, выросла в борделе и фотографировалась для порнографических снимков. Негодованию фюрера не было предела, заманили чуть ли не шафером на свадьбу проститутки! Бломберга, прервав медовый месяц, вызвали в Берлин. Гитлер выгнал его в отставку, правда,

пообещав: когда придет война, он вернется на свой пост.

Не успел генералитет оправиться от удара, как разразился скандал похлеще, в центре которого оказался главком сухопутных войск генерал-полковник барон Вернер фон Фрич. 26 января 1938 года он, высокомерный аристократ, был вызван к "ефрейтору" Гитлеру. Неожиданно в кабинет ввели дегенеративного типа, который сообщил: он-де три года получает деньги от Фрича за то, чтобы не раскрывал рот по поводу увиденного - генерал-де в темном переулке у Потсдамского вокзала совершал противоестественный акт с неким и т. д. Проще говоря, Фрич, убежденный холостяк, был-де гомосексуалистом. Генерал онемел, затем потребовал офицерского суда чести. Фюрер предложил ему убраться в бессрочный отпуск, то есть уйти в отставку.

4 февраля фюрер возвел себя в главкомы. Вслед за Бломбергом и Фричем 16 высших генералов отстранили от командных постов, а еще 44 понизили в должности. "Ефрейтор" домогался репутации ревнителя воинской чести. Генералы притихли. Фрич все же добился суда, был оправдан. Шантажиста казнили, но генералу не вернули прежний пост, он вымолил только чин почетного полковника в полку, где прошли его молодые годы. Когда Германия напала на Польшу, Фрич отправился на фронт, демонстрировал спокойствие под огнем и, естественно, попал под пулеметную очередь при взятии Варшавы и с надлежащими почестями был похоронен в Берлине.

Бломберг провел всю войну в забвении в деревне в обществе жены. Умер в марте 1946 года в тюрьме в Нюрнберге, куда был заточен как будущий свидетель.

Хотя разгон генералов в 1938 году внешне носил безумный характер, на деле Гитлер, умудренный опытом первой мировой войны (четыре года в траншеях!), понимал - массовая расправа с командным составом вернейший путь подорвать мощь вермахта. Посему репрессии строго дозировались. Да, 16 генералов потеряли высокие посты. Но вскоре фюрер счел, что преподан достаточный урок. Почти всем им вернули должности, а Рундштедт, Лееб, Вицлебен, Клюге, Клейст стали генерал-фельдмаршалами за заслуги в разбойничьих походах с 1939 года. Они были среди тех, кого Гитлер вскоре после вторжения в СССР расхвалил японскому послу Хироси Осима как "личности исторического масштаба", невзирая на то, что перед фамилиями хотя бы этих пятерых красовалась ненавистная ему приставка "фон".

В Советском Союзе с каждым месяцем возрастали масштабы резни командиров и политработников РККА. В Праге, а президент Бенеш был едва ли не первым передавшим в Москву немецкую

фальшивку о "заговоре" Тухачевского, наверное, запаниковали. Пусть неумышленные соучастники гестаповской подлости, чешские деятели, в той или иной степени рационализировали свое поведение тем, что они-де предотвратили зловещий альянс немецкой и советской военщины, пагубный для образцовой "демократии", каковой они почитали свою страну. Теперь они сообразили, что чекистские палачи, гнавшие на убой офицеров Красной Армии, лишают эту самую "демократию" союзника на Востоке. Значит, приходится пражским умникам расстаться с драгоценным замыслом - манипулировать великой страной в интересах кучки правителей второстепенного восточноевропейского государства. Разумеется, ни собственными усилиями, ни в гипотетическом союзе с Западом они не могли ничего поделать с нараставшей немецкой угрозой Чехословакии.

Уже 9 ноября 1937 года зам. начальника генштаба Чехословакии генерал Б. Фиала докладывал правительству: "Первоначально наше Верховное командование отказалось воспринять ликвидацию Тухачевского и высшего советского командного звена как тяжкий урон для Красной Армии". Но чешская военная делегация, посланная в СССР "для проверки состояния подготовки Красной Армии, возвратилась с тревожными итогами, превзошедшими самые мрачные ожидания". В целом чешские военные заключили: Красная Армия "неспособна вести наступательные операции". Эти европейцы, конечно, хватили через край, но, к глубокому прискорбию, большая доля истины наличествовала в этих суждениях.

В Берлине радостно потирали руки. Начальник отдела печати МИД Германии при нацизме П. Шмидт заметил в своей книге "Война Гитлера против России" (выпущена под псевдонимом П. Карелла в 1971 году): "Устранить офицера Генерального штаба все равно, что спилить дерево. Чтобы подготовить хотя бы майора Генерального штаба, способного руководить боевыми действиями и обеспечением дивизии, нужно 8-10 лет. А по приказу Сталина была ликвидирована или брошена в тюрьмы по крайней мере половина офицеров Генштаба Красной Армии". Спустя десятилетия Шмидт хладнокровно подвел итоги подрывной операции:

"Для Сталина и партийного руководства эти документы были доказательством шпионской деятельности Тухачевского и его соратников. Больше того, эти материалы не давали возможности другим маршалам и крупным генералам сделать что-либо для подсудимых. Они судили товарищей и в глазах других стали виновными сами. Зло порождает зло. Прошло немного времени, и судьи Тухачевского сами заняли место на скамье подсудимых

перед новыми судьями, последние также были репрессированы". Тухачевского и его семерых подельников судили: маршалы С. М. Буденный и В. К. Блюхер, командармы 1-го ранга Б. М. Шапошников, И. П. Белов, командармы 2-го ранга Я. И. Алкснис, П. Е. Дыбенко, Н. Д. Каширин, комдив Е. И. Горячев.

Не считая Буденного и Шапошникова, остальные (за исключением покончившего с собой Горячева) были казнены в течение года с небольшим после того, как они вынесли неправедный смертный приговор Тухачевскому с подельниками

* * *

Георгий Константинович неизбежно не мог не оказаться в орбите наивысшего напряжения кровавого тайфуна тридцать седьмого. Уже по должности - в эти годы он командир дивизии и корпуса, то есть принадлежал к категории лиц, подлежавших массовой ликвидации, в ряде военных округов - сплошной. К Г. К. Жукову неизбежно прицеливались те, кто уничтожал командиров РККА. Так кто они? Понимал ли это Георгий Константинович?

Велик и очень велик соблазн объявить тогдашнего комдива всеведущим. Но это была бы бесстыдная модернизация истории. Георгий Константинович был человеком своего времени, мужавшим в годы беспощадной гражданской войны. Он рос как командир, а иногда был еще и комиссаром, в рядах РККА в двадцатые и тридцатые годы, когда страна, недавно вышедшая из кровавого единоборства, жила в тени подступающего нового смертного конфликта. Бдительность, обычно с эпитетом "революционная", не сходила со страниц печати и уст политических деятелей. Было бы слишком требовать от Г. К. Жукова, убежденного коммуниста, чтобы он с самого начала репрессий распознал их преступный характер. Своеволие Сталина маскировалось многослойной пропагандой, доходившей, увы, не только до сердец, но и умов живших в то великое и страшное время.

Г. К. Жуков в преклонных летах напишет: "Особенно серьезно осложнилось положение, когда иностранная разведка... через свою агентуру поставляла сфабрикованные версии о якобы антисоветской деятельности наших людей, чем был нанесен непоправимый ущерб нашей Родине, обороне страны". Что мог противопоставить строевой командир, служивший в глухой провинции, когда ему со значительным видом и таинственными недомолвками армейские политорганы объявили - уважаемый начальник "оказался" шпионом некой державы (название, как правило, не уточнялось), проводившей враждебную политику в отношении страны социализма. Говорили, и много, о том, что маршал Жуков недолюбливал политработников. Это ставили ему

в строку как при Сталине, так и при Хрущеве и Брежневе.

Можно уверенно утверждать - именно 1937 год явился рубежом, когда убежденный коммунист Жуков рассмотрел и запомнил на всю жизнь, какой чудовищный вред приносили профессиональные политработники вооруженным силам. Романтический образ комиссара в кожанке с маузером, поднимавшего красноармейцев в атаку, решительно померк, вместо него возникла лисья физиономия интригана, строчившего в уютном кабинете доносы на командиров, стряпавшего гнуснейшие дела.

Работая над мемуарами в шестидесятые, Георгий Константинович выстроил в ряд комиссарствовавших подлецов. Разумеется, соответствующие места рукописи были изъяты и восстановлены только в десятом издании, увидевшем свет к 45-летию Победы в Великой Отечественной, то есть в 1990 году. Когда в 1937 году командира дивизии Г. К. Жукова вызвали к начальству и объявили о выдвижении командиром 3-го кавалерийского корпуса, его принял только что назначенный член Военного совета округа Ф. И. Голиков. Отвратительная внешность: плешивый, с бегающими глазами - полностью соответствовала внутреннему содержанию матерого убийцы, комиссара-профессионала. Слово Георгию Константиновичу (по 10-му изданию мемуаров):

"Ф. И. Голиков спросил, нет ли у меня кого-либо арестованных из числа родственников или друзей... Из знакомых и друзей много арестованных.

- Кто именно? - спросил Голиков. Я ответил:

- Хорошо знал арестованного Уборевича, комкора Сердича, комкора Вайнера, комкора Ковтюха, комкора Кутякова, комкора Косогова, комдива Верховского, комкора Грибова, комкора Рокоссовского.

- А с кем из них вы дружили? - спросил Голиков. Перечислив некоторых из них, Жуков заметил: "Я считал этих людей большими патриотами нашей Родины и честнейшими коммунистами.

- А вы сейчас о них такого же мнения? - глядя на меня в упор, спросил Голиков.

- Да, и сейчас.

Ф. И. Голиков резко встал с кресла и, покраснев до ушей, грубо сказал:

- А не опасно ли будущему комкору восхвалять врагов народа?

Я ответил, что я не знаю, за что их арестовали, думаю, что произошла какая-то ошибка. Я почувствовал, что Ф. И. Голиков

сразу настроился на недоброжелательный тон, видимо, он остался неудовлетворенным моими ответами. Порывшись в своей объемистой папке, он достал бумагу и минут пять ее читал, а потом сказал:

- Вот в донесении комиссара 3-го конного корпуса Юнга сообщается, что вы бываете до грубости резки в обращении с подчиненными командирами и политработниками и что иногда недооцениваете роль и значение политических работников. Верно ли это?

- Верно, но не так, как пишет Юнг. Я бываю резок, но не со всеми, а только с теми, кто халатно выполняет порученное ему дело и безответственно несет свой долг службы. Что касается роли и значения политработников, то я не ценю тех, кто формально выполняет свой партийный долг и не помогает командирам в решении учебно-воспитательных задач, тех, кто критикует требовательных командиров, занимается демагогией там, где надо проявить большевистскую твердость и настойчивость, - ответил я.

- Есть сведения, что не без вашего ведома ваша жена крестила в церкви дочь Эллу. Верно ли это? - продолжал Ф. И. Голиков.

- Это очень неумная выдумка..."

Только приход командующего войсками округа В. М. Мулина прервал инквизитора. Глупейшие сентенции, которые с серьезным видом изрекали голиковы, сами по себе смехотворны. Они превращались в страшные обвинения, когда, повинуясь комиссарской дирижерской палочке, их озвучивали партийные собрания. Жуков, да не он один - в первую очередь приходит на ум его тогдашний соратник, впоследствии генерал армии А. В. Горбатов, - оставили жуткие зарисовки коллективных расправ. Исключенного из партии командира ждала одна дорога - в тюрьму, а дальше как повезет: пуля в затылок или угасание в лагере.

Наверное, кровожадный рык коммунистов стоял в ушах Г. К. Жукова, описывавшего, как ему удалось, выступив "довольно резко", переломить настроение очередного собрания, изготовившегося было отправить в крестный путь командира подчиненной ему дивизии - В. Е. Белокоскова. Когда командир корпуса безоговорочно взял под защиту комдива, "в этом выступлении было что-то новое", с оттенком сарказма заметил в мемуарах Жуков, и члены партии загудели: "Правильно, правильно". Ограничились предложить Белокоскову "учесть в своей работе выступления коммунистов... Прощаясь, мы крепко пожали друг другу руки, и у него из глаз выкатилась крупная слеза, оставив свой след на щеке. Он не сказал мне ни одного

слова, но его слеза, рукопожатие были убедительнее и дороже всяких слов".

Жуков не мог везде поспеть, и даже обеими руками ему не удержать тысячи и тысячи рук коммунистов, тянувшихся прилежно отправить на смерть своих товарищей. "К сожалению, - подчеркивал Жуков, - многие товарищи погибли, не получив дружеской помощи при обсуждении их в партийных организациях, а ведь от партийной организации много тогда зависело; так, после исключения из партии тут же следовал арест".

Только проявив величайшее бесстрашие, Георгий Константинович отбился от политработников, возжаждавших и его крови. Едва Жуков занял пост командира 6-го кавкорпуса, освободившийся после самоубийства Е. И. Горячева, совсем недавно осудившего Тухачевского и других, его поставили перед лицом партактива, собранного доказать, что новый комкор "применял вражеские методы" в воспитании кадров. Все пошло по заведенному порядку: зачитали заявления клеветников, выслушали их самих, выступил начальник политотдела 4-й кавдивизии Тихомиров, разглагольствовавший о том, что Жуков-де "недооценивает политработников". Организаторы судилища, по-видимому, ожидали, что Жуков будет каяться и т. д. В ответ: "Да, действительно, я не люблю и не ценю таких политработников, как, например, Тихомиров", какие хотят быть "добрыми дядюшками за счет дела".

Резко рубя фразы, Жуков смело и логично доказал свою правоту. Победил! Терзающий сердце вывод спустя десятилетия в мемуарах: "Хорошо, что парторганизация тогда не пошла по ложному пути и сумела разобраться в существе вопроса. Ну а если бы парторганизация послушала Тихомирова и иже с ним, что тогда могло получиться? Ясно, моя судьба была бы решена в застенках НКВД, как и многих других наших честных людей".

Он не строил иллюзий. Удалось отбиться от подлецов невысокого полета. Политработники дивизионного и корпусного звена, да последние особенно, не активничали. Дело шили белыми нитками умельцы не первого положения. Жуков подсознательно чувствовал, а в работе ощущал - начальство оконфузившихся подлецов не простило ему победы. В сумерках позднего вечера жизни перед лицом вечности честнейший солдат не строил из себя героя в этом отношении, а откровенно признавал - его спас случай:

"Первое тяжелое переживание в моей жизни было связано с 37-м и 38-м годами. На меня готовились соответствующие документы, видимо, их было уже достаточно, уже кто-то где-то

бегал с портфелем, в котором они лежали. В общем, дело шло к тому, что я мог кончить тем же, чем тогда кончали многие другие. И вот после всего этого - вдруг вызов и приказание ехать на Халхин-Гол. Я поехал туда с радостью. А после завершения операции испытал большое удовлетворение. Не только потому, что была удачно проведена операция, которую я до сих пор люблю, но и потому, что я своими действиями там как бы оправдался, как бы отбросил от себя все те наветы и обвинения, которые скапливались против меня в предыдущие годы и о которых я частично знал, а частично догадывался. Я был рад всему: нашему успеху, новому воинскому званию, получению звания Героя Советского Союза. Все это подтверждало, что я сделал то, чего от меня ожидали, а то, в чем меня раньше пытались обвинить, стало наглядной неправдой".

Халхин-Гол, июнь - август 1939 года, до Великой Отечественной всего два года. В это критическое время, когда все силы нужно было отдавать делу и только делу, Г. К. Жукову приходилось постоянно думать об элементарной безопасности, быть сдержанным в поступках и словах.

* * *

Уже неслыханные масштабы второй мировой войны предъявили невиданные требования к полководцам. Могли выделиться только очень крупные личности. В Германии нацистским заговорщикам верой и правдой отслужил Эрвин Роммель, самый популярный в глазах немцев военачальник той войны. Он (1891 года рождения) младшим офицером пехоты отвоевал четыре года в 1914-1918 годах. Был изобильно награжден за храбрость и сметку и с глубоким отвращением служил в рейхсвере, ограниченном Версальским договором. Хотя Роммель всегда был далек от политики, он быстро нашел общий язык с нацистами, открывшими дорогу для карьеры в стремительно наращивавшем мускулы вермахте. Больше того, исправный офицер с осени 1938 года командир батальона личной охраны фюрера, следовательно, обратил на себя внимание Гитлера.

Этот ефрейтор первой мировой войны спросил Роммеля накануне вступления немецких войск в Прагу: "Как бы поступили на моем месте, полковник?" Ответ Роммеля привел в дикий восторг Гитлера: "Я бы в открытом автомобиле проехал по улицам в Градчаны без охраны". Гитлер так и поступил. Роммель наверняка знал этих чехов, теперь узнал их и Гитлер: никто и пальца не поднял, ни возгласа, ни плевка. При ставке Гитлера Роммель провел польскую кампанию. "Я с ним намучился, - признался он жене, - этот всегда рвался быть впереди с солдатами

и, по-видимому, наслаждался под огнем".

По весне 1940 года Роммель выпросил у Гитлера командование 7-й танковой дивизии. В 5 утра 10 мая во главе ее он перешел бельгийскую границу и закончил войну на Западе, приняв капитуляцию Шербура 19 июня 1940 года. В плен 30-тысячный гарнизон увели пять адмиралов. Геббельсовская пропаганда раздула вне всяких пропорций деяния роммелевских танкистов, которых окрестили "дивизия-призрак". В берлинских редакциях особо нажимали - дивизия, потеряв 42 танка, взяла 97 тысяч одних пленных! В тени оставалось: она потеряла до 3 тысяч, из них около 700 убитых. Таких потерь не знала ни одна дивизия вермахта во Франции, включая пехотные.

Разумеется, берлинские мифотворцы сочинили легенду о рыцарском ведении войны Роммелем. Он сам, теперь генерал, делился драгоценными впечатлениями: в ходе головокружительного марша к океану схватили французского подполковника. Роммель любезно предложил ему место в своем командирском танке - катить с "призраками" далее, на запад. Увы, глаза француза "горели ненавистью и бессильной злобой". Он "отказался, и резко, - целых три раза - следовать с нами, посему не оставалось ничего другого, как шлепнуть его". О "дивизии-призраке" в нацистской Германии сняли фильм, выпустили книгу, а благороднейшего ее командира Гитлер направил в Северную Африку, помочь итальянцам отбиться от англичан, грозивших очистить от них Ливию, тогда колонию Италии.

С февраля 1941 года за несколько недель немцы перебросили туда пару дивизий, которые получили звонкое название Африканский корпус, его командир Роммель еще более пышный титул - главнокомандующий немецких войск в Ливии. Ему предстояло провести на этом театре примерно два года, большую часть которых Африканский корпус бил лучшие дивизии, которые направляли на него страны Британской империи. В эти годы, когда Советский Союз истекал кровью в единоборстве с Германией и ее сателлитами, Северная Африка была единственным местом, где Англия, а затем США сражались с державами фашистской "оси". Успехи или неудачи западных союзников в борьбе с Роммелем в глазах мира были критерием их военных усилий.

Роммель, быстро получивший международное прозвище "Лис Пустыни", нанес серию страшных и унизительных поражений англичанам. В марте 1942 года генерал К. Окинлек, противник Роммеля, обратился к своим генералам и офицерам на североафриканском театре: "Существует реальная угроза, что наш друг Роммель превратится в жупел для наших войск, ибо они

слишком много говорят о нем. Он не сверхчеловек, хотя и энергичен и способен. Но даже если бы он был таковым, крайне нежелательно, чтобы наши солдаты наделяли его сверхчеловеческими качествами. Что до меня, то я не завидую Роммелю".

Внушение не подействовало, и Окинлек через полгода потерял свой пост, хотя и получил чин фельдмаршала. Стал примерно тогда же и генерал-фельдмаршалом Роммель. Первый в утешение за поражения, второй в поощрение за победы. На исходе лета 1942 года он привел свой корпус, переименованный в "танковую группу Роммель", то есть армию, на ближние подступы к Александрии! Его имя повергало в трепет не только английских генералов, но и вывело из себя даже весьма уравновешенного У. Черчилля, который в ярости сказал в это время: "Роммель! Роммель! Роммель! Нет ничего важнее, как побить его". И это тогда, когда для Берлина Ливия была по существу, но не пропагандистски забытым театром военных действий. Как так?

А так, объяснил уже в 1950 году, по-видимому, лучший по тем временам биограф Роммеля Д. Янг, английский генерал, навоевавшийся досыта с Африканским корпусом: "Положение Роммеля было незавидным. Взоры немецкого высшего командования были прикованы к России, и его не интересовала Северная Африка. Конечно, в дальнейшем могло состояться наступление на Суэцкий канал и даже Иран. С этим, однако, можно было повременить до разгрома России. Но и тогда оно пошло бы через Анатолию и Кавказ. На долю немецкой армии в Ливии выпала лишь вспомогательная роль, и ей нечего было ожидать прибытия новых дивизий".

Хотя по сравнению с исполинскими сражениями на советско-германском фронте у Роммеля были мизерные силы (не более двух немецких и с полдюжины итальянских дивизий), бились они против Великобритании, страны, которой завидовали и втайне восхищались фюрер и его ближайшее окружение. Дрались с цивилизованными "европейцами", создателями Британской империи, а не с русскими "ордами". Отсюда ореол, окружавший в Германии Роммеля. По взаимному молчаливому согласию с "цивилизованными" англичанами умалчивалось, что они не раз пытались физически уничтожить Роммеля, заслав даже группу убийц, которые не преуспели вломились не в тот дом.

Как подобало высокомерному тевтону, Роммель не желал и слышать об этих "русских", что не помешало ему добиться присылки нескольких советских 76-мм противотанковых орудий из числа захваченных на Восточном фронте. Он лично наблюдал за испытанием орудий, которые оказались "отличными". В бою 22

июля 1942 года, когда Окинлек пытался разбить танковые дивизии Роммеля, ударная колонна английских "валентайнов" вышла к последнему рубежу немецкой обороны двум таким пушкам. Девятнадцатилетний немецкий наводчик Г. Халм в две минуты подбил четыре английских танка, колонна остановилась, открыла бешеный огонь. За считанные минуты до вывода орудия из строя Халм подбил еще пять машин. Он выиграл время, дав возможность подойти немецким танкам, которые добили атакующих. Через неделю Роммель вручил Халму рыцарский крест, первая такая награда рядовому вермахта, под пронзительный вой геббельсовской пропаганды.

Когда к весне 1943 года западные союзники задавили остатки воинства Роммеля с востока и запада и конец был не за горами, Гитлер отозвал его в Германию. Наверняка после капитуляции Паулюса в Сталинграде он не хотел, чтобы мир был свидетелем, как еще один генерал-фельдмаршал во главе унылых толп пленных плетется в лагерь. В ставке фюрера какое-то время размышляли, куда назначить спасенного от плена полководца. Гитлер поначалу даже заикнулся о том, чтобы дать Роммелю группу армий на Восточном фронте. Но, подумав, отказались от этой идеи - Красная Армия наверняка собьет в самый кратчайший срок позолоту с немецкого военного божества. Посему Роммель какое-то время поболтался на вторых ролях на Балканах и в Италии, а затем был назначен командовать группой армий во Франции - именно там, где Англии и США предстояло открыть "второй фронт".

Он быстро обнаружил, что немцам никак не выстоять, если англо-американцы начнут вторжение - вермахт скован на Восточном фронте, во Франции отъедались, отдыхали и пополнялись дивизии в промежутках между избиениями Красной Армией. Широко разрекламированный "Атлантический вал" существовал на газетной бумаге.

Все еще любимец фюрера, он рьяно взялся крепить оборону и, надо. отдать ему должное, много сделал за полгода с небольшим своего командования. Фото-, кино- и иные нацистские корреспонденты сопровождали генерал-фельдмаршала в бесконечных разъездах, преимущественно по побережью. Они прилежно раздули свершения своего идола. Итог: привольная чернильная рать Геббельса, воздав хвалу Роммелю, напугала до синевы английских и американских стратегов. Не в силах достать Роммеля военными средствами, они ввели в дело против него могучий арсенал спецслужб. Увы, этот эпизод в истории войны, по понятным причинам, остается по сей день темным и загадочным.

Точно известно разве то, что 25 июля 1944 года, ровно через полтора месяца после открытия второго фронта, во Францию была выброшена диверсионная группа из пяти человек. Руководитель группы Р. Ли получил приказ "убить или похитить и доставить в Англию фельдмаршала Роммеля". Он уже стал профессиональным убийцей, мистер Ли, гордившийся полудюжиной зарубок на прикладе своего автомата. Но еще 17 июля машина Роммеля попала под пушечно-пулеметную очередь английского истребителя. Машина перевернулась. Роммель был тяжело ранен. Критерий осведомленности союзных разведок - Ли со своей группой объявился в районе предполагаемого штаба Роммеля спустя неделю после "дорожного инцидента", и еще несколько недель искали генерал-фельдмаршала, который был намертво прикован к койке.

Как раз в это время верхние эшелоны власти рейха были потрясены до основания - гестапо хватало направо и налево участников заговора против Гитлера, потерпевшего неудачу 20 июля, или хотя бы заподозренных в симпатиях к заговорщикам. Без задержки их - в народный суд, где председательствовал Г. Фрейслер ("Наш Вышинский!" - восхищался Гитлер), выполнявший наказ фюрера "вешать как скот". Суд и расправа в Германии подвигли союзные спецслужбы завершить операцию против Роммеля. Они уже смогли умелой дезинформацией возбудить подозрения гестапо в отношении Роммеля. На первый взгляд пустяки избыток честолюбия, некие замыслы.

Этому не придали бы значения, если бы не 20 июля. Припомнили: в последние месяцы Роммель несколько раз пытался высказать фюреру свое, клонившееся к тому, что пора искать политический выход из войны. Терпение Гитлера лопнуло, когда Роммель в ставке 29 июня, сославшись на то, что "весь мир противостоит Германии", попытался "заявить от имени германского народа, перед которым я также несу ответственность". Гитлер резко оборвал его, разнес в пух и прах действия группы армий Б, а когда по завершении обсуждения Роммель попытался снова завести речь "по вопросу о Германии", Гитлер заорал: "Фельдмаршал, будьте добры выйти из зала. Думаю, что так будет лучше". То была последняя встреча Роммеля с Гитлером.

Вынашивал ли он какие-либо планы? Трудно сказать. За день до фатального ранения Роммель, вернувшийся к своей последней, пожалуй, навязчивой идее нельзя допустить вступления Красной Армии в Германию, объяснил доверенному собеседнику полковнику Г. Латтману: "Я попытаюсь использовать мое доброе имя у врага и пойти против воли Гитлера на сделку с Западом, но

только при условии его согласия воевать бок о бок с нами против России". Он не планировал большего, чем сделал Гитлер, открывший фронт на Западе в апреле 1945 года в тщетной надежде столкнуть Англию и США с Советским Союзом.

Решающий удар Роммелю нанесли незадачливые заговорщики. Под пытками в подвалах гестапо они, повинуясь следователям, мололи любой угодный им вздор. На выбор. Всплыло имя Роммеля, он-де знал о подготовке покушения на жизнь Гитлера. Подключились завистники и соперники Роммеля, включая М. Бормана и генерала Г. Гудериана. Каждый внес свою лепту...

Роммель с 8 августа жил в своем доме в деревушке Херлинген, что у Ульма. Мучительно медленное выздоровление, которому не способствовало ощущение того, что над ним сгущаются тучи. 14 октября обстановка разъяснилась. На виллу Роммеля приехал главный адъютант Гитлера В. Бергдорф. Он вручил генерал-фельдмаршалу извлечение из протоколов допросов о его мнимой причастности к заговору. "Знает ли фюрер об этом?" - спросил Роммель. Бергдорф кивнул. Глаза старого вояки увлажнились, объяснять что-либо было бесполезно. Бергдорф передал предложение Гитлера - самоубийство, "измену" сохранят в тайне от немецкого народа. Генерал-фельдмаршалу гарантируются государственные похороны, "прекрасный памятник", полная пенсия вдове. При отказе - народный суд, известные меры в отношении родственников. Роммель заикнулся было, что не сумеет справиться с пистолетом. Не беда, заверил Бергдорф, "я привез с собой средство, действует в три секунды". Он достал из портфеля ампулу с цианистым калием.

Помолчали. Бергдорф спустился во двор к двум генералам, стоявшим у входа. За воротами мощный автомобиль, набитый гестаповцами в штатском. Роммель поднялся на второй этаж к жене. Отменный семьянин, он счел необходимым попрощаться. Несколькими фразами объяснил: "Меня запутали в заговор 20 июля, кажется, я значусь в их списке как новый президент рейха... По приказу фюрера передо мной выбор - самоубийство или предстать перед народным судом. Жить осталось 15 минут". Прощальное объятье, поцелуй - и вниз по лестнице. Где сын?

Адъютант подозвал шестнадцатилетнего Манфреда, рядового зенитной батареи, по случаю ранения отца отпущенного в отпуск и жившего с родителями. Коротко повторил ему сказанное жене. Фельдмаршальский жезл в руку - и в машину вместе с Бергдорфом и другим генералом. Метров через двести Бергдорф приказал остановиться. Водитель-эсэсовец и генерал отошли на порядочное расстояние. Минут через десять Бергдорф поманил

их. "Я увидел Роммеля, - рассказывал водитель, - на заднем сиденье, очевидно умирающего. Он был без сознания, обмяк и всхлипывал, не в агонии и не стонал, а всхлипывал. Фуражка упала на пол. Я выпрямил его и надел фуражку". Тело доставили в ближайший госпиталь. Диагноз: смерть от кровоизлияния в мозг. Вскрытие запретили. Через пару часов супругу допустили к покойному. "На лице мужа, - повествовала фрау Роммель, - я увидела выражение величайшего презрения, какого не было за всю его жизнь".

18 октября прошли похороны. Тело Роммеля выставили в большом зале ратуши. Почетный караул несли офицеры в форме Африканского корпуса, генералы вермахта. Венки, поток речей. От имени Гитлера говорил старейший генерал-фельдмаршал Рундштедт: Роммель "пал на поле чести", а сердце его "принадлежало фюреру". Он добавил к горе венков пугающе громадный венок от Гитлера. В заключение бронетранспортер оттащил лафет с гробом Роммеля к крематорию. Фотографы запечатлели церемонию: внушительный парад с участием частей всех видов вооруженных сил, внесение гроба, укутанного гигантским флагом со свастикой, в крематорий и т. д. Под звуки солдатских песен и траурных мелодий тело испепелили. Не в обычае нацистских бонз оставлять следы.

Фрау Роммель оставалось перебирать послания с соболезнованиями. "Примите выражение моей глубочайшей скорби по поводу утраты вашего супруга. Имя фельдмаршала Роммеля навсегда будет связано с героическими сражениями в Северной Африке" - гласила одна из телеграмм. Подписано - Адольф Гитлер. Гиммлер послал к вдове личного адъютанта. Его шеф заверял, что знает все, потрясен и не имеет к случившемуся никакого отношения, от себя адъютант добавил - и Гитлер не виноват. Смерть Роммеля дело рук Кейтеля и Йодля.

Урну с прахом Роммеля захоронили на кладбище у церкви в Херлингене. Среди могил павших в Африке, Италии или просто "на Востоке". Последняя надпись решительно преобладает.

* * *

Не будет преувеличением утверждение о том, что в Великую Отечественную и вслед за ней вплоть до смерти Сталина советская правящая элита была самой информированной в мире. По различным, разумеется, как правило, служебным каналам лица, занимавшие высшие посты в государстве, получали информацию о международных событиях. Материалы ТАСС - несколько сот страниц в день, среди которых был "красный" ТАСС, - перевод важнейших статей и книг. Официально предназначенные для нужд газет эти пакеты доставляли

бесцензурную информацию тем, кому надлежало знать. Объем ее был таков, что если бы читать ее всю, то и рабочего дня не хватило на что-нибудь другое. Но не об этом речь - получатель материалов ТАСС и служебных переводов самых примечательных книг мог составить объективное представление о происходившем в мире.

Надо думать, немало из этих именовавшихся тогда "ответственных" работников поднимали брови, получив в двадцатых числах мая 1945 года перевод статьи о Г. К. Жукове из американского журнала "Лайф" от 12 февраля. Почему нарушена хваленая оперативность, отчего такая задержка? Безусловно, заинтересованные уже этим, они с удвоенным вниманием вникали в содержание статьи биографический очерк о прославленном нашем маршале. Люди, в общем сведущие, отмечали нелепости и неточности: у Георгия Константиновича, например, не было сына, он был отцом дочерей. Но все это никак не снижало общей оценки полководца в то время, когда мир с затаенным дыханием следил за маршем 1-го Белорусского фронта на Берлин. Падение столицы проклятого рейха ожидали с недели на неделю, и к тому были веские основания. Итак:

"Жуков промчал свои танковые авангарды и моторизованную пехоту за первые 18 дней кампании по болотистой и лесистой местности более чем за 300 миль рекордная быстрота наступления, значительно превосходящая темпы наступления немцев в 1941 году... Быстрота его наступления заставляла лондонцев в шутку говорить, что Жуков торопится, чтобы освободить острова, занятые немцами в Ла-Манше... Лорд Бивербрук как-то заметил, что коммунизм дал лучших генералов этой войны. Жуков - коммунист. Он не верит в бога, но он верит в историю, в прогресс, в благопристойность. Ради этого, ради своей семьи, своей жены, детей и России он ведет эту победоносную войну...

Что бы ни произошло в течение ближайших недель, Георгий Константинович Жуков войдет в историю как один из крупнейших полководцев второй мировой войны. Занимая в настоящее время пост командующего отборными войсками в центральном секторе Восточного фронта, он явно предназначен Сталиным для роли завоевателя Берлина...

Его успехи на поле боя не имеют себе равных в нынешней войне. Ни среди союзных армий, ни в германской армии нельзя найти ни одного генерала, равного Жукову".

Прекрасно написано! Опытнейшие редакторы "Лайфа", тогда популярнейшего в США иллюстрированного журнала, знали дело и запросы многомиллионной читательской массы. Они

торопились объяснить поражавшие воображение свершения Красной Армии, острием которой был жуковский 1-й Белорусский, устремленный прямо в сердце Германии - Берлин. Имя Георгия Константиновича Жукова на устах миллионов и миллионов на Западе. Избавитель от фашистской чумы!

Эта репутация маршала не устраивала как окружение Сталина, так, по-видимому, и его самого. Создавая незадолго до смерти эссе "Коротко о Сталине" (этот человек не заслуживал большего или то было введение в серьезный труд?), Георгий Константинович не без сарказма написал: на исходе войны "Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приемам: когда становилось известно о благоприятном ходе операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов, командование армий, добирался иногда до командования корпусов и, пользуясь последними данными обстановки, составленной Генштабом, расспрашивал их о развитии операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания и этим самым создавал видимость, что их Верховный Главнокомандующий зорко стоит на своем посту, крепко держит в своих руках управление проводимой операцией.

О таких звонках Верховного мы с А. М. Василевским узнавали только от командования фронтов, так как он действовал через нашу голову...

Расчет был здесь ясный. Сталин хотел завершить блистательную победу над врагом под своим личным командованием, то есть повторить то, что сделал в 1813 году Александр I, отстранив Кутузова от главного командования и приняв на себя верховное командование с тем, чтобы прогарцевать на белом коне при въезде в Париж во главе русских доблестных войск, разгромивших армию Наполеона".

Хотя Сталин не ездил на лошади, "прогарцевать", фигурально выражаясь, ему страсть как хотелось. И вот препятствие - Г. К. Жуков, победитель вермахта, приведший Красную Армию в Берлин. Учитывавшие психологию вождя и учителя интриганы из сталинского окружения и подбросили в мае 1945 года февральский материал из "Лайфа". Говоря словами Жукова, "расчет был ясный" продемонстрировать верхушке московской бюрократии, помимо прочего, претензии маршала на всемирную известность. В ущерб "товарищу Сталину", разумеется. То, что Жуков в войну приказал своей охране не допускать к нему ни журналистов, ни кино- или фоторепортеров, тем более иностранных, и посему к статье не мог иметь никакого

касательства, в расчет не принималось.

Описанная история лишь верхушка айсберга планомерной травли прославленного полководца в годы сталинщины после Великой Отечественной. Было логичным, что победитель рейха стал главноначальствующим в советской зоне оккупации Германии и главкомом находившейся там группировки наших войск. Дел по горло. Но уже на исходе 1945 года серьезнейшая стычка с пресловутыми органами. В Берлин явился матерый сталинский палач Абакумов арестовывать генералов и офицеров. Жуков приказал чекисту явиться к нему и задал два вопроса: почему не изволил представиться по прибытии главкому, почему без его ведома хватает "моих подчиненных". Ответы чекиста Жуков счел невразумительными и коротко приказал: арестованных освободить, самому возвратиться откуда явился - в Москву. В случае отказа уедет под конвоем. Абакумов счел за благо подчиниться, убрался, кипя злобой на Жукова, и не нужно богатого воображения, чтобы представить, какие гадости о маршале он распространял в коридорах власти.

Чекистские убийцы, традиционно нагревавшие руки на имуществе своих жертв, решили сыграть на том, что, по их мнению, было неотъемлемой частью натуры человека - алчности. Заместитель Жукова по германской администрации, космический мерзавец, генерал МГБ И. А. Серов навязал ему 50 тысяч марок "на случай представительских расходов". Таковых не последовало, и маршал скоро велел деньги вернуть. По-видимому, убийцы судили по себе. Сам отменный мародер явился к Жукову с новым предложением взять 500 тысяч марок "на расходы по моему усмотрению", то есть сумму удесятерили! Жуков пожал плечами и отказался. В отчаянии от провала провокации Серов заявил: "т. Берия разрешил ему, если нужно, дать денег столько, сколько потребуется". Единственный результат новый отказ. Да, маршал был человеком другой породы, чем чекистские заплечных дел мастера, воры и грабители.

Торопя события, подоспел острый конфликт с Н. А. Булганиным. Он принадлежал к категории людей, которых терпеть не мог профессиональный военный Жуков в рядах Вооруженных Сил. Проще говоря, Булганин был советским уродом партработником, надевшим мундир в годы войны, а после ее окончания заместителем Сталина в Министерстве обороны. Задним числом Георгий Константинович напишет:

"Булганин очень плохо знал военное дело и, конечно, ничего не смыслил в оперативно-стратегических вопросах. Но, будучи человеком интуитивно развитым, хитрым, он сумел подойти к Сталину и втесаться к нему в доверие. Конечно, Сталин понимал,

что это не находка для Вооруженных Сил, но ему он нужен был как ловкий дипломат и беспрекословный его идолопоклонник. Сталин знал, что Булганин лично для него может пойти на все".

Такие, как Булганин, испытывавшие ненасытный голод по власти, умели рационализировать свои желудочные инстинкты высокими соображениями, тем более что Сталин предоставил ему для этого возможность. В начале 1946 года происходила реорганизация Министерства обороны. Сталин предложил Жукову занять пост главкома сухопутных войск. Георгий Константинович согласился, а для начала занялся разработкой правового положения главкома. Он видел главкома в прямом подчинении министра, по Булганину, главком должен непосредственно подчиняться не министру, а его первому заместителю, каким был ловкий интриган. Нужно-де не досаждать Сталину, и без того занятому повседневными делами Министерства обороны. Дальше вот что произошло, по словам Жукова:

"Это не довод,-.сказал я Булганину, пытаясь отвести его аргументы. -Сегодня нарком (конечно, нужно министр. - Н.Я.) - Сталин, а завтра может быть и другой. Не для отдельных лиц пишутся законы, а для конкретной должности". Обо всем этом Булганин в извращенном виде доложил Сталину, добавив при этом: "Жуков - Маршал Советского Союза, он не хочет иметь дела со мной - генералом". Этот, ход Булганина был рассчитан на то, чтобы выпросить у Сталина для себя звание Маршала Советского Союза. И действительно, через день был опубликован указ о присвоении Булганину звания Маршала Советского Союза, а мне Сталин сказал, что над Положением о Наркомате (министерстве) придется еще поработать".

Отныне суетный Булганин щеголял в маршальских погонах, а Жукова стала засасывать воронка бессмысленных, глупейших аппаратных игр. Полководец, привыкший драться лицом к лицу в открытом поле (и с врагами!), буквально задыхался в затхлой атмосфере кремлевских кабинетов. "И чем дальше шло время, тем больше накапливалось горючего материала во взаимоотношениях с Булганиным и Сталиным".

А шел апрель 1946 года, 49-летний главком сухопутных войск Жуков стоял на своем, осмеливался не соглашаться по профессиональным вопросам с 66-летним "вождем и учителем"! Тот показал зубы. "Поздно вечером приехал на дачу, рассказывал Жуков, достигнув куда большего возраста, чем возраст Сталина в 1946 году. - Уже собирался лечь отдыхать, услышал звонок и шум. Вошли трое молодцов. Старший из них представился и сказал, что им приказано произвести обыск. Кем, было ясно.

Ордера на обыск они не имели. Пришлось наглецов выгнать, пригрозить, что применю оружие..."

Главный удар по Жукову уже подготовили на Лубянке. Вскоре после окончания войны в тюрьму были брошены руководители авиационной промышленности и часть командования ВВС. Формула обвинения внешне даже респектабельная - за приемку на вооружение самолетов, не соответствующих техническим условиям их эксплуатации. Обычные методы следствия: избиения, "конвейер" - круглосуточные допросы без сна, лишавшие арестованных сил. Главком ВВС Красной Армии, дважды Герой Советского Союза, Главный маршал авиации А. А. Новиков сломался и в апреле 1946 года обратился к И. В. Сталину с беспримерным заявлением. "Я счел теперь необходимым, - писал Новиков, - в своем заявлении на Ваше имя рассказать о своей связи с Жуковым, взаимоотношениях и политически вредных разговорах с ним, которые мы вели в период войны и до последнего времени". Как из трухлявого мешка, из главного маршала посыпались глупейшие измышления, достойные того, кем он признал себя: "Я являюсь сыном полицейского, что всегда довлело надо мною". Донос получился на уровне полицейского участка.

Если очистить заявление Новикова от жалких покаянных фраз и грязи, которую он ушатами выливал на себя, то основное, о чем он сообщал Сталину, сводилось к следующему:

"Жуков очень хитро, тонко и в осторожной форме в беседе со мной, а также и среди других лиц пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования, и в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им. Так, во многих беседах, имевших место на протяжении полутора лет, Жуков заявлял мне, что операции по разгрому немцев под Ленинградом, Сталинградом и на Курской дуге подготовлены по его идее и им, Жуковым, подготовлены и проведены. То же самое говорил мне Жуков по разгрому немцев под Москвой...

Наряду с этим Жуков высказывал мне недовольство решением правительства о присвоении генеральских званий руководящим работникам оборонной промышленности. Жуков говорил, что это решение является неправильным, что, присвоив звание генералов наркомам и их заместителям, правительство само обесценивает генеральские звания".

Новиков еще жаловался Сталину: Жуков-де "умело привязал меня к себе, это мне понравилось, и я увидел в нем опору... После снятия меня с должности Главнокомандующего ВВС я, будучи в

кабинете у Жукова, высказал ему свои обиды, что Сталин неправильно поступил, сняв меня с работы и начав аресты людей из ВВС.

Жуков поддержал мои высказывания и сказал: "Надо же на кого-то свалить..."

Хотя Жуков прямо и не говорил, но из разговора я понял, что он не согласен с решением правительства о снятии меня с должности командующего ВВС".

Как же умели обрабатывать душегубы в чекистских застенках. когда главный маршал советовал Сталину: "Мне кажется, пора положить конец такому вредному поведению Жукова, ибо если дело так далее пойдет, то это может привести к пагубным последствиям". Донос открыл ворота тюрьмы перед Новиковым только через шесть лет, когда в 1952 году Сталин, как-то вспомнив об арестованном главном маршале, сказал:

"Хватит ему сидеть!" Несколько лет он еще откомандовал дальней авиацией. Но до этого было еще далеко, а в 1946 году для рассмотрения заявления Новикова был созван Главный Военный Совет под руководством Сталина и всем синклитом ключевых членов Политбюро, высшими чинами Вооруженных Сил.

Суровый, насупленный Сталин вытащил из кармана кителя бумаги, бросил их секретарю Главвоенсовета генералу С. М. Штеменко и глухо сказал: "Читайте!" Штеменко огласил бесподобный донос Новикова, а также заявление в том же духе от арестованного генерала К. Ф. Телегина, в прошлом члена Военного совета 1-го Белорусского фронта. Выслушали, на несколько минут повисла свинцовая тишина. Члены Политбюро - Молотов, Маленков, Берия, Булганин - хором принялись поносить "зазнавшегося" Жукова, который не оценил доброго отношения Сталина. В общем, заявили они, поднаторевшие в "проработках" людей, маршала следует одернуть и поставить на место. С ними не только солидаризировался политработник в погонах - Голиков, но и стал жаловаться на Жукова. Говорил так глупо, что Сталин прервал его, усердного не по разуму.

Большинство выступивших маршалов, хотя и с оговорками, поддержали Жукова. Громче всех прозвучала взволнованная речь храбрейшего из храбрых маршала бронетанковых войск П. С. Рыбалко. Он усомнился в правдивости показаний Новикова и Телегина, потребовал проверить, как они были получены. Он эмоционально обратился к "товарищу Сталину", напомнив, что в войну Георгий Константинович был его заместителем, правой рукой Верховного Главнокомандующего. Нельзя отделить Жукова от Сталина, несколько раз повторил Рыбалко, как нельзя, не

искалечив, отрубить руку у человека. Останется инвалид! Совсем неожиданный для И. В. Сталина момент истины, брошенной прямо в лицо. Наверное, стальной танкист понимал, что ему терять нечего, уже тогда его дожигала неизлечимая мучительная болезнь.

Сталин внимательно выслушал все, в заключение обратился к Жукову, что он "нам" может сказать. Георгий Константинович четко ответил - ни в каком "заговоре" не участвую и "мне не в чем оправдываться". Он попросил разобраться, при каких обстоятельствах получены показания от Телегина и Новикова.

В совершенно секретном приказе No 009 от 9 июня 1946 года военный министр оповестил, что по заявлению бывшего Главкома ВВС Новикова рассмотрены факты "недостойного и вредного поведения со стороны маршала Жукова". Он-де "пытался группировать вокруг себя недовольных, провалившихся и отстраненных от работы военачальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя тем самым правительству". Еще Жуков виноват в приписывании себе "разработки и проведения всех основных операций Великой Отечественной войны". В несвойственном военным документам мелочном и склочном духе утверждалось, что маршал Жуков "не имел отношения" к разгрому немцев под Сталинградом, ликвидации Корсунь-Шевченковской группы немецких войск, да и Берлин "не был бы окружен и взят в тот срок, в какой он был взят", без ударов фронтов Конева и Рокоссовского. В заключение приказа сообщалось, что Главный Военный Совет "единодушно признал это поведение вредным и несовместимым с занимаемым им положением".

Торжественно объявлялось: Жуков снят со своих постов и назначен командовать войсками Одесского военного округа.

Как ни торжествовали ненавистники маршала, их предводители (Берия, Жданов, Булганин, несомненно Абакумов и другие гадательно) были людьми тертыми и отлично понимали - обвинения, добытые следователями, вздор. Слова, вырванные под палкой. Фактов не было. Найти их значило отличиться в глазах старевшего Сталина со всеми вытекающими последствиями для личного благополучия. Вот если бы нашлись основания обвинить Жукова в мародерстве. Растленные типы, они мысленно ставили себя на его место - какие возможности обогатиться в суматохе краха "третьего рейха"! Не мог Жуков устоять перед этим. Только не дать опальному маршалу опомниться, нагрянуть к нему в момент сборов к отъезду в Одессу.

Через несколько дней после памятного 1 июня банда бесстрашных чекистов вломилась в квартиру. Они явились рано утром, дверь открыла семнадцатилетняя дочь Эра, родители еще

спали. Рыцари революции были вооружены до зубов, они прикрылись орденом и солдатом с автоматом, поставленным на пост у туалета, дабы обыскиваемые не спустили в канализацию вещественные доказательства. То была команда матерых чекистов, занявшаяся привычным и любимым делом изобличением "врага народа", проникшего в маршальские чины. Г. К. Жуков в кителе с тремя Звездами Героя Советского Союза беспомощно смотрел на неслыханный разгром. Пришельцы похватали и унесли с собой в мешках то, что сочли ценным. Критерий "утопавшей в роскоши" семьи - среди изъятого дешевый фотоаппарат старшей дочери Эры и куклы младшей Эллы.

Охота за жуковскими "сокровищами" превратилась в навязчивую идею партийно-чекистской мрази, все пытавшейся скомпрометировать нашего великого полководца. Агентура МГБ распространяла слухи о мифическом "чемодане с бриллиантами", который-де имел Жуков. Люди "с чистыми руками и горячими сердцами" основательно напутали. "Подготовил чемоданчик с бельем", - скажет о тех временах Г. К. Жуков. На случай заключения в тюрьму. Но охотники за бриллиантами, по-видимому, обратили в свою веру даже Сталина. Периодически все это выливалось в нешуточные приступы политического безумия. Один из них случился в самом начале 1948 года. Абакумов докладывает 10 января 1948 года Сталину:

"В соответствии с Вашим указанием 5 января с. г. на квартире Жукова в Москве был проведен негласный обыск. Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями...

По заключению работников, проводивших обыск, квартира Жукова производит впечатление, что изъято все, что может его скомпрометировать. Нет не только чемодана с ценностями, но отсутствуют какие бы то ни было письма, записи и т. д. ...

В ночь с 8 на 9 января с. г. был произведен негласный обыск на даче Жукова, находящейся в поселке Рублево под Москвой..."

Бред!

Цена: в январе 1948 года первый инфаркт у Георгия Константиновича. Мы можем только гадать, какие гадости предъявлялись маршалу (о результатах провалившихся "негласных" обысков ни слова!), гадать по объяснению Г. К. Жукова в ЦК ВКП (б) "товарищу Жданову Андрею Александровичу", датированному 12 января 1948 года. В конце 1947 года Жуков имел неосторожность рассказать своему адъютанту подполковнику Семочкину о содержании доноса Новикова. Адъютанта арестовало МГБ, и в тюрьме он настрочил

заявление на Жукова. Маршал-де вел себя "непартийно", продал машину, набрал мануфактуры для штор и гардин для дачи (дача-то была государственная и находилась в ведении и на балансе МГБ), истратил 50 тысяч марок, полученных от Серова, набрал серебряных ложек, не желает подписываться на заем, заказал книгу о себе писателю Славину и все в том же духе.

Жуков по пунктам опроверг домыслы Семочкина, в негодовании назвав их "ложной клеветой", заверил, что "никогда не был плохим слугою партии, Родине и великому Сталину... Прошу оставить меня в партии. Я исправлю допущенные ошибки (?)". Испив горечь унижения, Георгий Константинович прозорливо еще написал: "Семочкин клевещет на меня, рассчитывая на то, что он является вторым после Новикова свидетелем о якобы моих антисоветских взглядах и что ему наверняка поверят".

История эта приключилась через полтора года после злосчастного 1 июня 1946 года. Тощий компромат собрали на Жукова за этот немалый срок трудившиеся не покладая рук мерзавцы из органов, если подполковник Семочкин был "вторым", по оценке Жукова, клеветником после главного маршала. По подсчету Георгия Константиновича, уже на 1 июня 1946 года в деле против него "фигурировали 75 человек, из них 74 ко времени этого заседания были уже арестованы и несколько месяцев находились под следствием. Последним в списке был я".

Итог провала очередного похода МГБ на Жукова: 12 февраля 1948 года в старом штабном вагоне военных лет он отправился в Свердловск командовать войсками Уральского военного округа. Наверное, Жуков тяжело размышлял о случившемся. Да, отбил еще один натиск клеветников. Вероятно, маршалу приходили в голову мысли о несовершенстве человеческой натуры, но он, кристально честный в словах и поступках, без сомнения, не мог представить себе, что кампания очернения была далеко не случайной - то был отработанный чекистский прием: перед неизбежным арестом предельно оклеветать жертву. Цель когда за обреченным захлопнутся двери тюрьмы, он останется в памяти на воле как ничтожный, грязный человек.

Изворотливое МГБ, опасаясь мстительного гнева Сталина, провал своей версии о Жукове-мародере, по-видимому, изобразило как самое веское доказательство того, что он заговорщик. Живет-де только зловещими замыслами, остальное деньги, вещи - его совершенно не интересует. Наконец и подобрали ключ к загадочной душе маршала! Дело оставалось за малым - отыскать потребные "доказательства". В тюрьмах томилось немало военных, иные из них знали Жукова. С них и начали. Увы, умнейших чекистов ожидали одни разочарования.

По доносу политработников в конце 1946 года были смещены командующий войсками Приволжского военного округа генерал-полковник Гордов и его начальник штаба генерал-майор Рыбальченко. Оперативной техникой подслушали не только беседы прогнанных генералов, но и разговор Гордова с женой. Они ругали Сталина, и, что, наверное, привлекло цепкое внимание чекистов, Гордов упомянул Жукова, и вот в каком контексте: "Сейчас только расчищают тех, кто у Жукова был маломальски в доверии, их убирают. А Жукова год-два подержат, а потом тоже - в кружку, и все! ...Тут вопрос стоял так: или я должен сохраниться, или целая группа людей должна была скончаться - Шикин, Голиков и даже Булганин, потому что все это приторочили к Жукову. Значит, если нужно было восстановить Жукова, Гордова, тогда булганинщина, шикиновщина, голиковщина должны были пострадать".

Упоминались знакомые все лица (Шикин - начальник ГлавПУРа в 1946-1949 годах) в негативном плане, а Г. К. Жуков в позитивном. С солдатской прямолинейностью Герой Советского Союза Гордов на всю жизнь сохранил навыки старшего унтер-офицера первой мировой войны и недаром послужил прообразом генерала Горлова в пьесе А, Корнейчука "Фронт", прогремевшей в 1942 году. Подверстали к этим двоим из Приволжского военного округа еще генерал-майора Г. И. Кулика (разжалованного Маршала Советского Союза), также, по понятным причинам, недовольного Сталиным, и всех троих в начале 1947 года - в тюрьму. Едва ли добились чего-либо от старых солдат в отношении Жукова, хотя продержали их в заключении до конца лета 1950 года, когда состоялся суд.

Их обвинили в намерении изменить Родине, совершить теракты, групповой антисоветской деятельности. На суде все трое отказались от своих показаний на следствии (Рыбальченко: "Следователь довел меня до такого состояния, что я готов был подписать себе смертный приговор"). Как в воду глядел. Всех приговорили к расстрелу и на следующий день, 24 августа 1950 года, казнили. Но это никак не подвигало МГБ в деле "заговорщика" Жукова. От бессилия и добирали тогда в тюрьму таких, как А. Н. Бучин.

Все же в начале пятидесятых травля Жукова постепенно угасает. Он выстоял, не дал ни малейшего повода легиону провокаторов, стукачей и прочих, которыми он был плотно обложен со всех сторон. С другой стороны, летом 1951 года рухнул тот, кто был мотором гнусной кампании против нашего национального героя. Запутался в интригах и угодил в тюрьму МГБ сам Абакумов со своей бандой. Мерзавцу пришлось давать

отчет таким же мерзавцам в том, почему, как сказано в документальной повести К. А. Столярова "Голгофа" (М., 1991), он прошел мимо "контрреволюционного заговора, которым руководил Главный маршал артиллерии Воронов. Цель заговора - свержение Советского правительства и передача власти в стране маршалу Жукову". Абакумов оправдывался ссылками на дело генерала Телегина и других - всего 8 человек. "Дело это весьма важное, и его впредь следует держать и не заканчивать. Оно связано с маршалом Жуковым, который является очень опасным человеком..."

В каком же страшном мире жили эти люди, да можно ли именовать их людьми? Избитый, в кандалах, неделями запираемый в холодильную камеру в Лефортовской тюрьме, Абакумов все твердил свое. Ему предстояло пройти самому по кругам ада, куда он садистски отправлял других. Пройти под расстрельными статьями, применение которых было неизбежно в конце позорного пути. По всей вероятности, Жуков, если судить по его опыту 1937-1939 годов, не мог быть "недоволен тем, что клеветник получил по заслугам - "рыл яму для другого, а угодил в нее сам", как говорится в народной пословице".

По-иному он оценивал Сталина. Завершая то эссе "Коротко о Сталине", Г. К. Жуков проявил великодушие в отношении главного кукловода кампании против него - И. В. Сталина. Отбросив мелочные и недостойные крупного государственного деятеля поступки, Жуков обратился к главному, как он понимал, событию: усилия Абакумова и Берии "сводились к тому, чтобы арестовать меня. Но Сталин не верил, что якобы я пытаюсь организовать военный заговор, и не давал согласия на мой арест.

Как потом рассказывал Хрущев, Сталин якобы говорил Берии: "Не верю никому, чтобы Жуков мог пойти на это дело. Я его хорошо знаю. Он человек прямолинейный, резкий и может в глаза любому сказать неприятность, но против ЦК он не пойдет".

И Сталин не дал арестовать меня. А когда арестовали самого Абакумова, то выяснилось, что он умышленно затеял всю эту историю так же, как он творил их в мрачные 1937- 1939 годы.

Абакумова расстреляли, а меня вновь на XIX съезде партии Сталин лично рекомендовал ввести в состав ЦК КПСС.

За все это неблагоприятное время Сталин нигде не сказал про меня ни одного плохого слова. И я был, конечно, благодарен ему за такую объективность".

Конечно, Георгий Константинович, писавший по памяти, допустил неточности. XIX съезд партии состоялся в октябре 1952 года, В. С. Абакумова расстреляли 19 декабря 1954 года. В основном он прав - есть серьезные основания думать, что

параноик Сталин в определенной степени раскаялся. В феврале 1953 года Жукова отзывают из Свердловска в Москву. Предстояло новое назначение. "Думаю, что он хотел назначить меня министром обороны, но не успел, смерть помешала", рассудительно сказал Жуков глубоким стариком, а отвечая на вопрос, простил ли он Сталина, промолвил: "Я это просто вычеркнул из своей памяти".

Он был на редкость незлобивым, Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Чего нельзя сказать о другом прославленном полководце второй мировой войны, американском генерале Д. Макартуре. Отправленный за океан в 1935 году, Макартур и дня не побывал в Соединенных Штатах до 1951 года, целых 16 лет! За эти полтора десятилетия генерал снискал мировую известность, на них приходится вершина его деятельности, нередко своевольной. В пику официальному Вашингтону.

Когда в первые месяцы войны на Тихом океане Макартур с небольшим контингентом войск был осажден на крошечном островке Коррехидор и не мог получить помощи из США, он стал размышлять о стратегии в терминах глобальной геополитики. Макартура осенила идея: пусть Советский Союз поможет американцам на Филиппинах! Он настойчиво требует воспользоваться "золотой возможностью" вовлечь Советский Союз в войну с Японией. Макартура поддержал Пентагон. Американские горе-стратеги забыли, что на наших руках страшная война с Германией и ее сателлитами. Естественно, поползновения Рузвельта в этом отношении Москва холодно и решительно отклонила.

Лучший биограф Макартура У. Манчестер заметил:

"Этот инцидент стоит помнить, ибо тогда никому не пришло в голову, что Макартур пересек границу, разделяющую военную и гражданскую власти". Неизвестно, в каких терминах из Вашингтона сообщили Макартуру о неудаче попыток Рузвельта ввести СССР в войну на Тихом океане, но не вызывает никакого сомнения, что генерал понял замысел высших чинов правительства - пожертвовать им. "Именно в этот момент, - глухо сообщает У. Манчестер, - Макартур решил, что он должен умереть. Казалось, не было иного выхода. В какой-то момент безумия он вновь подумал, что Сталин может спасти его, и опубликовал восторженное заявление", из которого Манчестер дает только несколько куцых фраз, а полный текст его приветственной телеграммы в Москву 23 февраля 1942 года по случаю Дня Красной Армии гласил:

"Цивилизация возлагает все свои надежды на достойные

знамена доблестной русской армии. За мою жизнь я принимал участие в ряде войн, был свидетелем других и подробно изучал кампании великих полководцев прошлого. Ни в одной из них я не видел такого прекрасного сопротивления тяжким ударам доселе непобедимого противника, за которым последовало сокрушительное контрнаступление, отбрасывающее врага к его собственной стране. Размах и величие этих усилий являются высочайшим военным достижением во всей истории".

Да, свято верил Дуглас Макартур во всепобеждающую магию слов. Безуспешно вглядывался он в горизонт, "но транспорты с войсками Красной Армии не появились у берегов Лусона", - заканчивает У. Манчестер рассказ о том, как перед лицом смерти истовый антикоммунист обратился за помощью к тому, кого почитал никак не меньше антихриста, - Сталину. В любом случае дела на Филиппинах были вне пределов досягаемости для СССР. Для США дело другое, было бы желание.

С весны 1942 года, Когда Макартур с великим риском был вывезен в Австралию, он возглавил союзные силы, сначала остановившие японский натиск на юг, а затем сами двинувшиеся на север, на долгом пути к Японии. Командование в юго-западной части Тихого океана (Макартур) и оперативная группа адмирала Ч. Нимица на Гавайских островах поделили зоны ответственности по 160° восточной долготы. Между ними возникло своего рода соревнование - кто быстрее приблизится на расстояние удара к Японии - Макартур с юга или Нимиц с востока.

На долю войск США и стран Британской империи достался труднейший театр бои на Новой Гвинее, где продвижение измерялось "от пальмы к пальме", а дальше и вокруг находились тысячи островов, островков и атоллов, по большей части покрытых тропическими джунглями, на самых крупных укрепились японцы, дравшиеся с отчаянной решимостью. Штаб Макартура сумел избежать кровопролитного фронтального наступления, разработав тактику "прыжков" в несколько сот километров, оставляя в тылу крупные группировки врага на обойденных островах и неожиданно захватывая слабозащищенные среди них. Господство союзников в море и воздухе обеспечило успех смелого образа действия, громадную экономию людских и материальных ресурсов.

Нимиц настаивал на приоритете своего театра, где американцы, прикрываясь растущим флотом быстроходных авианосцев, успешно проводили десантные операции. Соединения Нимица сломали хребет императорскому флоту. Высокомерные представители Макартура на серии штабных совещаний в Вашингтоне (он считал ниже своего достоинства выезжать в США)

не допустили ущемления интересов своего театра, как они их понимали - главного в войне на Тихом океане.

Летом 1944 года силы Макартура и Нимица приближались к японским островам. Как лучше выйти к ним? Макартур рвался к овладению Филиппинами (еще бы, покидая их в 1942 году, он произнес великие слова: "Я вернусь!"). Нимиц стоял за захват Формозы (Тайваня), кампания на Филиппинах, на взгляд адмиралов, сложна и потребует ненужных жертв. С ним соглашалось высшее командование вооруженных сил США. Спор "Лусон или Формоза?" раздирал американских военачальников на Тихом океане несколько месяцев. В конце июля 1944 года Рузвельт был вынужден выехать на Гавайи, куда к Нимицу приехал и Макартур. Трехдневное совещание закончилось в пользу Макартура, хотя внешне решения носили компромиссный характер.

Рузвельт пошел на это по очень простой причине. Шел 1944 год, недовольный Макартур мог проследовать в отставку и явиться в США кандидатом на пост президента. Хотя его шансы на победу были невелики, кампания против победоносного военачальника мало вдохновляла. Рузвельт избежал ее, американским войскам пришлось провести тяжелые операции на Филиппинах. Макартур смог произнести: "Я вернулся!", тысячи семей в США получили похоронки на отцов, сыновей и братьев, а Рузвельт после беседы с генералом на Гавайях попросил у врача таблетку аспирина, пожевал губами и растерянно добавил: "И еще одну на утро. За всю мою жизнь никто не говорил со мной так, как сегодня Макартур".

Он держался вызывающе в отношении вашингтонских властей, ибо был убежден Рузвельт на деле Розенфельд, сменивший его Трумэн по виду сущий еврей, что подтверждает его полное имя "Гарри Соломон Трумэн", и ссылался на него как на "того еврея в Белом доме". Взгляды Макартура импонировали очень влиятельным силам в США - ведь генерал квалифицировал "новый курс" Рузвельта и "справедливый курс" Трумэна "социализмом" и стоял за полную свободу от государственного вмешательства для крупного капитала.

Когда закончилась война на Тихом океане - заключительные кампании в которой провели соединения Нимица (овладение Иводзимой и Окинавой), а точку поставило вступление СССР в войну с Японией в августе 1945 года, Макартур громогласно заявлял о своей особой позиции. В период подготовки вторжения на японские острова (от этого кровопролития США и Японию избавила Красная Армия, разгромившая в молниеносной кампании японцев в Маньчжурии) Макартур крайне

неодобрительно отнесся к планировавшемуся использованию на дальневосточном театре американских войск из Европы. Их генералы, наставительно заявил он в интервью, "совершили все возможные ошибки... Стратегия в Европе заключалась в том, чтобы биться глупостью против сильнейших вражеских позиций" и т. д. Что до Советского Союза, то Макартур по-доброму отнесся к нашему участию в войне с Японией. "Я рад, - говорилось в его официальном заявлении, - объявлению Россией войны Японии. Оказалось возможным осуществить великий охват, который не может не завершиться разгромом врага. В Европе Россия была на восточном фронте, союзники на западном. Теперь союзники на востоке, Россия на западе, но результат будет тот же". Он-то знал, что без СССР Соединенным Штатам еще и еще воевать с Японией. До пресыщения.

Коль скоро Макартур доказал свой профессионализм в делах военных, Трумэн добился назначения его Верховным Главнокомандующим союзных армий для принятия, координации и проведения общей капитуляции японских вооруженных сил. А дальше? В Вашингтоне снабдили Макартура самыми различными полномочиями по перековке Японии в демократическую страну. Так и получилось; рвался генерал к политике, столичные американские политики открыли перед ним возможности для всяческих свершений на этом поприще. На японских островах. За тысячекилометровыми просторами Тихого океана. Признали заслуги Макартура, а ему забот и хлопот по горло, с японцами, разумеется.

Он явился в Японию с единственным оружием в руках - трубкой из кукурузного початка - и засадил японское руководство писать новую конституцию. Конечно, споры, пререкания. Потерявший терпение Макартур созвал в начале февраля 1946 года примерно двадцать японских "отцов-основателей" и повелел им создать наконец конституцию ко дню рождения Вашингтона. "Что означало, - замечает автор критической биографии генерала Р. Смит, - у них оставалось всего десять дней для завершения работы (день рождения Вашингтона 22 февраля. - Я. Я.). Они немедленно обнаружили, что задача куда труднее, чем предполагалось. Но, потрудившись в поте лица своего, творцы ловко использовали американские, английские и японские образцы, заимствовали фразеологию из Декларации независимости и Геттисбергского обращения. Говорить о том, что это было японское творение, смехотворно. Японских журналистов, конечно, обмануть не удалось. Среди них ходила шутка: "Ты читал новую конституцию? - Нет еще, а что, ее уже перевели на японский язык?"

Макартур невозмутимо утверждал, что не имел прямого отношения к ее созданию, разве дал "несколько хороших советов", а в мемуарах энергично закончил: "Апрельские выборы (в парламент в 1946 году) стали тем, чего я желал - истинным плебисцитом. Кандидаты, целиком и полностью поддержавшие ее принятие, были избраны, образовав сильное и четкое по своим взглядам большинство в парламенте". Надо, однако, признать, что конституция была в высшей степени демократической, обеспечивая куда большие свободы аборигенам японских островов, чем имели жители западных держав, включая США. Конечно, немало осталось на бумаге, и даже в год ее принятия мало кто серьезно относился к пышной статье IX конституции, торжественно провозглашавшей отказ Японии от войны как орудия национальной политики, отказ иметь армию и военно-морской флот. Функциональную роль эти замечательные положения выполнили - сбили волну левых настроений в стране, предотвратив весьма возможный социальный взрыв.

Все это записал в свой актив Макартур. С утроенной энергией он продолжал законотворчество в Японии, а в США приближались очередные президентские выборы. Генерал показал себя успешным политиком, и ширилось движение его обожателей, попытавшихся продвинуть на этих, 1948 года, выборах Макартура в американские президенты. Благодарные японские торговцы в Токио и многих других городах украшали витрины своих магазинов лозунгом: "Мы, японцы, хотим иметь Макартура президентом". Носили значки с сентенциями в этом духе. Исход выборов решился, конечно, не в Японии, а в США. Чтобы стать полноправным кандидатом и принять участие в политической борьбе, нужно было уйти в отставку. Это означало утрату завидного положения американского проконсула в Японии, утрату практически всего в надежде на эвентуальное президентское кресло. Макартур с советниками не решились рискнуть. Еще нарастить политические мускулы.

В самое ближайшее время эпохальные события вытолкнули Макартура на мировую арену отнюдь не политиком, а в привычной роли военачальника. В июне 1950 года разразилась война в Корее. Она явилась катализатором гонки вооружений на Западе, планы военного строительства НАТО обрели плоть и кровь, а Макартуру принесла одни огорчения. Правда, он сумел удержаться на Корейском полуострове летом 1950 года, подготовил и провел успешную операцию. 15 сентября 1950 года под его личным наблюдением высадился громадный десант в Инчоне, глубоко в тылу победоносной армии КНДР. Казалось, вернулись золотые дни Окинавы и Гуадалканала - во главе

десантников шла первая дивизия морской пехоты США, закаленная в боях на Тихом океане. Обстоятельно, без особой спешки генерал повел свои войска на север, подавляя противника чудовищной огневой мощью.

Трумэн с возрастающей тревогой следил за действиями Макартура. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять - Макартур идет к границам СССР и КНР во главе сборных интервенционистских войск. Выяснить намерения Макартура было невозможно, хотя Трумэн слетал на остров Уэйк для встречи 15 октября с высокомерным полководцем, предпочитавшим, чтобы президенты прибывали к нему, а не он в Вашингтон. Макартур заверил Трумэна - к новому году кампания в Корее завершится. Президент наградил его медалью, а своим ближним, припомнив военные денечки 1918 года во Франции, прошипел: "Если бы он был лейтенантом в моем подразделении и шлялся в таком виде, я бы так врезал ему, что он бы слетел с копыт!" Пятизвездный генерал беседовал с подтянутым отставным полковником артиллерии, каким был Трумэн, с расстегнутым воротником мундира, в старой мятой фуражке.

Американцы не одержали победы ни к новому, ни в новом, 1951 году. Китай пришел на помощь корейской армии. Советские летчики прикрыли небо над северными районами Кореи и Маньчжурией. Под ударами воспрянувшей духом корейской армии и китайских соединений "войска ООН" откатились примерно к 38-й параллели, где и окопались. В войне тупик! Взбешенный Макартур потребовал сбросить 30-50 атомных бомб на Маньчжурию. Устроить зону смерти из радиоактивного кобальта вдоль северной границы Кореи и развязать войну против КНР. Коль скоро Вашингтон не торопился поддержать его, Макартур рвал и метал, не препятствуя преданию гласности его брани в адрес правительства и звонкой сентенции "Мы должны победить, победе замены нет". 11 апреля Трумэн прогнал генерала с его поста, что дало повод Макартуру наконец вернуться в США.

На родной земле, в Соединенных Штатах, Макартура встретили даже не как национального героя, а, пожалуй, как высшее существо. Энтузиазм по поводу прибытия генерала перешел в истерию. Выступая 19 апреля перед конгрессом и страной - 30 миллионов телезрителей, включая правительство, Макартур поносил политиков, якобы не давших ему возможности одержать победу. В ответ на отработанные абзацы речи с мест в Капитолии раздавались возгласы: "Мы слышали голос бога!", иные проливали слезы. Трумэн открыл членам правительства: "наш великий плешивый полководец с крашеными волосами"

произнес речь, каковая не больше чем "стопроцентное дерьмо", а "эти распроклятые идиоты - конгрессмены льют слезы как бабы".

Май - июнь генерал препирался в сенатском комитете по поводу политики США. Он утверждал, что нужно захватить всю Корею, попутно "подорвав и сведя на нет способность Китая вести агрессивную войну". Оппоненты генерала, ключевые министры и высшие военные, утверждали в комитете, что курс Макартура означает "не ту войну, не в том месте, не в то время и не с тем врагом" (председатель комитета начальников штабов генерал О. Брэдли). "Слушания" в комитете кончились ничем. Стороны разошлись, каждая уверенная в своей правоте.

Наступил 1952 год, год очередных президентских выборов. Макартур повел личную кампанию против переизбрания его архиврага Трумэна президентом. Он внес существенный вклад в решение Трумэна отказаться баллотироваться в президенты. Сторонники генерала яростно требовали от своего кумира вступить в борьбу за президентское кресло. Впоследствии выяснилось, что поддержка Макартура была слабей, чем казалась тогда, но ее, весьма тощей, оказалось достаточно, чтобы вывести на национальную политическую арену другого генерала - Д. Эйзенхауэра. По-видимому, политические стратеги не видели иного пути побить Макартура, как противопоставить ему профессионального военного с равным количеством звезд на плечах.

Макартур сообразил, в чем дело, и 15 мая 1952 года в разрекламированной речи объявил: военному не место в Белом доме. Слова. Он так и не подал в отставку, а Эйзенхауэр уверенно набирал очки. Этот отставной генерал объяснял стране, что вторгся в политику только потому, что "терпеть не может политиканство и политику Макартура". Запутанными и очень сложными маневрами Макартуру нанесли поражение уже на подступах к выдвижению кандидатом на пест президента. Таковым стал Д. Эйзенхауэр.

Тосковавшие в США по сильной руке - а в 1952 году от океана до океана в Америке грохотали барабаны военной тревоги - получили своего генерала. Его гарантированная победа на выборах заставила умолкнуть тех, кто сетовал по поводу притеснения военных "политиками", а опасный претендент в мундире на политическую роль был убран самым что ни есть законным образом.

За происходившим на американском политическом ристалище летом 1952 года неизбежно внимательно следил весь мир. Исход президентских выборов в США был небезразличен и для Советского Союза. В Москве, несомненно, сделали

надлежащие выводы из того, что за Белый дом в известной степени состязались генералы, герои второй мировой войны. Очень вероятно, что иным у нас представлялось: Д. Эйзенхауэр потеснил политиков прежде всего как пятизвездный генерал, участник крестового похода в Европу против фашизма в 1944-1945 годах. Исход американских выборов 1952 года опосредствованно оказался бомбой замедленного действия для Г. К. Жукова.

Смерть И. В. Сталина на первый взгляд отправила опалу Жукова в прошлое. Маршала вернули в Москву. Он занял пост первого заместителя министра обороны СССР. Но оставалась непоколебимой основная причина недоброжелательства как Сталина, так и Хрущева к Жукову: "То была не только ревность к славе, но политическая боязнь". По мудрой констатации М. А. Шолохова.

Эта боязнь подпитывалась грызней за власть, которая началась среди недавних соратников Сталина сразу после его смерти. Разрешить ее без участия военных политиканы не могли. Закоренелый интриган, энтузиаст массовых убийств в тридцатые, Н. С. Хрущев объяснил: "Почему мы привлекли к этому делу военных? Высказывались соображения, что если мы решим задержать Берию и провести следствие, то не вызовет ли Берия чекистов, нашу охрану, которая была подчинена ему, и не прикажет ли нас самих изолировать? Мы совершенно были бы бессильны, потому что в Кремле находилось довольно большое количество вооруженных и подготовленных людей. Поэтому и решено было привлечь военных". Посему последовало обращение к высшему командованию Вооруженных Сил, следовательно, к Г. К. Жукову.

Когда в конце июня 1953 года Георгия Константиновича зазвали на тайное сборище вождей, проводившееся под видом заседания Совета Министров, и обрадовали просьбой - арестовать Берию, он, несомненно, почувствовал отвращение. Его оторвали от любимой работы и окунули в зловонное партийное болото, среду обитания Маленкова, Молотова, Микояна, Хрущева и других бонз. Теперь они умоляюще смотрели на маршала. Надо думать, он испытывал брезгливость к этим людям, которых хорошо узнал в роли сталинских лизоблюдов в годы войны. С некоторыми из них у него были и личные счеты. Интриганы, однако, точно рассчитали. "Знали, - вспоминал впоследствии Жуков, - что у меня к Берии давняя неприязнь, перешедшая во вражду. У нас еще при Сталине не раз были стычки. Достаточно сказать, что Абакумов и Берия хотели меня в свое время арестовать. Уже подбирали ключи".

Маршал помнил, как у него бесследно исчез хранившийся на даче личный архив - дневники, записи, фотоальбомы. После смерти Сталина два альбома нашли в архиве МВД и вернули Жукову. Он взглянул на них и обомлел: "Я понял, что это дело рук Абакумова и Берии. Обложки и подбор самих фото были переделаны так, чтобы меня скомпрометировать в глазах Сталина. Кстати, мне Сталин прямо однажды сказал, что они хотели меня арестовать. Берия нашептывал Сталину, но последний ему прямо сказал: "Не верю. Мужественный полководец, патриот - и предатель. Не верю. Кончайте с этой грязной затеей". Поймите, после этого я охотно взялся его арестовать. За дело".

Жуков приступил к выполнению операции с присущей ему обстоятельностью. Вопрос вопросов - изоляция Берии от возможных сторонников. Командующим Московским военным округом и, следовательно, начальником Московского гарнизона был генерал-полковник П. А. Артемьев. Давний служака в войсках НКВД - МВД, ведавший по своей должности разводом караулов в Москве и охраной объектов в Кремле. Хрущев высказал общее пожелание, как бы убрать генерала с его поста. Жуков конкретизировал - провести в районе Калинина крупное учение войск Московского военного округа, куда и отбыл со своим штабом Артемьев. В должность и. о. начальника Московского гарнизона временно вступил командующий Московским районом ПВО генерал-полковник К. С. Москаленко. Замена одного генерала другим прошла гладко и не вызвала ни малейших подозрений у бериевцев.

В день, назначенный для ареста Берии - 26 июня 1953 года, Москаленко по приказу Жукова заменил офицерами своего штаба часовых в здании в Кремле, где проводилось заседание Президиума ЦК КПСС. Жуков с генералами, введенными в курс дела, - Батицким, Москаленко, Неделиным - затаились в комнате поблизости от зала заседания. По условному звонку они вошли в зал. Писал Жуков: "Берия сидит за столом в центре. Мои генералы обходят стол, как бы намереваясь сесть у стены. Я подхожу к Берии сзади, командую:

- Встать! Вы арестованы.

Не успел Берия встать, как я заломил ему руки назад и, приподняв, эдак встряхнул. Гляжу на него - бледный-пребледный. И онемел". Когда же Берию стали выводить из комнаты, он оправился и начал выкрикивать угрозы и оскорбления в адрес всех присутствовавших. "Но как только мы вышли из зала и он увидел, что охрана в Кремле заменена, то сразу же сник и запросился в туалет", заканчивает Жуков.

Маршал арестовал Берию на глазах соратников, жизнь подавляющего большинства которых прошла в кабинетах. Они впервые увидели военных в действии. Хотя не было излишеств - оружие не обнажалось, поведение Георгия Константиновича не могло не поразить, и очень сильно, штатских. На глазах корректный маршал преобразился, обнаружил навыки унтер-офицера забытой первой мировой войны. Заломил руки, поднял, встряхнул, беглый обыск. И командный, резкий голос! Партийные бонзы наверняка так и не забыли эту сцену до конца дней своих. С этих пор они, по всей вероятности, нередко испытующе вглядывались в лицо Г. К. Жукова, который в считанные годы стал их полноправным соратником - в феврале 1955 года он занимает пост министра обороны.

Получив значительную свободу действий, Г. К. Жуков самозабвенно трудился, попытавшись в новых условиях использовать опыт Великой Отечественной для повышения боеспособности дорогих его сердцу Вооруженных Сил СССР. Ведущих военачальников прикомандировали к Генеральному штабу для изучения и обобщения опыта крупнейших операций той войны. Перерабатывались уставы, совершенствовалась организационная структура наземных сил, авиации и флота. На больших учениях производились взрывы ядерных бомб. Жуков готовил вверенные ему Вооруженные Силы для войны в реальных условиях.

Он решительно требовал освобождаться от груза прошлого, ненужного. Как министр обороны, Г. К. Жуков усматривал только вред в существовании Главного Военного Совета, в который, помимо командующих видами Вооруженных Сил и округов, поголовно входили все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС, и предложил ликвидировать претенциозный и бесполезный орган. Одновременно Жуков настаивал на ликвидации или по крайней мере на преобразовании в совещательные органы пресловутые военные советы в армиях и округах. Военные советы неизбежно вносили сумятицу в систему командования, открывали безграничные возможности для склок, ибо находились в двойном подчинении - Президиума ЦК КПСС и Министерства обороны. Предложения Г. К. Жукова были с негодованием отвергнуты Хрущевым и К°, репутация маршала как недооценивавшего роль партийного руководства в Вооруженных Силах укрепилась.

Жуков подлил масла в огонь действиями, входившими в компетенцию министра обороны. Не требовалось обращения в ЦК КПСС. Он издал приказ No 0090 "О состоянии дисциплины в армии", в котором предписывалось не допускать на партийных

собраниях критики политработниками командиров. Это, по мнению министра, подрывало самые основы единоначалия, краеугольного камня любой армии. Виновные в нарушении приказа политработники и члены партии подлежали строгой ответственности вплоть до увольнения из рядов Вооруженных Сил. Как требования, так и предлагавшиеся санкции в отношении нарушителей не выходили за рамки принятого и понятного профессиональному военному. Партократы, естественно, поставили в строку приказ Г. К. Жукову. Ладно, в этом случае речь шла о том, что ставилась под сомнение "руководящая роль" партии в армии. Партократы вызверились на министра обороны, хотя внешне держались как обычно.

Они через призму недоверия и предрассудков следили за каждым шагом Г. К. Жукова при выполнении вверенных ему обязанностей. Ему пришлось наводить порядок в Вооруженных Силах, ослабевших со времен Великой Отечественной. В 1955 году армия была далеко не той, какой он знал ее в 1945 году. Сказались годы правления в Министерстве обороны глубоко штатского в маршальских погонах Н. А. Булганина. Жуков стремился восстановить Советские Вооруженные Силы во всем блеске победоносной Красной Армии - победительницы в невиданной в истории войне. Реализация благородного замысла неизбежно влекла кадровые перестановки, выдвижение лучших, избавление от тех, кто не оправдал доверия на командных постах.

Со свойственной ему прямотой Г. К. Жуков в приказах высказывался резко и недвусмысленно, в первую очередь когда речь шла о лицах начальствующего состава, допустивших гибель подчиненных в разных чрезвычайных происшествиях. В отношении недобросовестных командиров министр обычно использовал три слова: "снять, разжаловать, уволить". С точки зрения военной дисциплины, поделом им! Недоброжелатели маршала горестно и лицемерно шептались и сплетничали о зловещей "жуковской тройчатке". По аналогии с плетью?

Да, во имя возрождения и укрепления славных традиций Красной Армии по приказам Жукова изгонялись из-под знамен разгильдяи, некомпетентные генералы и офицеры. В общей сложности их было ничтожно мало по сравнению с той массой командного состава, которых "ушли" из Вооруженных Сил в результате последовательных сокращений по инициативе и под давлением Н. С. Хрущева. В 1955 году они сокращены на 640 тысяч человек, в следующем году новое сокращение - на 1200 тысяч человек. Уходили те, кто привел победоносную Красную Армию в Европу, избавил мир от фашистской чумы.

На глазах происходило разжижение начальствующего состава

Вооруженных Сил, ветеранов (термин очень условный, с войны к тому времени прошло каких-нибудь 10 лет!) замещала молодежь, будто бы лучше подготовленная во всех отношениях. Вопреки усилиям министра роль партийных организаций в армии невероятно утяжелилась. Шло политизирование армии, неизбежно подрывавшее боеготовность, отделявшее армию от народа. Так что, Жуков отрицал значение армейской общественности? Министр ответил делом: в марте 1957 года прошло первое в истории наших Вооруженных Сил совещание отличников Советской Армии и Военно-Морского Флота. На нем речь шла об укреплении прежде всего уставного порядка, повышении боевой подготовки, соблюдении дисциплины.

В прямо противоположном направлении действовали интриганы на Старой площади. Хрущевцы постепенно меняли состав высшего командования Вооруженных Сил. Под предлогом выдвижения "фронтовиков" на ключевые посты в Москву, отодвигались те, кто работал в центре в годы войны. Очередная схватка за власть в Кремле подстегнула все эти процессы.

Летом 1957 года сталинисты в Президиуме ЦК КПСС повели дело к смещению Н. С. Хрущева. На заседании Президиума они проголосовали - снять его с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Когда развернулись эти события, Жуков был в отлучке, вне Москвы. Известная временщица Е. А. Фурцева, в то время секретарь ЦК, добралась по телефону до Георгия Константиновича и умолила его приехать. Жуков появился на заседании тогда, когда, казалось, все было кончено - Хрущеву уже подыскали пост по силам, назначили министром сельского хозяйства. Кандидат в, члены Президиума ЦК КПСС, каким был в то время Г. К. Жуков, с омерзением оглядел присутствующих, по уши погрязших в грязных интригах. Хотя он по войне прекрасно знал цену Хрущеву, победители были еще хуже, что было совсем не трудно. Сталинские вельможи - Молотов, Маленков, Каганович и прочие, набившие руку в убийствах. Воцарение их у власти означало бы возвращение к сталинщине, с тюрьмами, лагерями, массовым избиением людей.

Жуков холодно объяснил кучке честолюбивых чиновников в летах, что не согласен с решением, принятым в его отсутствие. И еще добавил: "Надеюсь, что в этом меня поддержат народ и Вооруженные Силы". Намек понят - решение о Хрущеве отменили на месте. Хрущевцев озарила дивная идея - показать, что победа сталинистов свидетельствовала всего лишь об "арифметическом" их большинстве. Посему нужно обсудить все на Пленуме ЦК КПСС. После четырехдневной склоки Пленум собрался 22 июня 1957 года. Жуков озаботился послать за рядом членов ЦК военно-

транспортные самолеты. Он трудился, полагая в чистоте душевной, что устраняет страшную опасность, нависшую над Родиной. Хрущев со своей компанией горячо поддержали рвение маршала и оказали ему доверие - прочитать на Пленуме ЦК материал о злодействах их противников, уже заклейменных "антипартийной группировкой".

Громким, отчетливым, с командирскими интонациями голосом маршал озвучил суровый доклад, врученный ему как знак высочайшего доверия. Он не сообразил, что хрущевцы нагло спекулируют на его популярности и авторитете. Прозвучали леденящие кровь резолюции претендентов на верховную власть, которые они щедро рассыпали по просьбам о помиловании жертв сталинского террора: "Приветствую расстрел" (Каганович), "Мерзавцам так и надо" (Молотов) и многие в том же духе. Бухгалтеры смерти подсчитали: в 1937-1938 годах было арестовано свыше полутора миллионов человек, из них 681 622 человека расстреляно. Хрущевцы вложили и эти цифры в руки Жукова. Они, разумеется, не вводили его в курс "разборок" на партийном Олимпе, когда, по свидетельству племянника Л. М. Кагановича, американского журналиста С. Кагана, в написанной им книге происходили такие сцены. Хрущев кричит, показывая на Кагановича:

- Ваши руки запятнаны кровью руководителей нашей партии и бесконечного множества невиновных большевиков!

Лазарь не выдержал. Он поднялся со стула и ударил кулаком по столу.

- И твои тоже, курва! Ты был рядом со мной, выполнял приказы и отдавал приказы. Ублюдок и выродок, твои руки тоже запятнаны кровью. Да, запятнаны!

Г. К. Жукова в изобилии снабдили фактами о преступных расправах, проводимых всеми тогдашними руководителями СССР, за исключением... Хрущева! О том, чтобы соответствующие документы были надежно спрятаны, позаботился тогдашний прихвостень Хрущева, председатель КГБ, генерал армии И. А. Серов. Так что Жуков изливал праведный гнев в заранее определенных и предписанных рамках. Маршал пригвоздил к позорному столбу тех, кто осмелился подняться против Хрущева. Он закрепил тяжкую вину массовых убийств за ними.

Жуков и только Жуков смог блестяще справиться с этой тяжкой задачей. Любой из "старой гвардии" - Хрущев и его сторонники - не могли бросить эти убийственные обвинения в лицо своим противникам. Те вернули бы их с процентами обратно. Диалог Хрущева с Кагановичем в приватной обстановке повторился бы в куда более широкой аудитории, на Пленуме.

Маршал, надо думать, гордился выполнением партийного поручения, Хрущев и К" тайком потирали руки кристально честный человек прикрыл своим именем их, повинных в массовых убийствах. Участников "антипартийной группировки" сбросили со всех постов и выставили из партии. Хрущев со своими единомышленниками вознаградили Г. К. Жукова, возвели в члены Президиума ЦК КПСС. Он достиг вершины политической пирамиды, поднялся настолько, насколько возможно министру обороны, что немедленно осложнило его положение среди кремлевских интриганов. Они сопоставляли рост маршала с судьбой другого генерала, баловня судьбы, президента США Д. Эйзенхауэра. Интриганы судили по себе, разве не может случиться так, что Жуков примерится к креслу главы государства? Чем он хуже Эйзенхауэра? Последствия, в их представлении, для партийных бонз ужасающие. Номенклатура засуетилась, в ее трущобах быстро созрел заговор против национального героя.

Хрущев предложил Жукову выполнить важную историческую миссию - съездить в Югославию и Албанию. Надо думать, он растолковал министру обороны, что только ему-де по плечу выполнить почетный долг. Маршал Советского Союза найдет общий язык с маршалом Б. Тито, врачуя моральные травмы, нанесенные Сталиным и его соратниками, начиная с размолвки с Югославией в 1948 году. Хрущев-де уже начал, а Жукову предстоит развить и завершить доброе начинание восстановления советско-югославской дружбы. Нет сомнений, что Г. К. Жуков горел желанием как следует выполнить почетное партийное поручение, когда в Севастополе поднялся на борт крейсера "Куйбышев". В сопровождении эсминцев "Бывалый" и "Блестящий" крейсер должен был доставить министра обороны СССР Г. К. Жукова в Адриатику.

Ему бы, Георгию Константиновичу, задуматься, почему избран морской путь, требовавший немало времени. Может быть, он как-то расслабился, не придал этому значения, ибо считал свою поездку в определенной степени протокольной. Если угодно, продолжением миссии доброй воли, которую он недавно выполнил: 23 января - 17 февраля 1957 года поездка в Индию и Бирму. В середине пятидесятых советские руководители, ликвидировав для себя "железный занавес", азартно занялись поездками по всему свету - мир посмотреть и себя показать. Высокое положение государственных странников гарантировало им достойный прием, как во время поездки Булганина и Хрущева в Индию в 1955 году. Тогда в Индии выразили желание принять маршала Г. К. Жукова.

И вот он на индийской земле! Президент Прасад приветствовал высокого гостя: "Хотя вы приехали в Индию впервые, но вас хорошо знает индийский народ". В чем Жуков убеждался каждый день во время памятной поездки. Начальник военно-штабного колледжа, где маршал выступил с лекцией, генерал Гояни, представляя его, подчеркнул: "Мы считаем маршала одним из самых выдающихся полководцев всех времен. Вы все знаете подвиги маршала и его войск на театрах войны и блестящий разгром врага вооруженными силами, которыми он командовал. Он командовал крупнейшими армиями, какими когда-либо руководил военачальник". С небольшими вариациями эта мысль повторялась при каждой встрече Г. К. Жукова в Индии и Бирме. В ответ Георгий Константинович благодарил, представляясь: "Я сын советского народа и солдат его армии".

Как высокие оценки достижений Жукова, так пропуск им в ответных речах упоминаний о партии фиксировались в Кремле. Зависть, черная зависть несомненно охватывала партийных бонз, прокорпевших всю жизнь над бумажками и состарившихся безвестными в кабинетах ЦК. Что они могли предъявить для обозрения зарубежной аудитории, на внимание которой они были так падки? Перечень заведования секторами, подотделами, отделами и прочим в партийном муравейнике?

Триумфальная поездка Г. К. Жукова по Индии и Бирме зримо показывала миру, кто есть кто в Москве. Разве мог кто-нибудь из них четко и ясно рассказать о советской военной доктрине, а, отвечая на вопросы, будет ли применено ядерное оружие, трезво указать - в будущей войне, если она разразится, "безусловно, да, так как дело внедрения этого оружия в вооруженные силы зашло слишком далеко и уже оказало свое влияние на организацию войск, их тактику и оперативно-стратегические доктрины". Прав американский биограф Жукова У. Спар: "В заявлениях Жукова не было ничего, что бы уже не обсуждалось в советской военной печати. Однако примечательно, что в его обстоятельных рассуждениях отсутствовали ссылки на руководство партии или коллективное решение таких проблем, как будущая война между великими державами, и отсутствовали обязательные слова "советская военная доктрина предусматривает..." или "советская военная наука учит...". Маршал говорил от себя и только от себя, так, как подсказывал ему жизненный опыт великого полководца".

Эти соображения, вероятно, и не приходили в голову Георгию Константиновичу, честному солдату, относившему почтительное внимание к себе за счет великой страны, которую он представлял. Примерно так он, надо думать, рассматривал и свою миссию в Югославии.

В сущности, ему не предстояли серьезные переговоры, а так, обмен любезностями в плане общности судеб стран, вставших на путь строительства социализма. Где ему было знать, что стоило крейсеру скрыться за горизонтом, как во исполнение решения срочно собравшегося Президиума ЦК КПСС по всей стране прошли послушные партийные активы. Они работали по принципу: ага, мы это знали! Жадно внимавшую коммунистическую элиту досыта накормили самыми различными сплетнями о том, кто, как теперь "оказалось" - ошибочно, почитался национальным героем. Подумать только, ужасались номенклатурные коммунисты, в наши ряды затесался отступник от норм партийной жизни! Формировался в 1957 году образ врага социалистической Аркадии по рецептам 1937 года. Что не должно удивлять - главный режиссер позорного спектакля, ставившегося за закрытыми дверями партийных активов, кровавый убийца тридцатых, хотя и постаревший лет на двадцать, но не утративший хищных повадок, - Н. С. Хрущев.

В глубокой тайне от народа и высланного за моря Г. К. Жукова создавался жупел злодея, покусившегося на социалистическую девственность государства, приближавшегося в эти дни как раз к своему сорокалетию. Формула обвинения все-таки не вытанцовывалась. Тогда Хрущев с соратниками, в большинстве людьми малограмотными, ухватились за словечко "бонапартизм", звучавшее таинственно и в их глазах устрашающе. Эпитет поистерся от недавнего употребления против другого Маршала Советского Союза - Л. П. Берии. Этот преступный маршал заявил во время суда над ним в декабре 1953 года: "Особой скромностью я не отличался - это факт... Что касается моих бонапартистских вывихов, то это неверно". Кто знал, что лепетал соратник Хрущева и других на закрытом судилище. Посему, надо думать, влепили Г. К. Жукову обвинение в "бонапартизме" по совокупности подозреваемых за ним деяний.

В это время "бонапартист" вел рассудительные беседы с югославскими "товарищами", принимал и раздавал, в свою очередь, знаки внимания. Сходя на берег, Жуков распорядился, чтобы крейсер следовал в Сплит, откуда он намеревался отплыть в Албанию. На переходе командир корабля получил приказ из Москвы - вернуться в Севастополь. Крейсер ушел, оставив маршала на чужбине. Жуков окольным путем узнал, что в Кремле творится что-то неладное. Бросив дипломатию, он самолетом вернулся в Москву и прямо в свой кабинет министра обороны. Телефоны выключены, встретившиеся генералы шарахаются. Тут же вызов на Президиум ЦК под шквал вздорных обвинений. На следующий день - на стул обвиняемого на Пленум ЦК КПСС.

Они там развернулись вовсю, загонщики, травившие крупного зверя. После гнусной затравки - доклада Суслова, косяком пошли военные: первым - начальник ГлавПУРа Желтов, за ним, теснясь и состязаясь в угодничестве, хрущевские маршалы Бирюзов, Еременко и другие. В одной упряжке с ними давний недоброжелатель Конев. На шабаше, во что с тридцатых годов превращался в таких случаях форум партии - Пленум ЦК, председательствовал Брежнев. В основном военные жаловались - министр обороны притеснял-де политорганы. Лицемерие выступавших било в глаза, ибо все они больше или меньше натерпелись от политработников за долгую службу в армии. Но что делать, долг коммуниста повелевал им говорить так, а не иначе. В противном случае - отставка. В 1957 году ее боялись не меньше, чем тюрьмы в 1937 году.

Все же они не оправдали полностью высоких надежд Хрущева, главного закоперщика травли министра обороны. "Он, - рассказывал Жуков, - пребывал в своем амплуа: постоянно бросал реплики. Он часто перебивал ораторов и каждый раз в своих репликах и комментариях старался породить недоброжелательное отношение ко мне или вызвать обиду на меня, убедить всех присутствующих в том, что я опасный бонапартист и стремлюсь к захвату власти. Но эту версию никто из военных не поддержал. Поэтому в своем пространном заключении Хрущев был вынужден смягчить акцент этого обвинения и его далеко идущий замысел потерпел провал". Надо думать, клеветники в маршальских и генеральских мундирах осознавали, что за обвинением Жукова в "заговоре" последовал бы суд и прочее, памятное им по расправам с "врагами народа" при сталинщине.

Особые опасения среди них, по-видимому, вызывала реанимация Хрущевым термина "бонапартизм". Они, имевшие за плечами многолетнюю службу в Красной Армии, отлично помнили кровавые последствия применения этого ярлыка в отношении высшего комсостава. С первой половины двадцатых годов ОГПУ-НКВД, легендируя для русской эмиграции и западных спецслужб существование в СССР мнимых контрреволюционных организаций ("Трест" и других), передавала за кордон фальшивые данные о будто бы существующих в Красной Армии военачальниках с "бонапартистским" уклоном. К ним прежде всего относили М. Н. Тухачевского. По замыслу провокаторов ОГПУ-НКВД, противники Советской власти на Западе клюнут на приманку, свяжутся с этими "организациями", что даст возможность поставить под контроль их деятельность. Кое-какие успехи на первых порах были достигнуты, но очень скоро

противники СССР в тайной войне докопались до истины, и операции пришел конец.

Интриги ОГПУ-НКВД обернулись чудовищными последствиями. Комиссия Шверника, работавшая в 1961- 1964 годах, в справке Хрущеву 26 июня 1964 года о проверке обвинений Тухачевского и других в измене Родине, заговоре и т. д. спокойно, слишком спокойно констатировала: "Агентура ОГПУ-НКВД распространяла внутри страны и за рубежом слухи о якобы антисоветских бонапартистских настроениях Тухачевского, о группировавшихся вокруг него различных антисоветски настроенных элементах из числа бывших царских генералов и офицеров... Провокационные методы работы органов ОГПУ-НКВД приводили к тому, что распространяемые агентами "компрометирующие" сведения о Тухачевском становились достоянием третьих лиц и возвращались назад в эти органы уже по другим каналам, как агентурные данные. Полученные таким путем материалы, как правило, не проверялись". В упомянутой "справке" указано: "Впервые агентурные донесения о якобы имевшихся у Тухачевского бонапартистских настроениях стали поступать в органы НКВД (ошибка, нужно ОГПУ. - Н. Я.) в декабре 1925 года"!

На основании запущенных самими лубянскими провокаторами фальшивок уже в 1930-1932 годах прошла операция "Весна" - было арестовано свыше 3000 бывших офицеров и генералов царской армии, служивших в РККА, которые почти целиком погибли от рук чекистских палачей. По этому же сценарию развернулись репрессии в Красной Армии в 1937 году с ареста и уничтожения "бонапартиста" Тухачевского и других. По свидетельству А. И. Тодорского: "Через несколько дней после расстрела нарком обороны К. Е. Ворошилов рассказывал нам... что во время казни обреченные на смерть товарищи (Тухачевский и его подельники. - Н. Я.} выкрикивали:

"Да здравствует Сталин!", "Да здравствует коммунизм!" Рассказ Ворошилова запомнили, передавали из уст в уста в командовании Красной Армии. Маршалы и генералы, поносившие Жукова в 1957 году, могли не знать о механизме работы ОГПУ-НКВД в двадцатые и тридцатые годы, но о предсмертных возгласах убитых в залитых кровью застенках знали.

Едва ли кто-нибудь из них рвался драть горло в таких обстоятельствах и получить посмертную эпитафию, произнесенную А. И. Тодорским по поводу поведения Тухачевского и других во время казни: "Сейчас, когда эти неподкупные люди полностью реабилитированы в советском и партийном порядке, мы видим, что даже перед лицом

неотвратимой незаслуженной смерти они нашли в себе силу духа гордо заявить, что умирают коммунистами". Хулители Жукова на высоких постах в Вооруженных Силах также обнаружили силу духа, они не последовали внушениям Хрущева и остереглись содействовать запуску механизма, который в конечном итоге мог погубить и их. Боязнь за собственную шкуру, а не порядочность останавливала их у роковой черты.

Физически Г. К. Жуков уцелел. Политически - уничтожен. Он был изгнан не только из Президиума, но из членов ЦК КПСС. По тогдашним понятиям, политическая смерть, за ней, если угодно, гражданская казнь над бесправным в глазах номенклатуры. Хрущев перещеголял Сталина, нарушил статус воинского звания "Маршал Советского Союза". Георгия Константиновича уволили в отставку, хотя по статусу этой меры не предусматривалось. Военачальников, имевших звания генерала армии и маршала, зачисляли в группу генеральных инспекторов Министерства обороны. Единственное исключение - Г. К. Жуков. Ему было суждено коротать оставшиеся годы жизни в одиночестве, в густом лесу на даче в Сосновке под Москвой. Но под "колпаком" КГБ. О любом высказывании Жукова, нелояльном, по мнению знатоков из КГБ, немедленно докладывалось Хрущеву.

19 августа 1959 года певица Л. А. Русланова справляла поминки по случаю кончины своего мужа, генерал-лейтенанта В. В. Крюкова. Стукачи сигнализировали, а председатель КГБ Шелепин донес Хрущеву 7 сентября: Жуков на них-де сказал: "Красная звезда" изо дня в день зовет "поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена". Жуков неодобрительно отозвался о новом законе о пенсиях военнослужащим. "Заявления Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Буденным". Шелепин утверждал, что большинство офицеров "правильно восприняло" закон о пенсиях (ухудшавших их положение!), но отмечаются "отдельные" случаи "нездорового реагирования". Он привел около двух десятков таких суждений старших офицеров. Например:

"Сейчас приравнивают к одной мерке - и тех, кто воевал, и тех, кто торговал газированной водой", "вся армия разбежится", "в Египте плотину строим, Ирану помогаем, а у себя ремни подтягиваем. Кто обжирается, а кому теперь жрать нечего будет".

Президиум ЦК КПСС поручил товарищам Кириченко, Брежневу, Суслову "принять необходимые меры" в связи с изложенным. Они сунулись объясняться с Буденным. Старик ответил: на поминках не был, Жукова видел 5-10 минут во дворе дачи Руслановой, тот "ни о чем подобном не говорил". Сорвалось!

Но нашли другой донос. Жуков-де во время похорон Крюкова во 2-м доме МО СССР не дал "отпора" в разговоре с генерал-майором В. А. Ревякиным, когда тот заявил: "Обижать нас, стариков, стали, и теперь тяжеловато будет с новой пенсией". И даже "поддержал этот непартийный разговор". Маршала и генерала вызвали в Комитет партийного контроля, обсудили их (члена КПСС с 1918 года т. Ревякина В. А. и члена КПСС с 1919 года т. Жукова Г. К.). В результате "т. Жуков дал правильную оценку своему поведению", как и "т. Ревякин". Об этом и донес 27 ноября 1959 года в ЦК КПСС председатель КПК Шверник.

За пределами стен, где орудовали партийные и чекистские инквизиторы, почиталось обязательным умалчивать о том, что великий полководец жив, он был вычеркнут из числа живых. Иные из недавних соратников по оружию перевыполняли план глумления над Г. К. Жуковым. Лавры первенства в забеге хулителей попытался приобрести адмирал Н. Г. Кузнецов, который в бытность Жукова министром обороны был освобожден от должности и понижен в звании. Кузнецов затаил великое недовольство министром. Узнав о его снятии, Кузнецов (по собственным словам!) засуетился: "Я был убежден, что об этом не знал Президиум ЦК КПСС. 8 ноября 1957 года я счел своим долгом в изменившейся обстановке изложить Президиуму ЦК КПСС свою точку зрения на обвинения, брошенные мне Жуковым". Посему адмирал настрочил пространный донос на маршала.

Подумать только, жаловался обиженный, Жуков заявил-де ему при увольнении: "Вообще начальство вами очень недовольно, и на флотах вы никаким авторитетом не пользуетесь". "Так как этот вопрос больше не разъяснялся и не уточнялся, негодовал Кузнецов, - я не мог понять, что конкретно имеется в виду, не могу ничего сказать и сейчас". Адмирал трудился совершенно напрасно, хрущевцы не оценили его творческих усилий, оставив обращение без ответа. Им бы материал о "заговоре", а Кузнецов просил Президиум ЦК КПСС восстановить его авторитет на флотах.

Как ни тужились недоброжелатели Жукова в рядах Вооруженных Сил, поклепы, возводившиеся ими, были смехотворны, хотя и преисполнены злобы, в этом случае синонима зависти. Типичный пример. В 1962 году генерал армии, дважды Герой Советского Союза П. И. Батов отметил вступление на пост начальника штаба Объединенными вооруженными силами стран-участниц Варшавского договора мемуарами "В походах и боях". С высоты нового поста он вздорно, скандально поведал о том, как представитель Ставки Г. К. Жуков притеснял

его в бытность командующим 65-й армией на 1-м Белорусском фронте в дни великого наступления, операции "Багратион" летом 1944 года. Нанес такие обиды, что он все расчесывал их шрамы спустя два десятилетия.

Тогда, в победоносном июне 1944 года, Жуков побывал в одной из дивизий, нашел непорядки. По словам Батова, ее командир, "встречая маршала, несколько растерялся. Сбивчиво доложил обстановку". Это перед боем! Жуков якобы в машине, где "сидел рядом с шофером, ни оборачиваясь ко мне, приказал" комкора снять, комдива в штрафную роту. С помощью Рокоссовского наказание-де было смягчено - командиру корпуса выговор, комдива сместили с должности. Последнее, наверное, правильно, а вот в отношении первого я с пристрастием допросил свидетеля А. Н. Бучина, возившего тогда Жукова. Александр Николаевич твердо сказал - никогда Батов в машину маршала не подсаживался, он "ездил на своей". Да и разговоров о таких деликатных делах, как смещение старших офицеров и генералов, Георгий Константинович в машине не вел. Они решались за закрытыми дверями в штабе, уверенно закончил А. Н. Бучин.

Ужасный, ужасный человек маршал Жуков, сокрушается Батов. Вот командование 65-й армии в своем штабе занято туалетом, как вдруг появляется Жуков. И с порога:

"- Бреетесь?.. Одеколонитесь?.. Почему не взяты Барановичи?

Кое-как увели Жукова в избу. Там он продолжал разнос. ...Эта невыносимая сцена закончилась тем, что Жуков приказал Радецкому (члену Военного совета, сунувшемуся было с объяснениями. - Н. Я.) выехать в Барановичи и не возвращаться, пока город не будет взят. Отшвырнув ногой табурет, Жуков вышел, с шумом закрыв дверь.

Тяжелое молчание.

- Что ты убиваешься, Павел Иванович, - сказал Радецкий. - Кому мы служим Жукову или Советской власти?.. Давай-ка поужинаем... Это все чепуха. Но меня интересует, отчего он взбеленился?

Мне, право, было не до анализа. Радецкий продолжал:

- Василевский-то под Вильнюсом? Вот Жуков и устраивает состязание, кто раньше в Ставку о победе донесет". С чем Батов согласился.

Только политработник, привыкший "рапортовать" к той или иной дате, мог приписать Г. К. Жукову столь суетные мотивы при руководстве боевыми действиями. Тем не менее Батов согласился с этим. Почему? Воениздат в издательской аннотации разъяснил: "Советские люди знают генерала Батова и как общественного деятеля. 18 марта 1962 года народ избрал его, уже в пятый раз,

депутатом Верховного Совета СССР. Армейские коммунисты оказали ему высокое доверие, избрав его своим делегатом на XVIII, XIX, XX, XXI и XXII съезды нашей партии".

Через три года с небольшим при переиздании в 1966 году мемуаров Батова все антижуковские сентенции исчезли. Мемуары 1962 года издания послужили Батову не больше чем пропуском в группу генеральных инспекторов МО СССР, куда он был зачислен в 1965 году. Совесть не очень угрызала генерала армии, он прожил еще двадцать лет. Больше не был замечен в разоблачениях маршала Жукова.

Чекисты не прерывали вахты бдительности. 27 мая 1963 года председатель КГБ Семичастный доносит Хрущеву "о настроениях бывшего министра обороны Жукова Г. К.". Он в разговорах-де допускает "резкие выпады по адресу отдельных членов Президиума ЦК" и рассказывает "во всех подробностях", как был снят с поста министра обороны. По поводу издания "Истории Великой Отечественной войны" Жуков якобы сказал: "Лакированная эта история". В своих воспоминаниях "я пишу все как было, я никого не щажу. Я уже около тысячи страниц отмахал". Семичастный завершает донос: "По имеющимся у нас данным, Жуков собирается вместе с семьей осенью выехать на юг в один из санаториев МО. В это время нами будут приняты меры к ознакомлению с написанной им частью воспоминаний".

Хрущев и К' не стали дожидаться осени - очередного негласного обыска у Жукова, и поторопились вмешаться в творческие планы опального маршала, поручив 7 июня Суслову, Брежневу, Швернику и Сердюку "вызов в ЦК Жукова Г. К. для предупредительного разговора с ним". Из великолепной четверки с Георгием Константиновичем взялись поговорить только двое, Брежнев и Сердюк. 17 июня Семичастный донес Хрущеву о разговоре со слов Жукова (видимо, записанной техническими средствами КГБ беседы супругов Жуковых). Брежнев с Сердюком попытались запугивать маршала, вы-де "где-то нелегально пытаетесь вести борьбу с линией ЦК". Никак не меньше! Наговорили ему гадостей. Жуков достойно ответил шантажистам, а они гнут свое: "Вот видите, мы достаточно чутко и уважительно к вам относимся". Жуков саркастически: "Спасибо за такую чуткость и такое уважение". Он изъявил готовность работать, ибо "еще не рехнулся и память у меня хорошая, навыки и знания хорошие, меня можно было бы использовать. Используйте". Все напрасно.

Как при Хрущеве, так и с его падением в 1964 году поворота в судьбе Георгия Константиновича, конечно, не произошло. Конечно, ярые разоблачители типа Батова или Конева

сообразили, что на их товар больше спроса нет, притихли. Негласно эстафету в отношении Жукова у хрущевцев приняли брежневцы, той же партийно-чекистской выучки. Посему тяжести в свинцовой плите осуждения партией Жукова не убыло. Вздорные обвинения, лежавшие в их основе, никогда не дезавуировали, хотя и не очень нажимали на: них. Они имели решающий вес в глазах соратников Г. К. Жукова. Маршалы Конев, Соколовский, Василевский начисто отказались написать или, точнее, подписать очерк о Г. К. Жукове ко дню его 70-летия в 1966 году. Конев еще нравоучительно изрек представителю "Военно-исторического журнала": "Как член Центрального Комитета нашей партии я считаю недопустимым публиковать в вашем журнале какую-либо статью к 70-летию со дня рождения маршала Жукова".

Они были людьми своего времени, не исключая и Георгия Константиновича. Они почитали кощунством даже помыслить о том, что можно пойти против "коллективной мудрости" партии, воплощенной в очередном косноязычном решении Пленума ЦК КПСС. Когда эгоистические интересы партийных бонз драпировались пустопорожней риторикой, Георгий Константинович, увы, не видел этого и с невероятным упорством все обращался в ЦК КПСС, к Брежневу, прося снять позорящее коммуниста клеймо, наложенное на него в 1957 году. Он умер 18 июля 1974 года, так и не получив вразумительного ответа на свои обращения.

* * *

Разные судьбы трех великих полководцев XX века венчал один конец - они ушли признанные как военные гении, но под подозрением в темных замыслах политиками. Нагнетание страстей в отношении Макартура в США и Жукова в СССР подтолкнуло американских публицистов Ф. Нибела и Ч. Бейли написать и напечатать в 1962 году остросюжетную книгу "Семь дней в мае" о неудаче военного переворота, который в будущем - 1974 - году затеял вымышленный председатель американского комитета начальников штабов генерал Скотт и не преуспел. Книга имела порядочный резонанс. Президент Дж. Кеннеди, прочитав ее, заметил: "Я знаю парочку генералов у нас, которые хотели бы сделать это".

Журнал "Ньюсуик" ознаменовал 22 ноября 1993 года, тридцатую годовщину гибели Кеннеди, громадным материалом "Что правительство держит в тайне о ДФК". Вернувшись к обстановке в США в то время, журнал настаивал: "На крайне правом фланге антикоммунистическая истерия достигла такого накала, что власти в Вашингтоне действительно боялись

переворота правых. Когда президент Кеннеди прочитал в 1962 году бестселлер "Семь дней в мае" о военном путче против президента, он заметил: такой путч возможен против него". Сентенция эта, как и многое другое, касающееся Дж. Кеннеди, канонизирована в Соединенных Штатах. О психологии профессиональных военных взялся судить не тот, кто посвятил всю жизнь службе в рядах Вооруженных Сил. Вершина военной карьеры Дж. Кеннеди командир торпедного катера во время войны. Но он высказывался с решительностью ветерана - в чине отставного лейтенанта.

В русском переводе книгу прочитал Г. К. Жуков. Изолированный от всех, он мог обсудить ее только с дочерьми. Маршал отдал должное занимательному сюжету, что касается реальности заговора как такового, то Георгий Константинович отрубил: "Авторы не понимают, что такое профессиональный военный". Он прав, со своей точки зрения, наш прославленный маршал, ставящий на первое место в жизни решающее качество - порядочность. Георгий Константинович как-то задумчиво объяснил: "Мне видится бездна, в которую и заглянуть страшно, если человек перестает быть порядочным".

В пресловутой бездне вызревают и приобретают форму параноидные подозрения в отношении военных. В послесловии к переизданию (1990 год) книжки Нибела и Бейли у нас внимательный исследователь А. А. Файнгар подметил: "В нашей собственной истории тема военного переворота глухо звучит в ряде публикаций в связи с именами Тухачевского и Жукова. Никогда никаких доказательств обнародовано не было (очевидно, их нет), однако Тухачевский пал жертвой сталинских репрессий, а Жуков был дважды смещен с высоких постов, сначала Сталиным (известно, что после войны бериев-ские следователи выбивали у нескольких арестованных генералов показания о якобы замышлявшемся Жуковым военном заговоре) и позже - Хрущевым. В своих мемуарах Хрущев, очевидно, пытаясь оправдаться перед историей, утверждает, что у него были основания для снятия Жукова с поста министра обороны, но фактов не сообщает. Недавно сын Хрущева говорил о том, что Жукову инкриминировалось несанкционированное создание десантной части, якобы предназначенной для военного переворота. Все это маловероятно и никак не вяжется с образом маршала, каким он предстает со страниц своих книг и многочисленных воспоминаний о нем. Остается предположить, что слухи эти дошли до Нибела и Бейли, ведь генерал Скотт в их романе тайно создает диверсионную воинскую часть".

Предположение А. А. Файнгара, по всей вероятности,

реально, но это только часть правды. Другая - в США есть собственные американские причины для опасений по поводу военного переворота. Изысканный интеллектуал, прославленный в нынешних США писатель Г. Видал (выросший, кстати, в военной среде) писал в середине семидесятых: "В канун второй мировой войны мне довелось несколько раз выслушать рассуждения генералов ВВС, которые с юмором, скоро перешедшим в навязчивую идею, заявляли, что очень легко захватить Белый дом, разогнать конгресс и не допустить, чтобы тот еврей Франклин Д. Розенфельд (Рузвельт. Н.Я.) пытался развязать войну против Гитлера. Хотя Гитлер и был жалким шутом (вероятно, и скрытым евреем), он выполнял наше дело - убивал коммуняк. Этот образ мышления отнюдь не мертв в наше время. Как-то я спросил Флетчера Нибела, что подсказало ему написать живой и популярный боевик "Семь дней в мае" о возможности военного переворота в Вашингтоне. "Беседы с адмиралом Рэдфордом, сказал он мне. - Адмирал напугал меня до смерти. Я мог представить, как комитет начальников штабов выгонит вон Кеннеди".

С незаурядным публицистическим даром Г. Видал в очерке о военной академии США Вест-Пойнт выстроил прочную аргументацию в подтверждение своих личных впечатлений об отечественной военной среде конца тридцатых, экстраполировав их на сегодняшние дни. Помните, настаивает Г. Видал, "истинный отец-основатель Вест-Пойнта С. Тайер был страстным обожателем Бонапарта и находил хорошее в прусской системе". (Вот вам "бонапартизм" и в США. - Н.Я.) Он утверждает: "Самое смешное - несмотря на средства, истраченные на наши вооруженные силы, они не могут выиграть никакой войны, кроме войны против американского народа". Наконец, Г. Видал подводит итог: если в 1933 году генерал морской пехоты С. Батлер отказал крупным монополистам возглавить переворот против президента Ф. Рузвельта, то ныне заговор типа того, который отказался устроить генерал Батлер, может оказаться привлекательным для исповедующих кредо "Честь, Долг, Родина" (лозунг Вест-Пойнта). Эти сентенции включены в исполинский том (1300 страниц) Г. Видала "США, 1952- 1992 гг.", увидевший свет в 1993 году. Рассуждения Г. Видала звучали убедительно до тех пор, пока он не помянул реакцию профессионального солдата генерала С. Батлера на внушения устроить государственный переворот.

Вооруженные силы в глазах профессионалов, а не дилетантов, не тот инструмент, который обращается против собственного народа.

Военные заговоры, как таковые, - достояние режимов, не

отличающихся стабильностью. Они анахронизм в современном высокоорганизованном обществе с развитой системой ценностей, среди которых нет места для военной диктатуры. Тем не менее и в таком обществе великий полководец - фигура высокочтимая почти всеми. Что происходит в этом отношении у нас применительно к Г. К. Жукову, по-видимому, виднее со стороны. Американец У. Спар так заключил в 1993 году свою книгу "Жуков: взлет и падение великого полководца":

"В 95-ю годовщину со дня рождения Жукова в 1991 году, в годину борьбы русского народа с новыми бедствиями, Жукова поднимают как икону, олицетворяющую дух русского народа, умеющего выдвинуть вождя-спасителя в экстремальных обстоятельствах. Жуков - воплощение русской чести и доблести, символ русских побед, русского суверенитета и русского духа - изображается вдохновителем следующей русской революции. Вполне может выдвинуться человек с положительными качествами характера и национального престижа Жукова, преданного национальному благосостоянию и, давайте надеяться, не на белом коне.

Чем бы ни разрешилась борьба за выдвижение нового руководства и что бы ни было обнаружено в архивах касательно политических намерений Жукова, ничто не сможет стереть или запятнать образ этого человека на белом коне, который сделал так много, чтобы поднять свою страну до сияющих высот".

Можно и нужно подписаться под каждым словом американского исследователя, достойно закончившего там, за океаном, книгу о нашем национальном герое.

Избранная библиография

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Десятое издание, дополненное по рукописи автора. Т. 1-3. М., 1990.

Жуков Г. К. Коротко о Сталине. - "Правда", 20 января 1989.

Жуков Г. К. Неизвестные страницы биографии. - "Военные Архивы России", 1993, 1-й выпуск.

Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1987.

Маршал Жуков: полководец и человек. Сборник, т. 1-2. М., 1988.

Светлишин Н.А. Крутые ступени судьбы. Жизнь и ратные подвиги маршала Г. К. Жукова. Хабаровск, 1992.

Тлас М. Г. К. Жуков - полководец, стратег. М., 1991.

Яковлев Н. Н. Жуков. М., 1992.

Батов П. И. В походах и боях. М., 1962, 1966.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974.

Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1965.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1985.
Руденко С. И. Крылья победы. М., 1985.
Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1985.
Вестфаль З. и др. Роковые решения. М., 1958.
Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1955.
Манштейн Э. Утраченные победы. М., 1959.
Рейнгардт К. Поворот под Москвой. М., 1980.
Caiden M. The Tigers are burning. N. Y. 1974.
Isaacson W., Thomas E. The Wise Men, N. Y. 1986.
Salisbury H. The Greatest Battles of Marshal Zhukov, N. Y. 1969.
Spahr W. Zhukov. The Rise and Fall of a Great Captain, L. A. 1993.
Bohlen Gh. Witness to History 1929-1969, N. Y. 1969.
Elsenhower D. Crusade in Europe, N. Y. 1948.
Elsenhower D. Mandate for Change, N. Y. 1963.
Elsenhower J. Strictly Personal, N. Y. 1974.
Living D. The Trail of the Fox, N. Y. 1978.
Manchester W. American Caesar. Douglas MacArthur 1880-1964, N. Y. 1978.
Smith R. MacArthur in Korea. The Naked Emperor, N. Y. 1982.
Young D. Rommel, London 1975.
Составил Н. Н. Яковлев